

НОВАЯ ПОЛЬША 1/2018

Выпуск изображений

Войцех Карпиньский (р. 1943) — эссеист, редактор, автор трудов по истории XIX в., эмигрантской литературе и искусству.

«В 1963 году, студентом второго курса университета, я впервые оказался в Париже и впервые получил возможность читать свежие номера «Культуры» и книги из «Библиотеки „Культуры“», а также другие эмигрантские издания. Я покупал их в «Либелле» у Романовичей, иногда в польском книжном магазине на бульваре Сен-Жермен. Читал с волнением. Тоже незабываемое переживание, ведь это были не простые номера «Культуры». До сих пор помню, какие там печатались тексты, и считаю эти годы временем зрелости или расцвета польской эмигрантской литературы». (Разбойничьи книги и города, НП 1/2018)

«Я живу далеко от центра Парижа, в шестнадцатом округе. Звучит неплохо, но место, где я обитаю — уже не тот «престижный» шестнадцатый округ, хоть оно и достаточно любопытно. Любопытно тем, что здесь была сосредоточена жизнь среднеобеспеченной русской эмиграции. Те, что побогаче, обитали близ Триумфальной арки. В шестидесяти метрах от моего дома, на улице Буало, пересекающей мою улицу Клод Лорен, в доме номер 59 жил до отъезда в Соединенные Штаты Владимир Набоков. Чуть дальше, на той же улице Буало, есть большой дом, в котором проживало сразу несколько русских писателей, в том числе Алексей Ремизов. Когда я только поселился в этом районе, возле Порт-де-Сен-Клу, то еще порой встречал пожилые пары, говорившие по-русски, а к продавцам обращавшиеся на таком дивно певучем французском, что не понять, откуда они родом, было невозможно». (Разбойничьи книги и города, НП 1/2018)

«С некоторых пор польский Париж очень изменился. Раньше его жизнь крутилась вокруг нескольких эмигрантских организаций или нескольких мест, которые в силу обстоятельств приобрели статус организаций. Тот, кто приезжал в Париж, рано или поздно попадал в орбиту польского книжного магазина «Либелла» на острове Сен-Луи близ Отеля Ламбер; хозяевами его были Казимеж Романович с женой, прекрасной писательницей, Зофьей Романович. Этот магазин существовал с 1946 года и перестал функционировать 31 декабря 1993 года». (Разбойничьи книги и города, НП 1/2018). Все фото Богдана Пачовского.

Содержание

1. Стихотворения
2. Голос орфического братства
3. Западня для добрых людей
4. Хроника (некоторых) текущих событий
5. Экономическая жизнь
6. Невесомость
7. Агата Дуда-Грач
8. Культурная хроника
9. Стыдливый мифоман. Тони Халик в мундире вермахта
10. Сто лет, которые смутили мир
11. Выписки из культурной периодики
12. Россия Болеслава Пруса
13. Ежи Гедройц — читатель и издатель русской литературы
(ч. 1)
14. Разбойничьи книги и города
15. Арсений Рогинский (1946–2017)

Стихотворения

Перевод Андрея Базилевского

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ЗА НИХ ВЗЯЛИСЬ!

Гражданин ЦЕРХ,
что прикажете делать с хартией прав препарированного
человека?
Его носилки и правую руку я поместил в витрину.
Слишком много света — купить шторы!
Как быть с туловищем, с головой? — Обязательно осветить
лицо.
Хартию прав человека заменить картой болезни.
Это разбудит общественное мнение!
Усыпить и переселить, сон — это правомочная депортация.
Жена у него была? — Была.
Оплодотворить. Не важно, кто это сделает.
Детей не было.
Свидетелей не будет.
Мы ещё не всё знаем о тех, кто остался
при своих убеждениях.

А что они думают об этом?
Кто знает?
Кто-то должен знать. Да, у нас тут есть донесения двоих,
которым кажется, что они сильны... им кажется так потому,
что их двое; что они делают? — Пишут.
Купить их любой ценой, в обязательном порядке.

В критический день — где они находились?
Показания совпадают...
Мы там были недолго, видели, как над городом
восходила тень, беспросветный мрак подкрался с маленькой
виселицей,
повязав красную фразу на шею, наши
двойники стояли во весь рост... ладно, ладно.
Улицы скандировали тишину, нагнетая страсти и анархию.

Это всё болтовня. А что делал тот, что повыше?
Стоял во весь рост с красной фразой наперевес и внимал
волнам вибрирующих голосов, а может, и песен, так он
говорит.

Прыть, рождённая криком, знакомый мотив –
мы расшатываем фундамент их бытия.
Один из них утверждает, что он ГУМАНИСТ.

Где и когда он это утверждал? Есть его словесный портрет?
Описание внешности? Уточним. Итак?
Рост 173, вес 75 килограммов,
глаза цвета пепла, волосы вьющиеся. Номер удостоверения
личности
ПИС 201516. Номер военного билета ИПН 1943/2016.
Звание? — выше не прыгнешь, выраженные особые приметы.

Тем временем Рышард ест свой суп в молочном баре «Калибр»...
Довольно, ша; особые приметы и копию ОПИСАНИЯ ТЕНИ,
восходящей над городом, приобщить к делу.
...Где-то скрытые
от меня друзья азартно на меня доносят, где-то ещё
    больное солнце что-то гортанно декламирует перед этими
нашими не слишком искушёнными вестниками нового слова...

Послать человека из города ГРУКС,
пусть выяснит все возможности их неизбежной смерти.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ ШЕСТОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА ГРАЖДАНИНА К.К.

С тех пор как ветер был подожжён воздухом демонстраций,
деревья
    отказались подчиняться,
а когда методический центр насилия запылал изнутри,
    это сделали люди.

Сначала кости скрежетали под пилой,
но когда в ход пошли циркулярные пилы,
    хорошее настроение уже не покидало поля боя.
С тех пор как выросли гигантские отвалы вывезенных на
грузовиках
    убеждений
и кончилось время героических подвигов зарезанной
откровенности,
земля в тысячах мест провалилась вглубь, но не покинула поля
боя.

Со времён гражданского презрения — дела отпиленных рук –
смерть согревалась в резком визге дипломатических шин,
а грибница дружбы успешно окружала представительства шеи.

Под кожей пропаганды пульсировало общее дело
контрабандной жизни.
Со времён вшитого под кожу насилия любое преступление
смердит
свежими ораторами в распахнутых журналистами дверях.

И потому, когда ты захлопнешь за собой последнюю дверь,
убийцы разума
в нарукавниках вынесут административный приговор.

С тех пор как знамёна лозунгов стали национальным ритмом –
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими
обстоятельствами.

С тех пор как гетто дворца природы стало штатным окном в
мир –
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими
обстоятельствами.

С тех пор как путевой дворец стал диктатором моды с показами
в роскошных подземельях –
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими
обстоятельствами.

С тех пор как центральный дом права и справедливости стал
авангардом
массированной атаки на качество существования –
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими
обстоятельствами.

С тех пор как министерством знаков признано искусство
конформизма –
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими
обстоятельствами.

С тех пор как министры социально-полицейских бригад
произвели
нобилитацию бетонной стены –
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими
обстоятельствами.

С тех пор как люди говорят — всё искусственная вода,
а знамёна лозунгов стали национальным ритмом,
я нахожусь в состоянии войны со смягчающими
обстоятельствами.

ТЕМ, КТО ПО НОЧАМ УСТАНАВЛИВАЕТ МИРОВОЙ ПОРЯДОК

Коричневые слова порождают красные слова — презрение
смешивает цвета.
Не было ночи, я не мог принять мир, как он есть.
Договор между сном и реальностью атакован манифестом
человека,
созданного для поддержки властей.
Зелёные мундиры — чёрные маски — красные очки,
каверзный блеск штыков и медленное кипение взвешенного
мозга.
Болезни ног — фантазии рук, способных на что угодно.
На передней линии огня короткие очереди алкоголя,
сапогами разорван бег.
Вывожу семью на прогулку в масках, черным ходом дня,
уже нет времени на более надёжный маршрут.
Те, кто не успел снять скальп с языка, сделают это позднее.
Те, кому не хватило открытых слов, увидят их взаперти.
Подмоченное уважение дрожит на сеннике под небом звёзд,
диаметром глоток обусловлен калибр внутренней бомбы,
вплоть до внешних пределов, взорванных сверкающим нутром.
Наша рота поет:
ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО НОЧИ
ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ДНЯ
Те, для кого мотив тьмы — оппозиция, сплочённая настолько,
что её могут увлечь коричневые слова, способны принять мир,
как есть.
Тень случайной смерти будет требовать дня;
правда, карательные органы редко выходят за рамки
опереточной
условности, но можно попробовать после.
Все подошли к окнам!
Свет был всюду погашен! Одно было ясно! Мы окружены!
ОКНА БУНТА БЫЛИ ОТКРЫТЫ
Иногда, действительно, возможен шанс прорыва
через минное поле жизни, шанс пережить свои раны.
Красные очки многократно усиливают свет заходящего солнца,
навеая безмятежность.
Ритуал — чёрные маски выбиты из стрелковых окопов.
Площадь Войны заросла свежесшитыми мундирами зелени.

Ночь прерывалась краткими приступами агонии.
На этот раз мы хорошо знали, что государство не обязано
достоверно устанавливать вину, что выражено тремя
фронтами
языковых территорий, довольно бесцеремонно окруживших
наши позиции. Эмоционально чуждый грамматический строй
поставил правила игры на боевой взвод; коричневые команды
смешались

в красном потоке, болезненное презрение двух наёмников
постепенно нарастало.

Голос орфического братства

Кшиштоф Мрозовский (1943–2017) принадлежал на рубеже 60-х — 70-х годов к числу самых активных и популярных в литературной среде поэтов поколения-68. У него изначально, учитывая цензурную блокаду, не было шансов пробиться со своими произведениями (чаще всего это развернутые поэмы) к широкой публике. Свои первые книги — в том числе большой сборник «Текст» — он публиковал крошечными тиражами за собственный счет. Несколько стихотворений удалось, благодаря Тымотеушу Карповичу, напечатать во вроцлавском ежемесячнике «Одра», еще несколько появилось в антологиях, фрагменты одной из поэм были помещены в журнале Ежи Гедройца «Культура». И это всё. Из-за постоянных отказов в публикации поэт отдалился от литературной жизни, но писать не перестал. Незадолго до смерти он издал книгу своих поздних текстов «Хозяин алфавита».

Выход этой книги — событие, которое трудно переоценить с историко-литературной точки зрения, но прежде всего — с чисто художественной. Можно сказать, «Хозяин алфавита» — поздний, очень поздний дебют одного из наиболее экспрессивно самобытных поэтов «Новой волны». Однако несомненно, хотя это может показаться парадоксальным, дебют не запоздалый. Более того: я бы сказал, что эта книга — своего рода вызов сегодняшним дебютантам, особенно тем, кого причисляют к авторам, склонным решать общественно важные проблемы.

Так же, как в более ранних книгах Мрозовского, поражает энергетическая мощь текста. Стоит обратить внимание на двуступенчатость из авторского вступления: «Поэмы не требуют объяснений, а гордыня хаоса растет/ по небрежению обычного человека». Обычный человек, *homo vulgaris*, может вырваться из хаоса, только предельно сосредоточившись. Именно сосредоточенности требует поэзия, сфера существования тех, кто принадлежит, подобно лирическому субъекту, к «Орфическому братству острова Самос», о чем мы читаем в тексте, открывающем книгу. Существенный фон стихотворений, составляющих сборник Мрозовского, — орфический миф о сотворении человека, которому дан шанс вырваться из сетей обыденности в пространство счастья, — если человек будет культивировать в себе божественное начало. Разумеется, это не единственная точка отсчета; поэт обращается ко многим источникам, переосмысливает мифы и

библейские притчи. К примеру, в «Скальном парусе» он вызывает к жизни героя по имени ВОИ: «ВОИ любил Бога, который смешивал судьбы людские в ожиданье добра (...) ВОИ склонялся над собой». При невнимательном чтении можно не заметить, что герой этот — ИОВ. Почти незаметна и тонкая языковая игра в стихотворении «Социальная аномия»:

«Когда они пришли за определенными людьми, я не протестовал,
ибо я был человеком неопределенным».

Сочетание «определенные люди» неоднозначно (в оригинале: «rewni ludzie» — то есть «некие», «какие-то», и в то же время — «надежные», «те, в ком можно быть уверенным»). Сразу очевидна двусмысленность ситуации: что может означать выражение «пришли за определенными людьми»? За кем — за незнакомыми или за своими?

Подобных нарративных приемов, требующих от «обычного человека» сосредоточенности, можно найти здесь гораздо больше, и это не надуманные речевые шарады, а попытка сопоставить ситуацию человека и ее словесное выражение. Можно перефразировать авторское замечание, сказав: да, «жизнь не требует объяснений», однако небрежение приводит к тому, что жизнь теряет смысл, погружается в хаос. При этом «лингвизм» Мрозовского идеально встроен в ход повествования, это не демонстрация способностей, а их применение ради смысла человеческого бытия, в противовес хаосу. Насыщенность образов, широта ассоциаций и творческая энергия подчинены здесь железной дисциплине.

Я хочу лишь отметить выход книги, требующей тщательного, детального рассмотрения. Не знаю (это уже на полях), имеют ли образы таинственных Трилетов, «продавших вавилонянам число Пи», какое-либо отношение к записанному в 1980 году альбому «Try let it all out» группы прогрессив-рока «Кэмел», одним из лидеров которой был Энди Латимер (Мрозовский пристально следил за рок-сценой). Важно, что эта поэзия постоянно работает и — благодаря более или менее далеким ассоциациям — расширяет свое содержание. Наложение смыслов ведет к созданию чуть ли не космического нарратива, в пространстве которого мифы сталкиваются с оригинальными плодами фантазии. При этом возникает репортаж о нашем «здесь и сейчас»: вращение небесных тел так же важно, как вращение предметов, их орбиты постоянно пересекаются и переплетаются. Распутывание переплетений может стать увлекательным занятием для специалистов по интерпретации поэзии, но читателям я бы не советовал углубляться в подобные занятия: надо принимать эти стихи в их тотальности и анархическом размахе.

Нелишне будет заметить, что герой этой поэзии во многом

сродни Йозефу К. из «Процесса» Франца Кафки. Он гораздо более непокорен, чем тот, но также бьется в сетях порабощения, отнимающих свободу и чувство достоинства. Зато он наделен, что особенно важно, способностью к самозащите, что не позволяет системе превратить его в безвольного исполнителя навязанной роли. В сущности, эта поэзия — возвышенный манифест индивидуальной суверенности и готовности к бунту во имя прав и истин, поставленных под угрозу.

Западня для добрых людей

В Польше довольно редко проходят дискуссии о современных проблемах мира. Польские СМИ волнуют локальные темы: войны в сейме или очередные зачастую странные шаги польского правительства. Мир интересен нам исключительно как отклик на наши польские вопросы. Что о нас подумают другие? Кто и что о нас написал или сказал? Из-за чего мы опять стали посмешищем?

Одни журналисты стыдятся этого, другие считают, что, наконец-то, мы встаем с колен, хотя на самом деле лежим на лопатках. Одни издания пишут: надо принимать беженцев, другие — чтоб их ни в коем случае не впускать. Беженцев и исходящих от них угроз терактов больше всего боятся польские крестьяне (целых 60%). Должна признаться, что перед лицом этого факта я была довольно долго интеллектуально уязвима.

Чаще всего обо всем этом я читаю по утрам, с шести до семи, это мой утренний обзор прессы. 14 лет я живу в Берлине — в городе, где из общего числа 3,6 млн жителей 658 тысяч имеют гражданство другой страны, а мигранты составляют целый 1,123 млн (в самом Берлине проживает больше иностранцев, чем во всей Польше, где их почти 250 тыс.). У каждого пятого берлинца другой, не немецкий, паспорт, в том числе и у меня. После семи я иду на работу. Я — учительница немецкого языка в классе для беженцев и мигрантов. Работа учителя в Германии, не то, что в Польше, ценится высоко и хорошо оплачивается. Мою профессию защищают сильные профсоюзы, а чтобы стать учителем, надо пройти довольно сложные процедуры.

Второй год я учу детей, которые прибыли в Европу в 2015 и 2016 году. До этого десять лет преподавала взрослым мигрантам и беженцам. Я знаю людей со всего мира, с каждого континента. Знаю сотни историй о побеге или об эмиграции, сотни мотивов, какими руководствовались эти люди, как они добрались до Европы и знаю, как выглядит их повседневная жизнь на этой вымечтанной земле, оказавшейся, что часто случается, совсем не той, какую они себе представляли. Можно неплохо узнать людей, проводя с ними ежедневно по шесть часов в течение всего года.

У меня были группы с четырьмя Мохаммедами, двумя Абдуллахами, Абдулрахманом, Гасаном, Фатимами и Хатидже

из Турции; паном Войтеком — строителем из Ополя; поляком в большой нужде, который так никогда и не отдал мне одолженные 100 евро; целителем из Украины — инженером, работающим в колхозе, который возле лифта накладывал мне руки на голову — снимал боль от жизни в городе; с российским немцем, который не любил Германии; ливанцем, мечтающим жить в квартале, где одни только немцы, лишь бы подальше от остальных арабов; поляками, рожденными в казахстанском лагере; турчанкой, мечтающей о работе в немецкой фирме; пани Беатой — уборщицей в гостинице; польской студенткой, влюбленной в немца; русским, который во времена ГДР служил здесь солдатом и теперь расхваливал советский порядок мира; белым австралийцем с ливанскими корнями, который составлял коктейли в берлинских барах; агрессивной камерункой, которая чуть не избила меня; гигантом из Сьерра-Леоне, который в детстве был чем-то вроде сына полка и который, как сам говорил, делал «страшные вещи», но на занятиях оказался необычайно спокойным и отзывчивым товарищем.

Помню веселого Джозефа из Ганы, который в срочном порядке искал себе немецкую девушку, чтоб иметь с ней ребенка, тогда бы его не депортировали; прелестную вьетнамку, которая в 70-е годы спаслась бегством от преследований; женщину из Чечни, которая ненавидела русских; информатиков из Беларуси и Украины; француза, сделавшего фотографию, которая стала символом падения берлинской стены; англичанина с польской фамилией, с которым я дружу по сей день, его отец во время Второй мировой войны был пилотом RAF^[1], и рыжего южноафриканца, который ни бельмеса не понимал на занятиях и уговаривал Мохаммеда пойти на пиво — объяснял, что, мол, вечером Бог спит и ничего не видит.

По-разному сложились их судьбы. Счастливый Джозеф пришел похвастаться, что в Германии у него родился сын. Некоторые ходили в школу впервые в жизни и, наконец, умели читать и писать, хоть и не на родном языке, а по-немецки. «Лучше писать по-немецки, чем вовсе не писать», — сказал мне один ливанец, которого спустя годы я встретила в метро. Другие делали вид, что мы никогда не встречались и не мучились всем скопом, учась писать первые буквы латинского алфавита.

Помню польского малолетнего преступника, который с гордостью показывал мне документ, освобождающий его из тюрьмы на хорошее поведение. На каждой переменке он читал книги. Этот наголо бритый паренек помогал сирийцам разобраться в немецкой грамматике — тюрьма ведь тоже

научила его кое-чему по-немецки. В группе его любили, хотя его литературной страсти не разделял никто. Помню учительницу музыки из Азербайджана, которая спросила меня: «Учительница, а Сталин был хороший или плохой?». Плохой, ответила я. Помню женщину из Таиланда, которую, как свою новую жену, привез в Германию муж, намного старше ее, и ежедневно заезжал за ней после занятий, давая понять, чем она занималась раньше. Помню прекрасную женщину из Бразилии, которая время от времени приносила нам свою выпечку — готовила она для очень богатой семьи, но иногда и нам перепало. Помню парня из Нигерии, который не верил, что Германия проиграла Вторую мировую войну, и грозился, что проверит в интернете, потому что я — всего лишь полька-недоучка. Потом мы смотрели фильм о бомбардировках Берлина в 1945 году, а он то и дело выкрикивал: «Не верю!». Он обожал Германию, считал, что это лучшая в мире страна. Так считали и многие палестинцы, которые на занятиях о Катастрофе чаще всего выходили из класса или комментировали: «Правильно немцы сделали», чем доводили меня до бешенства.

Люди из черной Африки говорили, что на старость возвратятся к себе, что не смогут жить тут, в Европе, слишком уж стары, чтоб выполнять тяжелую физическую работу. Они откладывали деньги, строили там дома, в которых жила многочисленная семья. «Ты видела когда-нибудь здесь черных стариков?» — спрашивали они. Нет, это действительно редкость. «Мы бы хотели умереть среди своих». Я желаю им, чтоб в домах их мечты нашлась хотя бы одна свободная комната для них самих.

Я помню поляка, который подошел ко мне и по-польски сказал, что не хочет сидеть рядом с арабом. Я попросила его, чтоб нашел себе другое место или другую группу, поскольку это курс для взрослых, а я тут не для того, чтоб указывать, кто с кем должен сидеть. Я научилась никогда не вступать в дискуссию на такие темы. Он не пересел, и в последствии на каждой перемене вместе с этим арабом курил общие сигареты, привезенные, естественно, из Польши. Не знаю, о чем они разговаривали, но разговаривали нон-стоп. Те же проблемы были и у турок, которые не хотели сидеть рядом с темнокожими из Африки. Одна женщина пережила шок, узнав, что молодой африканец, сидящий с ней рядом — это врач из Штатов, потом она была приветлива с ним. Помню иракца, был он военным, сражался на американской стороне. И остался недовольным своей теперешней ситуацией. Еще одного парня звали Ленин, сколько же издевок он вытерпел из-за своего имени. Был он

кардиохирургом из Центральной Америки и делал такой салат из авокадо — пальчики оближешь! Надеюсь, что сдал все экзамены и работает по специальности — он был настроен очень решительно, так же, как и его немецкая жена, красавица, тоже врач.

Помню чудесного сирийца из Варшавы, который, пожив в Польше пару лет, вернулся к себе, на берег Средиземного моря, а теперь из-за войны ему пришлось еще раз начинать жизнь сначала. На занятиях он сидел вместе с поляками, конспектировал по-польски, и с первого взгляда было видно — наш человек. Так его, впрочем, и звали: Ахмед-Поляк. Прекрасно помню палестинца по имени Иса (этим именем в Коране называют Иисуса), который прекрасно говорил по-польски, жил у нас в Польше много лет и так же, как его польские соседи, приехал в Германию за лучшим заработком. Он очень быстро нашел себе работу и пришел со мной попрощаться, очень он любил Польшу, имел польское гражданство, польскую жену и польских детей.

Когда кто-нибудь в Польше спрашивает меня, что я думаю о мигрантах, я начинаю разговор именно так. Мой собеседник обычно недоволен: «Ничего конкретного! Не говоришь, какие они! Что это значит, что они разные? А вообще-то ты знаешь мусульман?». Да, три четверти из перечисленных тут людей исповедуют ислам.

Некоторые из них убеждены, что это самая лучшая религия в мире, единственно верная. Чаще всего эти люди мрачны и высокомерны. Они ведь знают правду и презирают тех, кто не удостоился милости быть мусульманином. Больше всех они презирают других мусульман, тех, что не веруют крепко и, что самое главное, как надо! Точно так же и польские национал-католики — те тоже питают отвращение к остальным, оскорбляя людей иных взглядов или иного стиля жизни. Такая модель поведения действительно универсальна, она не зависит от религии или вероисповедания, ее заметит любой наметанный глаз.

Другие подходят ко мне и по секрету говорят: «А я иногда могу выпить ракии или пива, о Боге я особо не думаю». Третьи говорят, что ненавидят остальных мусульман, потому что те все время за ними шпионят, а они хотят быть свободными, такими, как мы в Европе. У женщины без хиджаба могут быть радикальные взгляды, а та, что закрыта с ног до головы, кроме маленького окошка для лица, может свободно мыслить, а одевается она так, чтобы семья оставила ее в покое.

Я научилась быть осторожной с людьми, которых боятся свои же земляки. Одного молодого сирийца из моей группы боялись все. Красив, остроумен, прекрасно учился, но его не любили, избегали его, он хвастался, что был на войне. Не боялся никого и ничего, а меньше всего немецких чиновников. Ему импонировало, что сирийские девушки, завидев его, опускают голову. Когда на моих занятиях он стал высказываться типа: самое плохое в Европе — это женщины, а я спросила, почему он так считает, он прокричал: «Я не обязан тебе отвечать!» — вот тогда я была сыта по горло такой работой. Это был парень из миграции «осень — 2015». В той же группе Мухаммад не реагировал на имя Мухаммад, подросток из Алеппо не хотел пользоваться арабско-немецким словарем, потому что не знал арабского, а когда к нашей группе присоединились два студента из Алеппо, стал говорить, что он из другой местности. Мужчина где-то после сорока был записан в журнале, как двадцатилетний юноша, девушка, зарегистрированная, как лицо с высшим образованием, не умела писать и не понимала слова «университет»... И так далее и тому подобное.

Какова же правда о беженцах? Может ли существовать одна-единственная правда о миллионе людей, решивших остаться в Европе? Знала ли Германия, впуская в страну море людей без документов, какой это риск и какой будет политическая цена эксперимента, в котором мораль стала выше закона? Можно ли кого-либо обвинять в том, что он представляется сирийцем, если убежище получают только сирийцы? А если б я была женщиной из Ирака, разве не представилась бы женщиной из Алеппо? Наверное, представилась, если б ни за что на свете не хотела возвращаться в Ирак. Имею ли я право чувствовать себя лучшей только потому, что родилась в Европе? Чем поляки, которые в 80-е годы рассказывали, что их преследует коммунистическая власть, а на самом деле они просто хотели улучшить свои экономические условия, были лучше этих бедняков? Разве немцев, которые осенью 2015 года приветствовали на вокзалах детей цветами и игрушками, интересует, что с этими детьми происходит спустя два года, или это уже забота социальной опеки государства? Кто теперь чувствует себя лучше — тот, кто дарил подарки, или тот, кто их получил?

Кого интересует судьба десятилетней девочки, которая уже четыре года не видела своей мамы и еще долго ее не увидит, потому что получила краткосрочную визу, а мама может приехать только на визу трехлетнюю, а такой девочка не получит, чтоб мама не смогла приехать, потому что тогда политикам не придется объясняться из-за очередного наплыва

людей в рамках воссоединения семей. Кого интересует судьба афганского мальчика, который родился в Иране, в школу ходил в Турции, пешком дошел до Германии, попал в Финляндию, там ходил в школу, из которой его депортировали снова в Германию, так как здесь у него сняли отпечатки пальцев, а теперь его ждет очередная депортация — в неизвестную ему страну, страну, в которой он никогда не был, то есть в Афганистан.

Один мальчик спросил меня, верю ли я в Аллаха, я ответила, что нет. Он расплакался и сказал, что я попаду в ад, а он меня любит и не хочет, чтоб я туда попала. Я его заверила, что у нас, христиан, другой рай, и я там буду. «Скажу папе», — обрадовался он. Что в голове у родителей этого мальчика, живущих на немецкие деньги и рассказывающих детям такие вещи? Да, я знаю теорию, дескать, это деньги от Аллаха или что, мол, Саудовская Аравия тайком платит Германии за каждого мусульманина — я это слышала не один раз. И я довольно часто задумываюсь, найдем ли мы общий язык, чтобы не убивать друг друга.

Вижу, как спустя год отсталая и агрессивная особа, становится открытой, потому что начинает осознавать, как функционирует мир вокруг нее. Она знакомится с другими европейцами, вместе они идут куда-то поесть, выпить чаю, где женщины жалуются на своих мужей и детей, а мужчины выкуривают не одну сигарету, и вот уже этот чужой мир становится более объяснимым и менее грозным. Некоторые обнаруживают, что особа в декольтированной блузке и мини — это не падшая женщина, а симпатичная, несущая помощь другим мать двоих детей. Другие понимают продавцов в магазинах и перестают бояться выходить из дому.

Я помню Фатиму, которая открыла, что ее муж на чате переписывается с девушками и рассказывает им, что ему 26 лет. Он как-то не выключил чат. Как же она смеялась над ним, ведь он, призналась она мне, на самом деле — старый дурак и алкоголик. Как она была горда собой, что поняла написанное, без чьей-либо помощи прочла текст и имела возможность отыгаться. А привезли ее из Турции в возрасте 16 лет, неграмотную, многие годы свекровь не разрешала ей выйти из квартиры. Фатима готовила и убирала для их многочисленной семьи. Не знала, как называется улица, на которой жила. Только когда умерла свекровь, она начала ходить по магазинам, сначала с сыном, потом с турецкой соседкой, и, наконец, сама, поскольку мужу хотелось выпить, и он разрешил ей выходить из дому. Вот так она купила себе первую новую

одежду. В сорок лет Фатима решила не носить хиджаб и не стыдиться того, что она из алевитов. Она не любила Турцию и не хотела туда ездить. Она показывала мне фотографии незаконченного дома, который муж ее начал строить лет двадцать назад. Дом для огромной семьи для нескольких поколений. Что у нее теперь в жизни: муж-пьяница, безработный сын, который не может найти себе девушку, потому что всех презирает. И, конечно, второй сын, у которого немецкая семья. По понедельникам она приносила мне лимонный пирог. Была она одной из самых жизнерадостных на курсе, счастливая, что что-то делает для себя. Мужу пришлось с этим смириться, иначе она бы не могла получать пособие. Стоит ли добавлять, что деньгами распорядился он. Спустя 26 лет жизни в Берлине она впервые посетила со мной Бранденбургские Ворота. Таких людей, вообще не знающих города, в котором живут, было по несколько человек в каждой группе. В Берлине есть улицы и кварталы, где знание немецкого совсем не нужно — там живет старая эмиграция с Востока. В 2015 году к ней прибавилась новая. Старая эмиграция не любит этих новых: «Когда мы приехали, нам ничего не дали, а у этих есть все! Слышали, какие деньги, какие квартиры они получают?»

Волна мигрантов, докатившаяся до Европы в 2015 году, была первой, но наверняка не последней. Африка перенаселена. Ближний Восток, Афганистан тоже не станут безопаснее. Все это страны, где полно молодых людей, у которых нет перспектив получить профессию и работать по специальности, но зато есть доступ к интернету и телевидению — там они видят наш прекрасный, зажиточный и красочный мир.

Что делаем мы, у себя в Польше, чтобы подготовиться к миграционным волнам, ведь не все же верят, что достаточно окружить себя каменной стеной, и к нам никто не проникнет. Знаем ли мы, сколько у нас в стране людей, говорящих по-арабски, на фарси или знающих языки Африки? Уважаем ли мы наших ныне тут живущих иностранцев или поляков, родившихся в Ливии, Тунисе или Судане? А они могут быть экспертами, теми, что помогут ответить на новый вызов — переводчиками, соцработниками, ассистентами, руководителями проектов. Понимают ли поляки, что мир не совсем бел или не весь католический? Пришло ли кому-нибудь в голову уже сейчас создать такие штабы советников? Думаю, что ничего подобного не происходит. Слышны только слова и высокомерные декларации о защите Вены от турок^[2]. Глумимся над разумом?!

Польские правые не только одурманены большой версией религии, как и радикальные мусульмане, они, к тому же, глубоко антиинтеллектуальны — что в большей степени объединяет эти две группы, нежели разделяет. Миграции происходили всегда, и всегда бедные шли туда, где, как они думали, будет больше шансов на лучшую жизнь для их детей. Эти слова, что всё, что мы делаем, делаем не для себя, а для своих детей, я очень часто слышу как от поляков, так и от турок. В культурном отношении мы очень похожи, даже женщины за столом одинаково всем прислуживают, в то время как немецкие женщины пьют кофе и ведут интересные разговоры.

Через несколько лет дети из моего класса станут взрослыми и большинство из них не получит никакого образования. Они прибыли в Германию в возрасте 11–12 лет, а это слишком поздно, чтобы подогнать математику, биологию, физику, английский, историю и литературу. У них не будет свидетельства об окончании начальной школы, они не смогут пойти в среднюю школу и не смогут учиться каким-либо профессиям вместе со своими немецкими ровесниками. Большинство закончит свое образование в возрасте каких-нибудь 16 лет после каких-нибудь курсов. У них будет знание немецкого и руки для плохо оплачиваемой работы. Но несмотря на это, будут ли они счастливы или кто-то радикализует их разочарования? Не знаю. Не знаю также, будет ли немецкий тинейджер счастлив в своей стране. Не знаю, где буду я сама.

Помогла ли бы я тем людям, с которыми познакомилась в эти годы? Помогла бы. Может ли Европа проиграть? Может. Что сделают Германия и Франция? Приспособятся к новой ситуации и ограничат потери? Что сделают поляки? Снова проиграют восстание, на сей раз защищая религию, версия которой уже много лет как никого в мире не интересует? Судно уже вышло из порта, набитое до отказа.

krytyka
polityczna

-
1. Королевские военно-воздушные силы Британии (Royal Air Force). В авиационном сражении Второй мировой войны — в Битве за Британию — принимал участие также польский воздушный корпус.

2. Здесь, в Вене, в 1683 г. произошло историческое сражение польско-австрийско-германских войск под командованием короля Польского и Великого князя Литовского Яна III Собеского и войсками Османской империи. Победа христиан положила конец завоевательным войнам Османской империи на европейских землях.

Хроника (некоторых) текущих событий

- Фрагменты выступления президента Анджея Дуды в связи с праздником независимости 11 ноября в Варшаве (выступление не было опубликовано в печатных СМИ). «Мы должны помнить, что самое важное — это верность отечеству, интересам народа, интересам каждого нашего гражданина. Эти ценности превыше всего. Они важнее наших идейных разногласий. Важнее наших полемик и конфликтов, при этом любая полемика, даже самая принципиальная, должна подталкивать стороны к диалогу и поиску согласия. Только так мы сможем выстроить фундаментальные основы нашего государства». (www.prezydent.pl, суббота, 11 ноября)

- Фрагменты выступления председателя партии «Право и справедливость» Ярослава Качинского по случаю дня независимости 11 ноября в Кракове (выступление не было опубликовано в печатных СМИ). «Мы должны стремиться к национальной консолидации. (...) Разумеется, я не имею в виду тех, кто с выгодой пользовался той порочной системой, от которой мы сейчас решительно отказываемся, не имею в виду людей, одержимых левацкими идеями. (...) Мы сбрасываем сейчас с наших плеч тяжелый мешок камней, который наш народ таскал на себе с 1989 года, мешок с коррупцией, злоупотреблениями, воровством, аморальностью и ненавистью к польскому патриотизму, польскому чувству народного единства. (...) Мы стремимся к идеалу Польши, которая будет гордой, независимой и сильной страной. (...) Мы будем делать все, чтобы общественное самосознание, духовность нашего народа, уверенность в собственных силах и уважение к своей независимости постоянно росли (то есть проводить “перековку”, как сказали бы в сталинские времена — В.К.). (...) Мы должны бороться за наши права. (...) Французам, евреям и многим другим заплатили за ущерб, который они понесли во время Второй мировой войны, а полякам — нет. (...) Это наше требование, и требование абсолютно серьезное». («Польска агенция прасова», 11 нояб.)

- 11 ноября «в Марше независимости, который по традиции прошел в этот день в столице, приняли участие около 60 тыс. человек». («Жечпосполита», 13 нояб.)

- «Во время Марша независимости наши неофашисты шли под флагами с кельтскими крестами. (...) Ни организаторы, ни

полиция не реагировали на фашистские лозунги. (...) Из приглашенных на субботний марш зарубежных гостей присутствовали, в частности, Роберто Фиоре, лидер итальянской неофашистской организации "Forza Nuova" ("Новая сила"), а также представители крайне правых организаций из Венгрии, ("HVM 64" ("Шестьдесят четыре округа") и "Йоббик"), Испании ("Национальная демократия") и Словакии ("Наша Словакия"). Специальным гостем марша националистов во Вроцлаве, в ходе которого произошли беспорядки, была Джайда Франсен, лидер крайне правой антииммигрантской и антимусульманской партии "Британия превыше всего"». (Яцек Харлукович, «Газета выборча», 13 нояб.)

• «12 активисток движений "Граждане Речи Посполитой" и "Варшавская забастовка женщин" развернули транспарант "Нет фашизму!". Их оскорбляли, пинали и оплевывали. (...) "Суки!", — кричали им проходившие мимо так называемые простые люди. (...) Полтора десятка парней в балаклавах, участников марша, были вынуждены окружить женщин кордоном, поскольку тем грозило линчевание. "Мы хотим Бога", — таков был лозунг Марша независимости. Но были и другие лозунги: "Белая Европа братских народов", "Белая сила, Ку-клукс-клан", "Национал-социализм", "Все разные, все белые", "Евреям не место у власти". Священники, пенсионеры, семьи с детьми, харцеры, студенты, школьники шли бок о бок с неонацистами и расистами. (...) Вы были там! И ваше согласие со всем происходящим — это самое страшное». (Войцех Карпешук, «Газета выборча», 13 нояб.)

• «У итальянцев фашистский марш ассоциируется с походом на Рим. (...) Они очень чувствительны к этой теме, поскольку у них та же проблема. "Как вы могли пригласить Роберта Фиоре?". Как будто это я его приглашал. (...) Меня пугает не то обстоятельство, что в марше участвовали 60 тысяч человек, меня пугают лозунги, которые сегодня появляются по всей Европе. Меня пугает отсутствие реакции со стороны министерства внутренних дел. А также его запоздалая лицемерная реакция и совершенно непрофессиональное поведение. Вот что страшно», — Ежи Штур, актер, режиссер. («Газета выборча», 7 дек.)

• «За день до (...) Марша независимости мэр Варшавы в очередной раз обратилась к министру юстиции с просьбой запретить "Национально-радикальный лагерь". (...) С этой же просьбой она обращалась к министру в сентябре прошлого года. (...) В июне прошлого года по распоряжению вице-министра внутренних дел Ярослава Зелинского из программы обучения полицейских был изъят учебник "Преступления на почве ненависти"». (Кацпер Сулёвский, «Газета выборча», 14 нояб.)

• «Марш независимости — это прекрасная инициатива

национально-патриотических организаций. (...) Жаль только, что мы обсуждаем различные эксцессы, а не замечательную гражданскую позицию наших соотечественников. (...) Я не оправдываю этих эксцессов, но гораздо большей проблемой мне представляются антикатолические и антиклерикальные призывы, с которыми в нашей католической стране (sic! — Виктор Кулерский) выступают некоторые участники общественной жизни», — депутат Томаш Жимковский. («Жечпосполита», 14 нояб.)

- «Проанализировав записи камер наблюдения на Марше независимости, полиция все-таки решила возбудить несколько дел. (...) Заявления о совершении преступлений уже направили в прокуратуру партия “Современная”, (...) президент фонда “From the depth”, которых оскорбили такие лозунги, как “Евреи, вон из Польши!”». (Изабелла Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 14 нояб.)

- «После марша Совет еврейских религиозных общин направил в прокуратуру уведомление о публичном оскорблении группы лиц в связи с их этнической и религиозной принадлежностью. (...) “Мы говорили председателю Качинскому, что на этом марше звучали угрозы и оскорбления в наш адрес, и что это уже серьезная проблема. Я благодарен тем представителям власти, которые все-таки отреагировали”, — рассказал нам раввин Микаэль Шудрих. (...) Леслав Пишевский: “Мы встречались в прошлую пятницу перед шабатом. Беседовали целый час. Председатель Качинский продемонстрировал глубокое понимание ситуации, осведомленность и отзывчивость. Он пообещал, что поможет договориться о встрече с министром внутренних дел Мариушем Блащак”. (...) Шудрих и Пишевский также поделились с Качинским информацией о том, что в последнее время участились инциденты антисемитского характера». (Дорота Высоцкая-Шнепф, Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 21 нояб.)

- «Это ужасно, когда один гражданин говорит другому: “Тебе здесь не место”. (...) Для большой демократической страны нет ничего хорошего в том, что какая-то группа граждан говорит другой: “Вам здесь не место”. Можно понять, что кто-то вам не нравится, это не смертельно. Но когда мы слышим “Евреи, убирайтесь в Палестину!” — это самое настоящее зло. Мы друг для друга соотечественники — место в Польше есть для всех нас. (...) На наших глазах происходит нечто очень скверное, развивается крайне негативный процесс. Вся эта ненависть по отношению к части граждан Польши. И не только к ним, поскольку она направлена и против иностранных граждан. Это ненависть очень опасна для души Польши», — главный польский раввин Микаэль Шудрих. («Польска», 1-3 дек.)

- «На вопрос агентства “SW Research”, должны ли понести

уголовную ответственность организаторы Марша независимости, в ходе которого скандировались антисемитские, фашистские и расистские лозунги, 63,5% опрошенных ответили утвердительно, 18,5% — отрицательно, а 18% не определились с ответом». («Ньюсуик Польска», 20–26 нояб.)

• «На вопрос Института рыночных и социологических исследований, считаете ли вы Марш независимости патриотическим мероприятием, а имевшие на нем место проявления национализма и антисемитизма — несущественными эпизодами, 43,9% опрошенных ответили утвердительно, а 43,7% — отрицательно». («Жечпосполита», 22 нояб.)

• «В субботу во Вроцлаве “Всепольская забастовка женщин”, местный Комитет защиты демократии, движения “Граждане Речи Посполитой” и “Демократическая инициатива”, а также партии “Вместе”, “Зеленые”, “Современная” и Союз демократических левых сил провели манифестацию против “нарастающей волны фашизма, расизма, антисемитизма и ксенофобии”». (Клаудиа Дадур, «Газета Польска цодзенне», 20 нояб.)

• «Еще в 2014 году только каждый пятый поляк заявлял, что слышал по телевизору резкие высказывания против мусульман и украинцев, а сегодня почти половина наших соотечественников слышит в СМИ неуважительные сентенции в адрес исповедующих ислам (на негативные отзывы об украинцах обратил внимание каждый четвертый). (...) В интернете два года назад менее половины поляков сталкивались с травлей евреев, мусульман и украинцев, сегодня же на антисемитские высказывания обратили внимание 75% молодежи, а 80% молодых людей сталкивались с негативными отзывами о мусульманах». (Конрад Войцеховский, «Дзенник газета правна», 11–12 нояб.)

• «На пограничном переходе в Медыке в субботу был задержан Святослав Шеремета, секретарь украинской межведомственной комиссии по делам увековечения памяти участников антитеррористической операции, жертв войны и политических репрессий. У него была немецкая виза, разрешающая въезд в страны Шенгенского соглашения. Запрет на въезд в Польшу был мотивирован якобы антипольской позицией Шереметы. Украинский МИД срочно вызвал польского посла в Киеве». («Газета выборча», 20 нояб.)

• «Восхваление Национальных вооруженных сил (польская подпольная военная организация времен Второй мировой войны, отличавшаяся крайне националистическими взглядами и время от времени взаимодействовавшая с немцами в целях борьбы с Красной армией — примеч. пер.)

кончится тем, что нам придется оправдываться как коллаборационистам, сотрудничавшим с Гитлером. (...) Мы говорим украинцам: “Вы не имеете права героизировать УПА”. Они же отвечают: “А поляки имеют право героизировать НВС?”. (...) Лех Качинский знал, что ради построения конструктивного будущего необходимо быть очень сдержанным при разговоре о своих обидах. А все для того, чтобы диалог не превратился в соревнование пострадавших. Нынешний правящий лагерь уничтожает достижения Леха Качинского», — проф. Анджей Фришке. («Ньюсуик Польска», 6–12 нояб.)

• «Украинское правительство не указывает полякам, чьи имена должны носить польские улицы. А поляки рассказывают нам, кто из украинских исторических деятелей хороший, а кто плохой. Польский президент и министр требуют, чтобы люди, которые, по их мнению, занимают антипольские позиции, ушли из украинской политики. (...) Ни один украинский политик, включая президента, не дает оценку взглядам польских политиков на историю и не комментирует работу историков, на которых ссылается власть. Ни один украинец не посоветует вам посыпать голову пеплом и рассказывать вашим детям, что вы были колонизаторами восточных территорий, что до войны на польской части Украины был самый высокий уровень безграмотности в Европе, средневековая нищета, социальное неравенство и угнетение по национальному признаку. А поляки учат нас, как нам относиться к нашей собственной истории. На украинских паспортах никто не собирался размещать, к примеру, виды Перемышля. А на польских планировали разместить изображение Лычаковского кладбища, поскольку это польский национальный символ. Когда-то на Украине очень многие думали, что за нашей западной границей живут наши друзья. (...) Все меньше украинцев говорят: “Польская власть — это еще не вся Польша”. Сейчас, скорее, распространено другое мнение: “Что вам, черт побери, от нас надо? Что вы себе позволяете?”», — Оксана Забужко. («Газета wyborcza», 18–19 нояб.)

• «Ненависть к разнообразным “чужим” и насилие по отношению к ним приобрели в Польше систематический характер, это уже не просто отдельные эпизоды. Патриотизм, опирающийся на чувство собственного превосходства, на ненависть, насилие и даже простое недоверие, противоречит духу и букве Евангелия. (...) Когда у радикальных националистов появляются свои капелланы, когда на мероприятиях, открыто пропагандирующих ненависть, проводятся богослужения, вся католическая Церковь становится соучастницей этого растления», — Мартин Напюрковский. («Тыгодник повсехны», 12 нояб.)

- «Поляк должен в первую очередь задаваться вопросом, как стать зрелым гармоничным человеком, а не рассуждать без конца, что значит быть поляком», — Кристиан Люпа, театральный режиссер. («Тыгодник повшехны», 26 нояб.)
- «Премьера “Процесса” Кристиана Люпы, самого выдающегося польского театрального режиссера (...), долго откладывалась. (...) Кристиан Люпа не скрывает, что он с ужасом смотрит на происходящее в польской культуре. “Речь не только о театрах и музеях, — говорит он. — Появилась абсурдная концепция создания властью нового образа искусства, его переустройства. Это уже пытались делать коммунисты и фашисты. Казалось, что после событий Второй мировой войны это уже никогда не повторится». (Яцек Чесляк, «Жечпосполита», 15 нояб.)
- «Политическая верхушка, управляющая страной с 2015 года, четко определила свою цель: отменить общественный плюрализм и подчинить жизнь поляков и полек аппарату национального государства», — пишут организаторы форума «Будущее культуры», который прошел 18 и 19 ноября в театре «Повшехны» в Варшаве. Форуму предшествовал цикл дискуссий в Белостоке, Гданьске, Кракове, Люблине, Щецине и других городах. (Петр Косевский, «Тыгодник повшехны», 26 нояб.)
- «Цензура не закончилась вместе с коммунизмом. Сегодня она по-прежнему существует, приобретая иногда более страшные формы. (...) В те времена цензура была институтом государства. (...) Сегодня цензор все чаще обнаруживается в нас самих. (...) Устанешь перечислять проекты, от которых пришлось отказаться, чтобы не оскорблять чувства верующих», — Анджей Понговский, художник-график. («Газета wyborcza», 13 нояб.)
- «Под руководством проправительственных воевод продолжается смена названий улиц. Меняются школьные программы, списки литературы, экспозиции в музеях. Захваченные ПИС культурные институты уже начали историческое “переобучение”». (Мариуш Яницкий, Веслав Владыка, «Политика», 22–28 нояб.)
- «“Я бы хотел, чтобы дворец культуры и науки исчез из центра Варшавы. Я мечтаю об этом уже сорок лет”, — заявил вице-премьер и министр финансов и развития Матеуш Моравецкий. (...) Вице-министр национальной обороны Бартош Ковнацкий уверяет, что военные смогли бы взорвать дворец. (...) Петр Глинский, вице-премьер и министр культуры и национального наследия, заявил, что он не возражал бы против сноса дворца. Это вызвало жаркую общественную дискуссию — не собирается ли правящая партия отпраздновать столетие польской независимости посредством превращения центра Варшавы в огромный кратер? (...) Антикоммунизм — это состояние ума,

охваченного ненавистью», — Кшиштоф Пулавский.

(«Пшеглэнд», 21 нояб. — 3 дек.)

• «Судя по шуму в прессе, они взорвут дворец культуры и науки. (...) Затем, без сомнения, примутся за Мальборк. (...) После Мальборка — триумфальное возвращение в Варшаву, где будет взорвана царская система водоснабжения и канализации, а заодно и цитадель. Потом можно будет ударить по Вроцлаву и Гданьску, переключиться на Познань, а там и до Щецина руки дойдут. Одновременно оптом взрываем школы, построенные в ПНР к тысячелетию Польши. (...) Что дальше? (...) Взорвемся сами», — Ян Клята, театральный режиссер. («Тыгодник повшехны», 26 нояб.)

• В Беловежской пуще «с применением мощного оборудования уничтожено целое молодое поколение живых деревьев, росших под защитой старых. Полностью уничтожен и подлесок. (...) Места, где работали “харвестеры”, выглядят, словно полигон, по которому ездили танки. (...) Даже через сто лет эти лесные участки не вернутся к своему естественному состоянию. (...) С начала этого года до конца октября вырублено как минимум 170 тыс. кубометров древесины, что в три раза больше, чем ежегодно вырубалось в 2011–2016 годах. Около половины вырубленных деревьев пришлось на участки, охраняемые ЮНЕСКО и законодательством ЕС (древостой, насчитывающий сто и более лет). (...) Сначала это делалось под предлогом борьбы с жуком-короедом, затем (...) под видом мер “общественной безопасности”. (...) Государство теряет на вырубке вдвойне. Во-первых, это имиджевые потери. (...) Во-вторых, государственный бюджет много теряет из-за огромных бессмысленных дотаций из Лесного фонда на содержание трех нерентабельных надлесничеств. (...) Выплачивать в течение шести лет 106,6 млн злотых на поддержку трех надлесничеств (...), которые никогда не будут самостоятельны в финансовом отношении — это самая настоящая халатность», — проф. Веслав Валанкевич, институт биологии Природно-гуманитарного университета в Седльце. («Жечпосполита», 7 дек.)

• «В 2015 году на воле обитало свыше 5 тыс. черных носорогов и 4 тыс. зубров. В Африке выдано разрешение на отстрел всего лишь двух носорогов. В Польше дано разрешение убить несколько десятков зубров. Государственный совет охраны природы выступил против отстрела животных (...), когда надлесничество Кобюр отправило на отстрел шесть молодых, здоровых быков. (...) Из 39 человек, состоящих в совете, 32 было отозвано», — проф. Рафал Ковальчик, директор Института биологии млекопитающих Польской академии наук в Беловеже. («Газета wyborча», 27 нояб.)

• «С должности директора Беловежского национального парка

вчера была уволена Олимпия Пабиан. (...) Экологи говорят, что причиной увольнения стало ее противодействие планам по отстрелу зубров». («Газета wyborcza», 16 нояб.)

- «Приехали специально из Гданьска. Искали меня, расспрашивали, как давно я нахожусь за границей и когда буду в Польше. Оставили номер телефона агента Центрального антикоррупционного бюро, который должен будет меня допросить в связи с некими моими действиями, которые якобы нанесли вред музею Второй мировой войны», — рассказывает проф. Павел Махцевич, создатель и теперь уже бывший директор музея Второй мировой войны. («Газета wyborcza», 30 нояб.)

- «Махцевич уволен, так же, как уволены генералы (около тридцати), послы (62 за последние два года), судьи, директора института книги, института Адама Мицкевича, института киноискусства. Всех, кто сделал что-то хорошее и достойное, вышвырнули, а на их место поставили своих людей», — Даниэль Пассент. («Политика», 6-12 дек.)

- «Военная жандармерия задержала в среду бывшего начальника Службы военной контрразведки генерала Петра Пытеля. (...) Как заявил министр обороны Антоний Мацеревиц, (...) Пытелю предъявлены обвинения в связи с его нелегальным сотрудничеством с российской ФСБ». («Жечпосполита», 7 дек.)

- «Генерал Януш Носек, бывший начальник Службы военной контрразведки генерала обвинен в “оказании помощи иностранной разведке”. (...) Задержание генералов вызвало шок. (...) Оба они были начальниками Службы военной контрразведки при коалиционном правительстве “Гражданской платформы” и Крестьянской партии ПСЛ. (...) О задержании генерала Пытеля в его доме под Краковом написала в Твиттере его жена. (...) Генерал Носек не раз говорил, что обвинения в его адрес имеют сугубо политическую подоплеку. От дачи показаний в прокуратуре он отказался». (Войцех Чухновский, Павел Вронский, «Газета wyborcza», 7 дек.)

- «В Польше заведено как минимум 619 дел в отношении участников демонстраций — об этом говорится в отчете “О действиях аппарата государственного принуждения в отношении граждан, выступающих против неконституционной политики власти, вырубки Беловежской пуши и фашизации общественной жизни в Польше”. Авторы отчета — Агнешка Вежбицкая из “Варшавской забастовки женщин”, Ивона Вышогродская, активист движения “Граждане Речи Посполитой” и Патриция Тоцкая, сотрудник аппарата сенатора Богдана Клича». (Магдалена Курса, «Газета wyborcza», 20 нояб.)

- «Границы смещаются на наших глазах. Усиление контроля власти над прокуратурой и общественными СМИ, расширение

полномочий спецслужб и рост влияния на суды — все это сужает наши возможности в области личных прав и свобод, а также других прав, предусмотренных конституцией. (...) Складывается впечатление, что по отношению к одним моделям поведения толерантность растет, а по отношению к другим — как раз наоборот. В качестве примера можно привести Марш независимости. С одной стороны, полиция не реагирует на некоторые выходки во время марша, с другой — энергично винтит участников контрманифестации», — Адам Боднар, уполномоченный по правам человека. («Пшеглэнд», 4-10 дек.)

- «Мы очень скоро можем оказаться в полицейском государстве. (...) Когда будет уничтожен механизм, позволяющий в условиях сильного общественного напряжения менять правительства при помощи избирательного бюллетеня, единственным инструментом перемен станет улица. Поляки выйдут на улицу в целях самообороны. А полицейское государство, почувствовав угрозу, будет в них стрелять. И что тогда будет — неизвестно», — проф. Кароль Модзелевский. («Политика», 15-21 нояб.)

- «Проф. Анджей Ледер выдвинул идею построения политического содружества. Она заключается в том, что стороны, которые ненавидят друг друга и не чувствуют между собой никакой объединяющей связи, кроме общих обстоятельств, должны договориться не убивать друг друга и не сажать оппонента в тюрьму». (Ядвига Штабинская, «Дзенник газета правна», 24-26 нояб.)

- «“Свободу люблю и постигаю” — под звуки этой песни 19 октября перед дворцом культуры и науки в Варшаве совершил самосожжение Петр Щенсный. Эта же песня, исполненная вживую, звучала на его похоронах, которые прошли вчера (...) в Кракове. Несколько тысяч присутствующих прощались с “простым неприметным человеком”, который (...) бросил вызов нынешней власти. (...) Службу за упокой души Петра Щенсного отслужил епископ Тадеуш Перонек, фрагменты Евангелия зачитал о. Войцех Леманский, (...) литургию совершил о. Адам Бонецкий. (...) В соответствии с последней волей умершего во время траурной церемонии собирались пожертвования на приюты для бездомных животных». («Супер экспресс», 15 нояб.)

- «“Я, простой неприметный человек”, — эти слова вместе с датой “19 октября 2017 года” находятся на гранитной плите, вставленной недавно в панель площади перед дворцом культуры и науки, рядом с почетной трибуной. Эти слова взяты из манифеста, который оставил Петр Щенсный перед тем, как поджечь себя на этом месте». (Михал Войтчук, «Газета выборча», 16 нояб.)

- «О. Адам Бонецкий утратил привилегию свободно высказываться в СМИ. Теперь он может лишь сотрудничать с редакцией “Тыгодника повсехного”», — сообщил в субботу интернет-портал Польской провинции Ордена мариян». («Газета Польска цодзенне», 20 нояб.)
- «С понедельника специально укрепленные барьеры охраняют Сейм от людей, которые в снег и дождь протестуют перед парламентом в защиту независимости судов. А внутри, невзирая на протесты оппозиции, ПИС с президентом Дудой форсируют два закона, которые, по мнению экспертов, ставят под удар принцип разделения властей. (...) Первая председатель Верховного суда Малгожата Герсдорф в своем выступлении подчеркнула, что ПИС пытается внедрить механизм, “открыто подрывающий независимость судопроизводства”. (...) После нее слово взял Адам Боднар, уполномоченный по правам человека: “На наших глазах происходит смена государственного строя, осуществляемая посредством принятия новых законов, а не изменения конституции”. (...) Боднар заявил, что эти законы “уничтожают столетнее наследие Верховного суда и основы нашей государственности”». (Войцех Чухновский, Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 7 дек.)
- Меньше месяца назад президент Анджей Дуда говорил журналистам: «“Право и справедливость” (...) хочет исключить общественный элемент из Дисциплинарной палаты Верховного суда. Я (...) считаю, что общественный элемент в лице избираемых Сенатом заседателей должен присутствовать в Дисциплинарной палате и следить за тем, как эта палата дает оценку деятельности судей. (...) Представителей общественности там должно быть не меньше трех. (...) “Право и справедливость” направила проекты законов в Сейм, не представив их предварительно президенту. (...) В течение недели после скандала в парламенте они были приняты практически насильно. (...) Я не мог одобрить эти законы в их тогдашнем виде. (...) Не мог согласиться с наделением генерального прокурора огромными полномочиями, как это предлагала ПИС. (...) Вопросы формирования Национального судебного совета не должны решаться одной партией. (...) Президент — это не слуга парламентского большинства. (...) Президент — это слуга Речи Посполитой. А Речь Посполитая — это не только парламентское большинство. (...) Реформа системы правосудия, вручающая власть над жизнью и смертью множества людей министру юстиции, одновременно являющемуся генеральным прокурором — это опасная реформа». («Наш дзенник», 10–12 нояб.)
- «Голосами ПИС Сейм принял законы, подчиняющие польскую судебную систему политикам. На следующей неделе их должен

одобрить Сенат. Никакой надежды на (повторное — В.К.) вето президента нет». («Газета wyborcza», 9-10 дек.)

• «Я очень жалею, что это случилось. (...) Рано или поздно польское правительство убедится, что политические, дипломатические, правовые и в конце концов экономические последствия вмешательства в работу судов будут очень серьезными. И тогда изменит свой курс. (...) Польшу ждут проигранные дела в Европейском суде по правам человека и Европейском суде. (...) Нельзя исключать, что Польша может быть лишена права голоса в Совете Европы. А инвесторы начнут нас сторониться. (...) Темп, с которым Польша теряет свою репутацию, ужасает. Когда я занял свою должность пять лет назад, Польша считалась примером для всей Центральной Европы. Сегодня же, как и Россию, Азербайджан, Турцию и Венгрию, ее упоминают среди стран, где нарушаются права человека», — комиссар по вопросам прав человека Совета Европы Нил Муйжниекс. («Газета wyborcza», 9-10 дек.)

• «В принятой вчера большинством голосов резолюции (438 голосов “за”, 152 — “против”, 71 — “воздержались”)

Европейский парламент призвал польское правительство соблюдать принципы законности и демократии». (Артур Ковальский, «Наш дзенник», 16 нояб.)

• «15 ноября Европейский парламент принял резолюцию, в которой, в частности, выразил обеспокоенность предложенной реформой польской системы правосудия. (...) Европарламент призвал польское правительство осудить “ксенофобский и фашистский” Марш независимости. За принятие резолюции проголосовало шесть евродепутатов от партии “Гражданская платформа”. (...) И именно их фотографии повисли в субботу на импровизированных виселицах перед памятником Войцеху Корфанты в Катовице. (...) “Повода для вмешательства не было”, — комментирует подкомиссар Томаш Гоголин, сотрудник пресс-службы воеводской комендатуры полиции в Катовице. (...) После инцидента с виселицами заявление о совершении преступления в прокуратуру направил Комитет защиты демократии». (Дариуш Кортко, Мартин Петрашевский, Томаш Чоик, «Газета wyborcza», 27 нояб.)

• «После инцидента прошло четыре дня. (...) Полиция “подготовила видеоматериалы, установила фамилии правонарушителей и передала их в прокуратуру”. Прокуратура же объявила, что в первую очередь будут допрошены... евродепутаты, портреты которых повисли на символических виселицах, сообщает радио “Зет”». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 30 нояб.)

• «В понедельник Национальный совет правосудия отложил передачу полномочий всем 265 будущим ассессорам из списка министра юстиции. (...) “Сомнения вызывают не только

формальности при назначении ассессоров, но и сами нормативно-правовые акты, на основании которых эти люди попадают в суды. При этом совет не намерен требовать проверки этих норм, поскольку считает это неконструктивным», — говорит судья Вальдемар Журек, пресс-атташе Национального совета правосудия». (Михал Вильгоцкий, «Газета wyborcza», 3 нояб.)

- «Суд отменил решение Беаты Шидло. Мотивировка, правда, осталась тайной». «Полковника Яна Монку незаконно лишили доступа к секретной информации, признал военный апелляционный суд в Варшаве и отменил все четыре решения премьер-министра Беаты Шидло и начальника Агентства внутренней безопасности Петра Погонянского». (Изабелла Кацпшак, «Жечпосполита», 7 нояб.)

- «Идет замена председателей судов по всей Польше, в соответствии с принятой летом и подписанной президентом новой редакцией закона о судах общей юрисдикции». («Тыгодник повшехны», 3 дек.)

- «Растет количество приговоров по делам о преступлениях против правосудия. Это касается, в частности, ложных показаний, доказательств и обвинений, экспертных заключений, а также нарушений судебных запретов». («Жечпосполита», 1 дек.)

- «Польское правительство не согласилось, чтобы Венецианская комиссия в ноябре прибыла в Польшу с целью контроля за реформой правосудия. (...) В конце ноября Венецианская комиссия представила польскому правительству свое предварительное заключение. “Оба проекта (закон о Верховном суде и закон о Национальном совете правосудия) ставят судебную систему под непосредственный контроль со стороны парламентского большинства, а также главы государства. Это противоречит принципу разделения властей. Венецианская комиссия призывает президента снять свои проекты либо подвергнуть их глубокой и комплексной редакции”, — говорится в заключении». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 4 дек.)

- «Против изменений в закон о выборах и избирательный кодекс, предлагаемых ПИС, нужно решительно протестовать. (...) В Польше продолжается захват государства, осуществляемый ПИС. Он начался с захвата Конституционного трибунала, продолжился атакой на систему правосудия, теперь на очереди избирательное право. (...) ПИС хочет установить в Польше свою авторитарную власть! И чтобы граждане были у них под сапогом! (...) ПИС располагает большинством в каждой парламентской комиссии, за исключением разве что комиссии по этике. Сейм и Сенат проголосуют так, как надо партии власти, а Конституционный трибунал все это утвердит. На

проект закона о выборах, подготовленный ПИС, президент должен наложить вето. (...) Изменив законодательство о выборах, ПИС лишит граждан пассивного избирательного права», — Павел Кукиз, лидер движения Кукиз'15. («Жечпосполита», 6 дек.)

- «То, что мы наблюдаем сегодня — это только законодательное закрепление определенного технологического процесса, строительство правовой системы, которая позволит легализовать свободное размахивание дубинкой», — цитирует Кароля Мозделевского Магдалена Гроховская. («Газета wyborcza», 25-26 нояб.)

- «Архив Осятынского — это место, где собрана информация и аналитика относительно инициатив этой власти. (...) Профессор Виктор Осятынский в своем устном завещании (...) сказал: “Очень важно скрупулезно фиксировать все действия людей и власти, нарушающие закон. Это может изменить позицию власть имущих, а также избирателей”. (...) Материалы в архиве систематизированы так, чтобы их можно было найти по дате, тематике, разновидности документа, фамилии автора анализа. (...) Пользование архивом бесплатное. Архив содержится на добровольные пожертвования». (Эва Седлецкая, «Политика», 29 нояб. — 5 дек.)

- «“Ни одна страна не может давать оценку реформам, проводимым другой страной, входящей в ЕС. Но у нас есть фундаментальные принципы, охраняемые Хартией ЕС по правам человека и договорами Евросоюза. На страже этих принципов стоит Европейская комиссия и Европейский суд. И мы будем действовать, опираясь на выводы, которые сделает в своей работе Европейская комиссия. В работе, которой руководит вице-председатель Европейской комиссии Франс Тиммерманс”, — заявил президент Эммануэль Макрон в четверг во время совместной пресс-конференции с премьер-министром Беатой Шидло в Париже. (...) “Я очень рада, что господин президент принял приглашение совершить визит в Польшу в будущем году. (...) Для нас это очень важно, поскольку Польша, как и Франция, ценит демократию, свободу, справедливость и солидарность”, — заявила Шидло». (Томаш Белецкий, «Газета wyborcza», 24 нояб.)

- «Согласно опросу исследовательского института “Pollster”, проведенного 27-29 ноября, 67% поляков считает, что Беата Шидло — это лучший премьер-министр. Всего 15% видят в этой роли Ярослава Качинского, 12% — Матеуша Моравецкого, еще 6% — кого-то другого. 62% респондентов не хотят, чтобы Ярослав Качинский занял пост премьера, и только 24% были бы таким вариантом довольны». («Супер-экспресс», 1 дек.)

- «В пятницу со своей должности была уволена Беата Шидло. (...) Премьер-министром назначен Матеуш Моравецкий. Во

вторник новый премьер выступит перед Сеймом». («Газета Польска цодзенне», 9-10 дек.)

• «Мы можем сказать о ПИС немало плохого, однако это первая партия, отказавшаяся от циничной политической практики включения в свою предвыборную программу множества обещаний без какого-либо намерения их выполнять. (...) ПИС показала, что держит слово, по крайней мере в том, что касается ее основных проектов. Выполнение своих обещаний становится стандартом. Любопытно, как поведут себя другие партии», — Пшемислав Садура. («Пшеглэнд», 20-26 нояб.)

• Под-держ-ка пар-тий: «Право и справедливость» — 38%, «Граж-дан-ская платфор-ма» — 18%, Кукиз'15 — 9%, «Современная» — 8%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. Избирательный порог составляет 5%. Опрос агентства “Kantar Public”. («Жечпосполита», 8 нояб.)

• «В странах ЕС средний размер помощи в сфере льгот на детей и семейных пособий составляет сегодня около 10 178 злотых в год. В Польше эта сумма составляет 8 225 злотых. По данному критерию мы находимся на четвертом месте после Франции, Венгрии и Австрии. («Жечпосполита», 24 нояб.)

• «Сегодня 21,9% жителей нашей страны угрожает нищета. (...) По этому показателю мы почти сравнялись с Бельгией (20,7%), Германией (19,7%) и даже Францией (18,2%). Франция тратит на социальные расходы почти 31,5% своего национального дохода, Бельгия — 29%, Германия — 25,3%, (...) наша страна — 20,2%». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 29 нояб.)

• «Новый сотрудник “Лидла” в зависимости от местонахождения магазина зарабатывает 2550-3000 злотых “брутто”. После двух лет работы кассир зарабатывает уже от 3000 до 3400 злотых “брутто”. (...) Учитель-стажер (после трех лет учебы) в начальной школе получает 2019 злотых “брутто”. (...) На руки он получает около 1550 злотых. (...) Младший библиотекарь с 29-летним стажем работы и средним образованием получает 1655 злотых “нетто”, человек с высшим образованием и 6-летним стажем работы получает вознаграждение в размере 1387 злотых, а через 11 лет эта сумма повышается на 100 злотых. После 38 лет работы библиотекарь зарабатывает уже 1867 злотых. (...) Хранитель музея с кандидатской степенью после 7 лет работы получает 1439 злотых в месяц». (Каролина Новаковская, «Дзенник газета правна», 17-18 нояб.)

• «По данным фирмы “Седляк & Седляк” президент “Ястжембской угольной компании” (с участием государства) Даниэль Озон в 2017 году получает зарплату в размере 132 тыс. злотых в месяц, что в год составляет 1,6 млн злотых. Ежемесячная зарплата среднего поляка составляет 4 тыс. злотых, что составляет в год 48 тыс. злотых. После 4 лет работы

пенсия Даниэля Озона будет составлять 5 тыс. злотых, среднего поляка — 155 злотых». («Супер-экспресс», 29 нояб.)

• «Темпы роста польской экономики в 3-м квартале достигли 4,7% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. (...) Среди 20 стран ЕС, которые уже обнародовали данные о своем ВВП за 3-й квартал, нас опережают только Румыния и Латвия. Теми же темпами, что и Польша, развивается Чехия. К самому быстрому за последние десять лет росту потребления прибавилось увеличение объема инвестиций, а также хорошие результаты внешней торговли». («Жечпосполита», 15 нояб.)

• «За эти двадцать лет трансформации польская экономика деградировала. Большинство ее экспорта по-прежнему составляет малопереработанная продукция. Высокопереработанная составляет только 8%, кроме того, она в основном выпускается филиалами западных корпораций. (...) Если наш ВВП не превышает 3%, мы начинаем переживать. Поскольку эти 3% — прибыль зарубежных корпораций. (...) У нас появилась модель зависимого капитализма, при которой люди работают и не зарабатывают. Те, кто не уехал, работают в бедных фирмах, где царят патриархальные нравы, а зарплаты низкие. И все это несмотря на строительство автострад и новых домов, а также появление новых институций», — проф. Тадеуш Клеменсевич. («Пшеглэнд», 13-19 нояб.)

• «Несмотря на то, что государственный долг в 2016 году вырос на 88 млрд злотых (самый большой рост за всю историю), по-прежнему принимаются решения, отягощающие бюджет новыми обязательствами. В будущем году одни только расходы на программу 500+, а также расходы, связанные со снижением пенсионного возраста, превысят 35 млрд злотых (1,8% ВВП). (...) Правительству придется влезть в еще большие долги. Когда через два года прекратится хорошая конъюнктура, деньги просто кончатся, и Польша окажется под угрозой финансового кризиса. (...) Сегодня на 100 работающих человек приходится 35 пенсионеров, но через двадцать лет их количество вырастет до 65. (...) Снижение пенсионного возраста (...) вместе с решением о повышении школьного возраста до семи лет уменьшат количество рабочей силы в польской экономике на 13-15%. В сочетании с неизбежным ростом налогообложения и стагнацией инвестиций (...) это будет означать постоянное торможение развития», — проф. Дариуш Росати. («Жечпосполита», 27 нояб.)

• «В ноябре произошло ухудшение общественных настроений. По данным ЦИОМа, с 49 до 44% уменьшилось количество поляков, считающих что ситуация в стране развивается в лучшую сторону, и с 36 до 40% выросло количество тех, кто считает иначе. По сравнению с октябрьскими опросами ухудшилась оценка респондентами политической ситуации в

Польше». («Жечпосполита», 16 нояб.)

• «2016 год был вторым годом подряд, в котором зафиксирован низкий уровень исполнения расходов на многолетнюю программу “Приоритетные задачи модернизации вооруженных сил Республики Польша в рамках оперативных программ”, в ходе реализации которой финансируются ключевые мероприятия по модернизации польской армии. На эти цели удалось потратить 60,3% от запланированной в законе о госбюджете суммы. Расходы на многолетнюю программу “План технической модернизации” не растут. (...) Хотя финансовое исполнение программы находится на относительно высоком уровне (выше 90%), однако эти средства тратятся на задачи, которые не были признаны приоритетными. (...) Сумма выделенных за последние годы и неосвоенных задатков выросла с 5 млрд злотых в 2015 г. до 9 млрд злотых и выше в 2016 г., что обеспокоило Высшую контрольную палату. Задатки на приобретение самолетов для перевозки VIP-персон были выплачены из средств, предназначенных на оборону, за счет других расходов». (Томаш Дмитрук, «Нова техника войскова», №11, 2017)

• «В последние годы в Польше изменилась система командования. (...) Поставлен крест на непрерывности подготовки командного состава. (...) Польские “F-16” размещены всего лишь на двух базах. (...) Пилоты по-прежнему проходят обучение только в США. (...) Никто не планирует приобретения наиболее востребованных наблюдательных систем дальнего действия и определения целей. (...) А без них даже лучшие эффекторы совершенно беспомощны. (...) Вместо новых идей и поддержки современных подходов (...) нынешние власти создают партизанскую армию по образцу почти столетней давности. (...) Министерство обороны перехватило контроль над военной промышленностью, но это не привело ни к чему, что могло бы укрепить ее и открыть к международному сотрудничеству». (Томаш Хыпкий, «Рапорт войско техника обронность», №10, 2017)

• «По мнению министра обороны наша армия “способна защитить польскую суверенность”. Остается надеяться, что нам не представится возможность проверить это утверждение». (Зузанна Домбровская, «Жечпосполита», 16 нояб.)

• «Лидер партии уверен, что Польша в безопасности, что ей не грозит нападение извне, поэтому в соответствии с его волей оборонное ведомство возглавил человек, который готовит правящий лагерь к внутреннему конфликту. А политика нынешней власти вполне может привести к такому конфликту», — проф. Роман Кузняр. («Жечпосполита», 13 нояб.)

- «Министр обороны Антоний Мацеревич выдал себя с головой, выступая перед молодежью, обучающейся перед поступлением на службу в войска территориальной обороны: “Вам выпала самая огромная честь, какую только может представить себе человек — пролить кровь за отчизну. Вы будете защищать Польшу от внешнего врага, если он на нас нападет. И будете защищать Польшу от врага внутреннего, который у нее уже имеется!”». (Станислав Тым, «Политика», 15-21 нояб.)
- «Построить наисовременнейшую тюрьму в Европе пообещал вице-министр юстиции Патрик Який. Исправительное учреждение, которое обойдется бюджету в полмиллиарда злотых, появится в Бжеге в Опольской Силезии. (...) Здание будет занимать участок площадью в 10 гектаров. (...) Стоимость работ составит 500 млн злотых. В тюрьме сможет содержаться до 1500 человек». («Жечпосполита», 30 нояб.)
- «Сегодня ключевые общественно-политические решения принимает человек, который в официальной структуре государства занимает довольно скромное место. Он обычный депутат. Его реальная власть обусловлена той ролью, которую он играет в правящей партии, властью и авторитетом, которыми он в этой партии пользуется. Модель, когда первый секретарь правящей партии занимает ведущее место на политической сцене, а правительство является орудием в его руках, хорошо знакома нам со времен ПНР. (...) Председателю Качинскому необходимо, чтобы ключевые посты в государстве были заняты послушными ему людьми. Однако его совершенно не заботит престиж государственных институтов и авторитет людей, которых он поставил на эти должности», — Александр Халль. («Политика», 29 нояб. — 5 дек.)
- «В конце 2016 года 74% поляков “определенно соглашались” и “скорее соглашались”, что “нашей стране вместо гражданских прав нужен настоящий закон и порядок” (...); 73% соглашались, что “нашей стране более всего нужен сильный, решительный лидер, который победит зло и укажет нам истинный путь”», — проф. Кристина Скажинская. («Газета выборча», 18-19 нояб.)

Экономическая жизнь

Более 66% поляков зарабатывают меньше средней по стране. «Таким образом среднюю заработную плату получает меньшинство», — пишет Адриана Розвадовская в «Газете wyborчей». В гендерном аспекте ситуация следующая: меньше 4346 злотых брутто зарабатывали на конец минувшего года 70% женщин и 62% мужчин. «Женская» и «мужская» средняя зарплата также различаются. В октябре 2017 года среднестатистический мужчина зарабатывал 4706 злотых брутто, а женщина — 3971 злотый. То есть зарплата мужчины была в среднем на 734 злотых брутто (18,5%) выше, чем у женщины. А по профессиям? Меньше всего получают те, кто занят неквалифицированным трудом: мужчины в среднем 2893 злотых брутто, женщины — 2416 злотых. В сфере услуг и торговле соответственно 2910 и 2596 злотых брутто. Минимальная разница среди офисных работников. Здесь женщины получают приблизительно на 100 злотых брутто меньше, чем мужчины. Чем выше уровень оплаты, тем значительнее дифференциация в зарплате у мужчин и женщин. Разница в оплате труда связана, разумеется, не только с недооценкой труда женщин, но также и с тем, что с учетом частых перерывов в работе, связанных с материнством, женщинам труднее продвигаться на более высокие, а стало быть, более высокооплачиваемые должности.

Вьетнам становится для польских фирм одним из стратегических экономических партнеров в Юго-Восточной Азии. С прошлого года — это крупнейший торговый партнер Польши среди стран АСЕАН с точки зрения величины товарооборота. Экспорт во Вьетнам систематически растет: в 2016 году он составлял 213 млн евро, тогда как в предшествовавшем году — 202,5 млн, а двумя годами ранее — 130 млн. Завершившийся год принес повышение уровня продаж польских товаров на вьетнамском рынке. В наступившем году развитию двухсторонних экономических отношений предстоит еще более ускориться, чему должен способствовать состоявшийся в конце ноября визит президента Анджея Дуды во Вьетнам. С президентом прибыла экономическая миссия с участием польских предпринимателей. До сих пор крупные польские фирмы особо интенсивно сотрудничали с Вьетнамом в тяжелой промышленности — добывающей и судостроении. Малые и средние фирмы осваивают другие направления, ориентируясь

преимущественно на потребительский рынок. Быстрый экономический и демографический рост Вьетнама открывает благоприятные перспективы для местного рынка потребительских товаров. Росту польского экспорта во Вьетнам должен также способствовать договор о свободной торговле, соглашение о котором достигнуто между этой страной и Европейским союзом.

Власти города Сувалки (Северо-Западная Польша) постановили, что с 2018 года родители всех детей, прописанных в городе, освобождаются от оплаты за детские сады. Платным будет только питание. Кроме прописки, условие пользования этой льготой — отсутствие долгов по налогам. До сих пор правом на бесплатный детский сад в Сувалках пользовались родители детей 3 и 4 лет, при условии, что сами родители не старше 35 лет. С начала 2018 года критерий возраста не будет приниматься во внимание. Все большее число местных органов самоуправления финансирует жителям бесплатные детские сады. С сентября 2017 года стали бесплатными детсады в Варшаве. Благодаря отмене оплаты, родители смогут сэкономить в домашнем бюджете до 1000 злотых в год. Кроме того, снижаются экономические барьеры в доступе к дошкольному образованию для семей с низкими доходами. Как следует из анализа текущего положения, финансовые затраты на эти перемены не будут слишком отягощать бюджеты городов.

Все указывает на то, что автодилеры в абсолютном большинстве стран Европейского союза смогут 2017 год отнести к удачным. Как свидетельствуют обобщенные данные, за десять месяцев (с января по октябрь) своих покупателей нашло свыше 12,8 млн новых автомобилей. Однако не повсюду в салонах динамика была одинаковой. К общему росту рынка ЕС решительно присоединилась Испания, где октябрьские продажи пошли вверх на 13,7%, а также Франция, где продажи увеличились в такой же мере, как в Италии. Здесь автомобили покупают с воодушевлением: рост продаж с января 2017 года составил 9%. Неохотно приобретают машины в Германии, где отмечено лишь 2,3% роста продаж. «Шкода» — лидер польского рынка — нарастила продажи с середины октября. Цены «Октавии» снизились на 8 тыс. злотых, «Фабии» — на 4,5%. По итогам десяти месяцев чешская марка — обозначив существенное превосходство над конкурентами — продала у нас 5 тыс. автомобилей, что составило 13% всего польского рынка новых легковых автомобилей.

Польский рынок алкоголя оценивается в сумму около 33 млрд злотых, — сообщает газета «Жечпосполита» на основании доклада фирмы «Nielsen». Вся отрасль показала рост с октября 2016 года по сентябрь 2017 на 1,4% (в масштабе года), но с дифференциацией по категориям. Продажа виски поднялась на 14%, достигнув почти 2 млрд злотых. Зато на 13% уменьшилась продажа сидра (это худший в отрасли результат). Рост рынка базируется на трех ассортиментных группах: столовые вина, игристые вина и виски. «Вскоре Польша станет страной, где среди трех наиболее продаваемых видов алкоголя не будет столового вина, — только пиво, водка и виски», — говорит Адам Длужинский, аналитик рынка алкоголя в фирме «Nielsen». Лучше всего продается шотландский виски (1,3 млрд злотых), намного отстают американский (0,45 млрд) и ирландский (0,1 млрд). С начала 2017 года наблюдается легкий тренд к спаду по количеству проданных бутылок, однако вырастает общая выручка. Это значит, что в Польше пьют меньше виски, но зато предпочитают более дорогие сорта. В исследовании «Nielsen» удивляет структура продажи водки. Пока доминирует продажа чистой водки в бутылках емкостью 0,5 литра и больше, однако этот рынок ужался. Все более популярными становятся вкусовые водки в емкостях 100 и 200 мл.

«Ограничивающие предписания при закупке крепкого алкоголя и запрет рекламы пива — это очередной замысел регуляции потребления алкоголя поляками», — пишет Петр Мончиньский в «Газете выборчей». Недавно Сейм принял закон, который разрешает территориальным самоуправлениям ограничивать продажу алкоголя ночью, то есть с 22 часов до 6 утра. Новый закон вводит также общий запрет распития алкоголя в общественных местах (гмины могут, однако, обозначать места, на которые правило не распространяется), а также дает возможность ограничивать число точек, торгующих алкоголем. Как заявляет министр здравоохранения Константы Радзивилл, алкоголь слишком легко доступен и слишком дешев. Это главная причина, по которой почти 12% взрослых жителей Польши злоупотребляют алкоголем, то есть пьют спиртное с причинением вреда своему здоровью и обществу. Новые правила предусматривают скрупулезную проверку документов потенциальных приобретателей алкоголя в магазинах. Продавец будет иметь право отказать в продаже или подаче алкогольных напитков лицам, у которых не оказалось документов, удостоверяющих возраст.

Е.Р.

Невесомость

Перевод Ольги Лободзинской

Пролог
(1971 г.)

«Не хочу», — сказала она, упираясь руками в грудь мужчины и отстраняя его от себя. Когда он наклонялся над ней, его голова казалась огромной, будто принадлежала не человеку, а какому-то существу с другой планеты. Девушка видела капельки пота на его лбу и короткие жесткие черные волоски на подбородке — рядом, совсем рядом со своим лицом. «Не хочу, не хочу, не хочу», — повторила она. «А вчера хотела», — сказал он укоризненно. Он вытянул губы трубочкой и снова касался ими ее шеи. «Вчера хотела, а сегодня не хочу». Он насупил брови. «Значит, я тебе уже не нравлюсь?», — спросил он.

«Нравишься», — ответила она. «Нравишься, потому что ты умный». Он усмехнулся. «Это точно, я умный». Улыбка несколько смягчила внешность монстра. «А он у нас какой умник», — сказал он мрачным, хриплым голосом. Он потянулся к девичьей руке и всунул ее под себя.

«Прирожденный умник», — говорил он все тише, почти шепотом. Ширинка была уже расстегнута. Она отдернула руку. Сжала кулаки и снова пыталась его отстранить. Он разозлился. Схватил ее запястья и развел руки в стороны. «Что это значит, что сегодня ты не хочешь?», — спросил он с обидой в голосе.

«Приходишь сюда, мучаешь меня, вертишь своей попкой, а потом не хочешь?» Его лицо стало еще больше. Девушка разжала кулаки, прикрыла глаза. «Прихожу сюда», — сказала она, запрокидывая голову, — «чтобы учиться». «Так ведь я же и учу тебя, малышка», — прошептал он. Она чувствовала его дыхание на своей шее. «Учу тебя любви». Коленом он пробовал раздвинуть ее колени. Ноги ее напряглись, и она снова сжала кулаки. Он вздохнул. «Чего ты хочешь?», — спросил он. — «В чем дело? Что бы ты делала без меня, сирота?»

Сирота молчала. Мужчина сел, потянулся за сигаретой. Из расстегнутой ширинки выглядывал все еще набухший член. Девушка разгладила платье. Зеленое в белый горошек. «Так разденься хотя бы», — попросил он, наконец. «Хотя бы это ты мне должна». Она поднялась с дивана и встала перед мужчиной. Минуту поколебавшись, начала медленно

расстегивать пуговицы. Темные растрепанные волосы в кудряшках наполовину закрывали ее лицо. «Дикарка», — сказал он хрипловатым голосом и уселся поудобнее. «Дальше», — подбодрил он. «Покажи мне себя». Пепел с сигареты упал на покрывало в черно-красную клетку, но это не привлекло его внимания. Платье сползло с плеч и задержалось на бедрах. Под ним было обычное белое белье. «Нимфа», — сказал мужчина. «Богиня», — сказал он. «Афродита». Он был крайне возбужден. Она улыбнулась под волосами, несимметрично, как бы только половинкой рта. Между темными прядками он разглядел приоткрытые губы. Платье упало на пол — девушка стеснялась своего поношенного белья и сняла его так же быстро, как обычно раздевалась перед купанием. У нее была округлая грудь и плоский, почти впалый живот. Когда она стояла так, будто по команде «смирно» на школьной линейке, между ее бедрами образовалась пустота — через нее сквозил свет. «Обернись», — потребовал он. Она послушалась. В послеполуденном летнем свете ее кожа имела розоватый оттенок постной ветчины. На спине отчетливо выделялись позвонки. «Еще раз», — сказал он, и девушка снова повернулась к нему лицом. Мужчина поднялся с дивана, большой и неуклюжий, как медведь. Брюки сползли до середины голени. «Богиня», — прошептал он, опустился перед ней на колени и жадно прильнул к ней губами. Девушка положила ему ладони на голове. Он здорово вспотел. Пальцами она расчесала его волосы, а потом мягко запустила ногти в кожу головы. Потом чуть сильнее. Потом со всей силы. Он издал стон, выпрямился, обнял ее за талию и поднял — она была легкой, как перышко. Он положил ее на диван и, не дав времени на следующее движение, пригвоздил собой к покрывалу в черно-красную клетку. «Богиня», — прошептал ей в ухо. Девушка выпростала из его объятий правую руку и поправила подушку под головой. Уголком глаза зафиксировала маленькие цветочки на наволочке. Фиалки. Мужчина начал двигать бедрами. «Богиня...» Она крепко обхватила его ногами. Он застонал. Любила ли она его? Ну конечно, любила.

* * *

— Человечество как таковое должно находиться под охраной, — заявил Рафал.

— Оно и находится, — заметила Зузанна. — В большинстве стран охота на людей запрещена.

— Без шуточек. Речь идет об экосистеме. Слышала об этом? Об охране окружающей среды.

Они сидели за стойкой бара в бистро, где подавали «экологическую» или «здоровую» — на выбор — еду. Рафал верил в мясо. Он считал, что кровь нуждается в крови. Зузанна

верила в супы.

— Тут на кону — выживание планеты, — продолжал он. — Без людей дело закончится кровавой бойней. Массовым уничтожением животных. Всех этих твоих кротов и других гребаных лисиц. И черепах. — Он вгрызся во врап с прошутто, довольный, что сумел вспомнить название трех (!) видов.

— Не переубедишь меня, — сказала Зузанна.

— Подожди, сама убедишься, что я прав. Представь себе, что люди внезапно исчезли, — он щелкнул пальцами, — вот так, щелк, и их уже нет. В смысле: нас уже нет. Хана нам. И что дальше? Сначала нафиг вырубится электричество. Знаешь, что будет светиться последним? Уже после конца? Что все еще будет светиться?

Она не знала.

— Лас-Вегас, — сообщил он с удовлетворением. — Вся Земля в потемках, как у левиафана в заднице, а там будет еще светло. Какое-то время.

— Почему именно там?

— Дамба Гувера, Принцесса. На бесподобной реке Колорадо. Вот это мощь! Это мистика!

Он наклонился над тарелкой, поскольку из врапа стали выпадать кусочки ветчины.

— Можешь мне объяснить, зачем зверям электричество? — спросила Зузанна.

— Ка-а-ак это зачем? Да те же коровы, думаешь, они сами себя руками выдоят? У них же нет рук. Но дело не в этом. Смотри: электричество вырубается. Все туннели на планете заливают вода. Потоп. После людей начинается потоп. Прорывает канализацию. Выделяется метан. Газ. Легковоспламеняемый. Взрывы. Горят леса. Как ты думаешь, кто гасит пожары? Волки, что ли? — Он покончил с едой и теперь энергично размахивал руками. — А потом смотри, на атомных электростанциях — там ведь уран. Если его не охлаждать, этих отходов...

Зузанна прервала его.

— А знаешь, в окрестностях Чернобыля появились такие виды животных, которые считались вымершими? А все потому, что там нет людей.

Он подозрительно посмотрел на нее.

— Откуда знаешь?

— В интернете прочитала.

— Это необязательно правда.

— Да, необязательно.

— Тараканы скопытятся от холода, — продолжал он, как бы торгуясь с ней.

— Это необязательно правда.

Он ничего не ответил. Принял свою характерную позу — руки на краю стойки, будто собирался оттолкнуться от нее и встать.

— Представь себе, — сказал он после паузы, кивнув головой на улицу, — что всего этого могло бы не быть. Никаких тебе тротуаров, улиц, ничего. Одна, как говорится, земля. Плющ...
— Не представляю, — искренне сказала Зузанна. — Ты читал это? — она вынула из сумки небольшую книжку в обложке цвета компоста. Название, написанное узенькими высокими буквами цвета экры, звучало «No Future»^[1].
— Это по-английски, — ответил он.
— Нет, это по-польски, только заглавие оставили, чтоб универсальнее было.
— Время, — заявил Рафал, — это предрассудок.

* * *

Стюардесса забрала поднос с булкой и остальными отходами. Упаковка из полимерной пленки, точно гроб, немного удлинит время гумификации булки. Она потянулась к сумке и вытащила из нее распечатанные материалы. Кроме фотографа и художника по цифровой живописи, Рафал присмотрел себе еще и девушку, Дору Илиопулос, двадцать три года. Она делала коллажи из нарезанных газетных полосок и всевозможных мелких предметов: заколок для волос, пружинок от шариковых ручек, перьев, засушенных листьев и цветов, клочков материала, кусочков бечевки, рыболовных крючков. Иногда она что-нибудь дорисовывала — акварелью или мелками. В результате получались удивительные композиции, довольно изящные, почти кружевные, а в то же время — зловещие, может, из-за комбинации твердых элементов и мягких. В этом подразумевалось насилие. Да нет, тут дело не в этом, во всяком случае, не только в этом. Все эти абстрактные пейзажи были самым совершенством и — она подыскивала в мыслях подходящее слово — подлинны. Вот именно. Зузанна не понимала, в чем тут фишка, но в этих работах не было ничего, в чем можно было бы усомниться. Просто талант, подумала она и почувствовала легкий укол зависти.

Потом вернулась к цифрам. Художник, молодой парень, звали его Антонис Рапи, крайне заинтриговал Рафала. Он не рисовал ничего, кроме этих вот последовательностей цифр. Она внимательней пригляделась к фотографиям: вне всякого сомнения, резкость была плохой — на дорогой бумаге это выглядело довольно глупо. Она выбрала одну, менее размытую, поднесла к глазам. И тут же их закрыла — было ощущение, будто кто-то посветил ярким светом прямо ей в глаза. Странно. Спустя минуту она подняла веки и взглянула на фотографию — на сей раз издалека. Что-то необычное произошло с фактурой бумаги. Эффект *trompe l'oeil*^[2]? Нет, она видела только эти числа. Извивающиеся последовательности чисел. Может, что-

то с глазами? Это, наверно, от усталости, подумала она. И поняла, что нужно встать, размять ноги, пройтись.

Хорошо, что туалет был свободен. Зузанна вошла в маленькое пластиковое помещение и села на закрытый унитаз. Болела голова, вернулось знакомое беспокойство, но появилось кое-что еще — бурным потоком нахлынуло множество образов. Это не был ее обычный фильм, это было внезапное вторжение иного мира, иного времени в ее время. Появились какие-то сценки из прошлого, со старых фотографий, но были и такие, которые она ни с чем не ассоциировала. Одна за другой, как молниеносный показ слайдов. Она встряхнула головой. Ей почудилось, будто кто-то в ней внезапно что-то разблокировал и захлестнул сознание данными, о существовании которых она ничего не знала. Это, наверно, от усталости, снова подумала она. Самолет затрясло, видно, попал в зону турбулентности. Держась за стены, она встала. Открыла воду. Тщательно ополоснула лицо. Взглянула в зеркало — под глазами синяки. Выглядела ужасно.

Малышка давила муравьев. На ней были красные сандалики, из них выглядывали круглые пальчики с маленькими очень грязными ноготками. Малышка методически уничтожала своими пухленькими ножками маленькие создания — всякий раз, когда сандалик опускался на бетон, он сразу убивал их по несколько штук, бах, бах. Уничтожение происходило на ступеньках большого дома, муравьи явно проложили там свой путь. Малышка предавалась своему занятию в полном молчании и была им так поглощена, что не услышала скрипа входных дверей — только появление на бетонных ступеньках огромной тени дало ей понять, что это мать. Она догадывалась, что забаве пришел конец, поэтому ускорила темп: бах! бах! бах! Разбегающиеся черные точки навсегда завершали свой бег. «Перестань!» — крикнула особа, отбрасывающая тень. «Так нельзя!» Прежде, чем мать схватила ее за ручку и потянула за собой в дом, малышка успела топнуть еще два раза. Она совсем недавно научилась ходить и, следуя за матерью, раскачивалась, как уточка, из стороны в сторону. Возвращаясь на место, она попросила у стюардессы стакан воды, выпила стоя и попросила еще. Сидящий рядом с ней пассажир встал, чтобы ее пропустить, и посмотрел на нее с тревогой. Зузанна успокоила его жестом, мол, все уже в порядке. Она протиснулась на свое место, уселась в кресло, оперлась головой о стекло и закрыла глаза.

Девочка лежала в кровати, плотно укутанная одеяльцем с красными и синими мухоморами. Она прижимала к себе маленькую пластмассовую куколку с очень жесткими, смотрящими в разные стороны волосами. В кафельной печке бушевал огонь, и чудилось, будто его сияние просвечивало сквозь щели между плитками. Время

от времени в печи что-то стреляло, тогда она пугалась и натягивала одеяло на голову.

Из соседней комнаты доносились приглушенные голоса родителей. «Я не переживу очередную зиму у черта на куличиках», — сказала мать. Девочка сжалась под одеялом. «Вся жизнь пройдет в ожидании лучшего», — сказала мать. Девочка не хотела этого слышать, тем не менее слышала. «Кто пас коров, тот навсегда останется пастухом», — сказала мать. В ее голосе звенел металл. «Я родила тебе ребенка», — сказала мать. «Моя мать родила семерых», — ответил отец. «Не плачь», — сказала девочка кукле. «Сейчас же перестань выть».

* * *

Это было его любимое место. Его кислород. Стены в психоделические узоры, искусственный свет, в туалетах ультрафиолет, зубы и белки глаз светились там неестественным голубым блеском, а музыка — каждый ее бит через ступни проникал внутрь тела, в живот, голову.

— Привет, — сказала Зузанна, бросая сумку на стоящий рядом стул. — Прости, что опоздала.

Она сняла плащ и повесила его на спинку стула.

— Принцессам можно и даже нужно опаздывать.

На нем была ярко-желтая рубашка. Две верхние пуговицы были расстегнуты, в вырезе поблескивала круглая серебряная висюлька с выгравированной стрелой. На столике стоял высокий запотевший стакан с содержимым голубого цвета.

— Что-то не похоже, чтоб это можно было пить.

— Это амброзия в наичистейшем виде. Молекулярный нектар.

— Он отпил глоток. — А-а-а! — испустил он крик души, поднимая вверх сжатый кулак. — Это сила для каждой клетки моего организма, видишь этот организм? — он сделал вид, что напрягает мышцы. — Видишь, Принцесса? Хочешь такой же? Не организм, а нектар. Официант! Где официант?

— Успокойся, — сказала Зузанна, давясь смехом. — Я закажу себе пиво. Твое питье напоминает жидкость, которую используют в холодильнике для охлаждения.

— Природа-культура! Ты вот любишь мать-природу, а ее уже и в помине нет, нет и природы-культуры, ты об этом не знала?

Теперь говорят «самоорганизация». Знаешь, что капсомеры^[3] вирусов путем самосборки образуют оболочку, защищающую ДНК? Материя создает биоматериалы, из которых построены живые организмы — и он снова показал на себя — потому что она так захотела. Такой у нее, прошу прощения, гребаный каприз. Или ведьмины круги. Ты что-нибудь слышала о ведьминых кругах? Ты ведь, без обид, из деревни, наверняка слышала. Но это еще не все. Возьми

последовательность чисел. Деньги, к примеру. Тут настоящая мистика. Что такое деньги? Ты знаешь, что такое деньги?

— Подожди, я пойду в бар.

— Деньги — это числа. Это шелестящие последовательности чисел. — Он воздел руки и начал медленно их опускать, шевеля пальцами. — Это цифры. Символы.

— Подожди, — решительно сказала Зузанна.

— Ладно, окей, окей.

Она подошла к бару. Музыка не была слишком громкой, но вибрации расходились по полу, стенам, как во время землетрясения. Ожидая своей очереди, Зузанна стала легко покачивать бедрами. Может, так будет легче. Может, лучше позволить этому странному ощущению проникнуть в себя, а не сопротивляться ему. Поддаться. Она заказала пиво.

Иней растаял, по стакану с наполовину выпитым голубым напитком стекали небольшие капельки воды. Рафал смотрел прямо перед собой невидящим взглядом.

— Я такую книжку недавно читал об эзотерике, — сказал он, когда Зузанна вернулась к столику.

— Об эзотерике, — повторила она.

— Понимаешь, то, что ты видишь, — он посмотрел на свою ладонь, — то, что ты видишь, это еще не все.

Как раз это, пожалуй, очевидно, — подумала Зузанна, но не прокомментировала. Она знала: когда Рафал в таком состоянии, прерывать его бессмысленно.

— Например, путешествия во времени. Они возможны. Дело за *techné*.

— Ты говоришь по-гречески, — пошутила она, но он этого не заметил.

— А решения найдутся, — продолжал он. — Главное тут — знание. Надо знать. Люди делятся на тех, кто знает, и тех, кто не знает.

— Кто знает что? — рискнула она спросить.

— Некорректный вопрос, — ответил он. И отпил глоток голубого напитка. — Слово «знать», — он оперся ладонями о столешницу, — ни к чему не относится. Речь идет о состоянии ума. О свете.

Зузанна обхватила ладонями стакан с пивом. Там, где кожа касалась холодного стекла, она явно чувствовала вибрации. В этой музыке было нечто большее, чем звуки. Что-то, что проникало в организм вне ее сознания. Как вирус.

— Все взаимосвязано. Возьми, к примеру, легкие: почему они так похожи на деревья? Потому что разветвляются. То есть разветвляются бронхи. У них есть ветки. А теперь замени слово «валун» на другое — «инвестиционный горизонт».

— Не догоняю.

— Фракталы^[4], — пояснил он. — Локальный хаос или глобальный порядок.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Ей показалось, будто что-то засасывает ее. Свет. Музыка. Шум. Будто она оказалась в недоступном простому глазу пузыре. Голос Рафала доходил до нее откуда-то извне и становился все более низким.

— Я чувствую себя просто о-фи-ген-но, Принцесса. Есть мощь, есть свет, — ответил он.

— Закажем еще. — Ее голос тоже звучал как с того света.

Рафал встал и направился в сторону бара. На паркете образовалась толчея. Люди раскачивались в ритм трансового бита, каждый в своем пузыре.

— Але! — крикнул Рафал кому-то, кажется, тому, кто как раз вошел.

Она вытащила из сумки телефон. Эсэмэска от матери: «Все ОК? Я звонила, почему не отвечаешь?» Странно как-то думать о матери в этом месте. «Пью с приятелем пиво», — ответила она. Рафал вернулся со стаканами, но не сел напротив Зузанны. Он разговаривал с человеком, которого встретил по дороге. Она не могла сосредоточиться на том, что он говорит. Его голос сливался с музыкой. Она выпила еще немного пива, а потом собрала свои вещи и сквозь сутолоку тел стала пробиваться к выходу.

— Пока, Принцесса, — прокричал Рафал ее спине.

Она не обернулась, только подняла руку, услышала, мол. Странно вновь оказаться на улице. Дышать холодным воздухом было трудно. Легкие, фракталы. Ее тело все еще заполняли вибрации. Лишь спустя минуту она надела плащ. На небе висел молодой месяц. Казалось, он вот-вот упадет. У выхода в клуб стояли, покуривая сигареты, два симпатичных паренька. Ни с того, ни с сего Зузанна подумала, что они могли быть ее сыновьями.

* * *

Девочка вбежала по бетонным ступенькам. «Мама!» — закричала она, — «появились!» Мать сидела за кухонным столом в халате с аляповатыми узорами. «Кто?» — спросила она уставшим голосом. «Крокусы, пойдем, покажу». Мать набросила пальто на халат, всунула ноги в резиновые сапоги. Пошли за дом. Под деревянной стеной с окном, забитым новыми досками, росла семейка крокусов. «Мама, посмотри», — повторяла девочка, — «эти будут фиолетовые, а эти — желтые», — показывала она пальцем набухшие продолговатые утолщения. «Что правда, то правда», — сказала мать. Она улыбалась одними глазами — были они большие и светлые, иногда серые, а в другой раз зеленые. Сейчас — зеленые.

Прядка светлых волос упала ей на лоб, она убрала ее и заправила за ухо. «Ты самая красивая на свете» — сказала девочка матери и со всей силы прильнула к ней. Мать взъерошила дочерние волосы и прижала к себе маленькую головку. «А кто это так ко мне прилип?» — спросила она. «Прилипала», — промурлыкала девочка ей в живот и захохотала. «Рыба-прилипала, мамочка». Мать громко рассмеялась. «Ах, уж эти книжки по биологии», — сказала она. «Я прилипала» — повторила девочка, — «рыба-прилипала и не отлипну от тебя».

* * *

Светлая зелень мелких листочков на деревьях заставила Хелену подумать о новом платье. В воздухе чувствовался легкий аромат цветущих фруктовых деревьев. Она закончила работу раньше обычного и теперь направлялась на автобусную остановку. Больница находилась в другом городке, в получасе езды на автобусе. Особо торопиться нужды не было никакой, вот она и бросала взгляд то на листочки, то на белые цветы на растущих еще кое-где кустах мирабели. С утра шел дождь, а сейчас вышло солнце. Плащ она не надела, а перевесила через плечо. Каждый год в конце концов наступал тот день, когда можно было выйти на улицу без плаща или куртки. Будучи ребенком, она всегда его праздновала и теперь тоже не могла не чувствовать радости — хотя уже, может, и не пристало. По дороге она зашла в магазин. Купила немного фруктов, сок в картонных коробочках, печенье — дежурный больничный набор. Ее мать, вечно такая независимая, с трудом принимала эти дары, поскольку в ее глазах это было чем-то вроде капитуляции перед собственной дочерью. Хелена не терпела материнского упрямства, но сейчас всяческие проявления привередничанья ее радовали. Подумав, она купила еще и шоколадки.

— Хорошо выглядишь, — соврала она, едва лишь войдя. Покоящаяся на большой белой подушке, мать выглядела, как садовый гномик.

— Теперь в этих больницах, — сказала она, пропуская комплимент мимо ушей, — совсем не так плохо. Хелена начала вынимать из сумки продукты и складывать их на тумбочке.

— Сядь, посиди, — попросила мать. — Вечно куда-то торопишься. И зачем ты мне всего этого понатаскала?

— Чтобы тебе было приятно, — с улыбкой ответила Хелена. Она присела на краешек кровати. Ладони матери, лежащие рядышком на одеяле, были синими от укулов. Хелена отвела взгляд. Не соседней койке крепко спала молодая женщина, наверняка не старше тридцати лет.

— Целиком ей матку вырезали, — тихо объяснила мать,

заметив, что дочь приглядывается к ее соседке, — вот она теперь и спит все время.

— Устала, наверно, после операции, — в растерянности сказала Хелена.

— Да. — Мать сплела пальцы. — Знаешь, меня отсюда переводят.

— Я еще не успела поговорить с врачом. — Голос Хелены слегка задрожал.

— Перенесут на онкологию, — спокойно сообщила мать.

— Я потом поговорю с врачом. — Хелене показалось, что слова, которые она проговаривает, сделаны из чего-то такого густого, что прилипает к небу и зубам.

— Отвезут на скорой помощи. В Варшаву.

— Аж в Варшаву?

— Ну, а куда же? Это ведь не так далеко.

— Как же я тебя буду навещать? — некстати спросила Хелена.

— Так это ведь долго не протянется.

— Конечно же нет. — Разговор все еще давался Хелене с большим усилием.

— Никто не знает, что будет, — сказала мать. — Не о чем и говорить. — Она махнула рукой.

— Все будет хорошо, — заверила ее Хелена. — Я сейчас поговорю...

— Ты мне лучше скажи, — перебила ее мать, — как там дети? Ты у отца была? А у Полесяковой?

— Регулярно хожу. Раз в неделю обязательно туда загляну. Может, на будущей...

— Нет, детей сюда не приводи. А маленькую тем более.

Подожди. — Она полезла в тумбочку и протянула конверт. — Держи. Это для Павла.

— Что это?

— Пара грошей. Ему на день рождения...

— Через месяц!

— Ну и что? Дай ему, пусть себе что-нибудь купит. Или на телефон бросит деньги. Ну, бери.

Материнская рука дрожала. Хелена взяла конверт и сложила вдвое.

— Мама, — сказала она. — Ты упряма, как осел.

Мать закрыла глаза.

— У меня ничего не болит, — пробормотала она. — Только в голове шум какой-то. Наверно, от лекарств.

— Мама...

— Оленька в платице ходит? — спросила мать, не открывая глаз.

— Да. — Хелена сжимала конверт. — Она бы ходила в нем, не снимая. Придется тебе сшить еще одно.

— Что будет, то будет, — сказала мать.

— Я еще поговорю с врачом...

— У меня ничего не болит, — повторила она. — Только шум в голове.

Хелена спрятала конверт в сумку. Двумя руками охватила ладонь матери.

— Кажется, я немного вздремну. — Материнская ладонь слегка дрожала.

— Поезжай-ка домой, Хеленка, — сказала мать, не открывая глаз.

* * *

Зузанна вынырнула из дремоты. Головная боль прошла, чувствовала она себя намного лучше. Это все от усталости, подумала она. В глубине души она пообещала себе: по возвращении пойдет на несколько дней в отпуск и выспится за все времена. А, может, наконец, начнет бегать. У нее уже и обувь припасена. Да, наконец-то возьмется за себя. Турбулентность закончилась, самолет гудел равномерно, как автобус. Она взглянула на мужчину в костюме: тот что-то писал в блокноте. Она открыла книгу и продолжила чтение: «Вплоть до позднего модерна будущее человечества казалось неограниченным. Человека более ранней эпохи ужасала безмерность времени, его потенциальная бесконечность. Вымыслы о конце света позволяли ему освоить время, давали право на существование теологического способа мышления как об отдельно взятой жизни, так и о жизни целых сообществ. Апокалипсис — кому-то это может понравится, а кому-то нет — является фикцией. Поэтому мы не поверим в его существование до самого последнего конца — даже тогда, когда он станет фактом».

* * *

Хелена открыла дверь номера 317 и оторопела. Она уже многое повидала, но такое видела впервые. Постель с двух кроватей — а это был двухместный номер — лежала на полу. Одеяла сложены пополам и скатаны в два больших валика, вокруг валиков лежали подушки, покрывала тоже валялись на полу. Она медленно вошла в номер. Чувствовался слабый запах, чуть похожий на тот, что в костеле, — ладан. Она огляделась. На ночной тумбочке в чашке с надписью АФИНА оставался огарок свечи. Она взяла чашку. Надо вымыть. Вошла в ванную. Полотенца лежали на полу, рядом с ванной в другой чашке была другая свечка. Она выбросила огарки в корзину и стала выковыривать воск. Он приставал к пальцам, забивался под ногти. Она налила в чашку горячей воды, воск растопился, но все еще не отставал от стенок чашки. Она почувствовала, как нарастает злость. Она теряет время. Руки дрожали. А впереди столько работы. И мать. Когда после последнего посещения она

разговаривала с врачом, он сказал, что дела плохи. Нет надежды на «окончательное выздоровление». Что это значит: «окончательное выздоровление»? Чашка, уже почти чистая, выскользнула из рук, ударилась о край умывальника и упала на пол. Разбилась вдребезги. Дрожащими руками Хелена стала собирать осколки. Надпись АФИНА раскололась на три части. Осколки она выбросила в корзину. Надо еще вычистить вторую. Надо еще разобрать это место культа, проветрить номер, и еще то, и то, и то.

---

1. «Без будущего» (анг.) — Здесь и далее примеч. переводчика.
2. Оптический обман (фр.)
3. Капсомер — структурная белковая субъединица внешней оболочки вируса, защищающая его генетический материал.
4. Фрактал — математическое множество, которое характеризуется свойством самоподобия. В природе существует огромное количество таких множеств. Например, соцветие романеско устроено по принципу самоподобия — маленькие соцветия подобны строению всей головки.

Агата Дуда-Грач

Агата Дуда-Грач. Фото: Agencja Gazeta

Один из самых выразительных режиссеров молодого поколения. Создательница оригинального сценического языка и авторского театра художника. Используя эстетику кампа и гротеск. В центре ее внимания — драмы обычных людей, пропущенные через собственный опыт. Сценограф, дочь знаменитого художника Ежи Дуды-Грача. Агата Дуда-Грач.

Несмотря на молодость, на ее режиссерском счету уже около 50 спектаклей. Она сама проектирует сценографию для своих постановок, но как сценограф работает также с другими режиссерами. Она востребована и может выбирать среди многочисленных предложений, поступающих из разных городов и театров. Однако критика долго ее недооценивала. Никто не объявил ее гениальным театральным ребенком, никто не попытался ввести в пантеон признанных режиссерских звезд. Возможно, причина тому в обособленности ее театрального языка, который нельзя сравнить с чем-либо или с кем-нибудь. В своем театре художника, в живописной сценографии, которая часто отсылает к форме иконостаса, она создает мир, заселенный гротескными, деформированными героями, которые, несмотря ни на что, все же кажутся нам очень близкими, «человечными». Агату Дуду-Грач с самого начала ее творческого пути интересуется метафизика. «Я хочу, чтобы

каждый мой спектакль рассказывал другую историю, в каждом я стараюсь построить законченный и целостный мир — с небом вверху и адом внизу (или наоборот). И со смертным человеком посередине. Меня интересуют всякого рода мифы и их столкновения с действительностью. Сосуществование умерших и живых. Наша бренность и неизбежная смерть — как тела, так и идеи (...)»^[1] — говорит она в интервью.

Начало

Агата Дуда-Грач родилась в 1974 году в семье знаменитого художника, графика и сценографа Ежи Дуды-Грача. Родительский дом был открытым, у них часто гостили значительные фигуры из мира искусства. С раннего детства она соприкасалась с интеллектуальной и художественной элитой, с разными жизненными позициями и моделями поведения, слушала дискуссии об искусстве, политике и метафизике. Отец формировал ее вкус — водил на выставки и в театр, интересовался ее мнением, спорил как с равной, учил уважению к любому виду творчества. Позднее он мог также остро раскритиковать ее — первый поставленный дочерью спектакль он назвал «катастрофой». Она сама говорит об отце так: «Он был для меня абсолютным авторитетом и одновременно кем-то, с кем я больше всего в жизни боролась. Самым трудным человеком на моем пути и самым большим вызовом»^[2]. Из-за знаменитого отца ей все еще трудно заработать собственное имя. Однако режиссер не избегает ассоциаций с ним — в своем театре художника она часто отсылает к живописи, в том числе и к работам Ежи Дуды-Грача.

А в живописи она разбирается: прежде чем поступить на режиссерский факультет Агата Дуда-Грач закончила историю искусства в Ягеллонском университете, став медиевистом-византологом (специалистом по средневековому искусству, который особое внимание уделяет Византии). Влияние художественного образования заметно в ее спектаклях. «Когда я готовлюсь к постановке, я всегда выбираю себе в патроны какого-нибудь художника. Чаще всего это Вермеер ван Дельф, Рембрандт, Брейгель или Босх. Это их эстетика определяет художественный язык представления. А вот в основе композиции каждого спектакля лежит иконопись (...). Изучение философии иконы, ее семантики и символики, стало основой всего, что я делаю в театре»^[3] — говорит режиссер.

Во время учебы на режиссерском факультете в Высшей театральной школе им. Людвика Сольского в Кракове она была отличницей. Всегда прекрасно подготовлена, активна, трудолюбива — она читала все, что было задано и постоянно

репетировала. А выглядела Агата так, что по ней и не скажешь, что это будущий режиссер. Вместо типичного для творческих вузов художественного беспорядка в одежде — шпильки и накладные ногти. В результате и профессура, и коллеги относились к ней, как к кому-то, кто не вписывается в их среду, а отсутствие таланта компенсирует трудолюбием и старательностью. Однако она всегда стремилась расширить сферу своих знаний, предпочитая иметь выбор — воспользоваться ими или нет. И до сих пор она нетерпима к невежеству, которое демонстрируют некоторые люди театра. Первые спектакли Агата Дуда-Грач поставила еще во время учебы. Это был «Каин» Байрона в театре им. Станислава Игнация Виткевича в Закопане (1998) и «Элоиза и Абелярд» Роже Вайана в театре им. Юлиуша Словацкого в Кракове (2002). Она сразу же закрепила за собой двойную роль — режиссера и сценографа. И до сих пор Дуда-Грач сама создает сценографию к собственным спектаклям, сотрудничая при этом с другими режиссерами в качестве сценографа. Первые награды — два Людвика^[4] — она получила именно за сценографию к своему спектаклю («Элоиза и Абелярд») и к спектаклю Лешека Пискожа «Преобразователь мира». Агата Дуда-Грач работала ассистентом у Ежи Яроцкого («Третий акт» Виткевича) и у Тадеуша Брадецкого («Карьера Артура Уи»).

С самого начала ей был близок авторский театр. Она сама пишет сценарии к своим спектаклям, никогда не обращаясь при этом к новейшей драматургии, которую не чувствует, поскольку, как сама утверждает, «современные пьесы поверхностны, они еле теплые, в них всё сводится либо к физиологии, либо к извращению (а это прерогатива телевидения). Я верю в театр, рассказывающий о разных вещах на разных уровнях, где искусственный, художественный мир полемизирует с действительностью, а не глупо ее передразнивает»^[5]. Поэтому в начале карьеры она обращается к творчеству Марка Твена («Грешное детство» по мотивам книги «Из дневников Адама и Евы»), Танкреда Дорста («Пре(д)ставление» по мотивам «Мерлин, или Пустынная земля»), Мишеля де Гельдерода («Гальгенберг») и Жана Жене (две постановки в 2004 году: дипломный спектакль «Разлад» по «Балкону» и «Избранные» по мотивам «Ширм» в Театре им. Богуславского в Калише). К «Балкону» она вернется в 2008 году, поставив его в Театре им. Стефана Ярача в Лодзи. Duda-Gracz, Teatr na własną odpowiedzialność, rozmowę przepr. B. Tumiłowicz, „Przegląd” 2008, nr 14.и. Эльжбета Блашкевич писала, что спектакль «очаровывает зрителя художественным решением,

прекрасными актерскими работами и продуманной концепцией»^[6].

Одна из основных черт авторского театра Агаты Дуды-Грач — когерентность инсценировки. Она лично следит за всем и прорабатывает каждую деталь. Сама создает костюмы и сценографию, часто выходящую за рамки сцены и даже зрительного зала (как, например, в спектакле «Вы будете довольны, или Слово о последней свадьбе в деревне Камык», к которому мы еще вернемся). Даже плакаты и авторские программки с высказываниями героев спектакля и письмами персонажей друг к другу сочетаются с поэтикой спектакля.

Новаторски и классически

Постановки Дуды-Грач всегда актуальны, универсальны и касаются общечеловеческих проблем. Это истории, посвященные разным аспектам человеческой судьбы: любви, одиночеству, широко понятой вере или — особенно часто — смерти. Быть может, именно поэтому очередным этапом ее режиссерской работы стали постановки Шекспира. В 2008 году в театре «Сцена СТУ» она предложила авторскую, оригинальную версию «Ромео и Джульетты», решенную в духе пластического театра. Работая над инсценировкой, она спросила себя, что произойдет, если знаменитые любовники выживут? Выдержит ли великая юношеская любовь испытание временем? Дуда-Грач любит задуматься над вопросом «что бы было, если». В одном из интервью она сказала: «Режиссерское мастерство — это искусство задавать вопросы, поэтому мне больше нравится перебирать варианты, чем утверждать что-то категорически. Вот вы, — говорит она, обращаясь к журналистке, — называете эти мои варианты «параллельными житиями». Так и есть. Они параллельны другим интерпретациям, другому мышлению. Это диалог с театральной традицией и зрителем. Один из многих вариантов»^[7]. Однако новаторскую постановку знаменитой шекспировской трагедии критика приняла в штыки («развлекательный спектакль с дешевой моралью» — резюмировала Иоанна Таргонь^[8], «Современный Шекспир утонул в наводнении эффектов сомнительного качества» — писал Яцек Вакар^[9]).

Но уже следующий шекспировский спектакль «Отелло. Вариации на тему», премьера которого состоялась в 2009 году в Театре им. Стефана Ярача в Лодзи, был принят теплее. Режиссер получила главную награду в Конкурсе на лучшую инсценировку произведений Вильяма Шекспира. Как написал в своей рецензии Томаш Милковкий: «Спектакль в Лодзи очаровывает необычайной красотой художественных решений. Агата Дуда-

Грач наколдовала на сцене такую бурю, какой, наверное, еще никогда в театре и не было, а сцены морского боя напоминают лучшие образцы Комеди Франсез (...). Словом, Шекспир с психоделическим фильтром, от которого кровь быстрее бежит по жилам»^[10].

В том же году в Театре им. Ярача в Лодзи состоялась очередная громкая премьера — «Глазами Агафьи» по мотивам «Женитьбы» Гоголя. Спектакль с большим количеством «неприличных» сцен, представляющих сексуальные оргии, существенно отличался от оригинала и традиционных постановок этой знаменитой сатиры на быт и нравы России XIX века. Агата Дуда-Грач сделала из гоголевской комедии горький спектакль о мучительном одиночестве и любви, доходящей до одержимости. Неверность автору — характерная черта театра Дуды-Грач. «Я не вижу оснований слепо следовать за текстом. Мне кажется, что если кого-то интересует текст сам по себе, пусть он обратится к книге. Поэтому адаптация текста — для меня процесс естественный. Однако при этом я стараюсь не сломать пьесе «позвоночник», то есть не использовать ее только для того, чтобы рассказать, что у меня на сердце»^[11]. Персонажи в спектакле «Глазами Агафьи» очерчены резко, гротескно, можно сказать, карикатурно (например, Сваха — манерный гей, живо интересующийся модой). На них странные костюмы и аксессуары. Сценография, созданная, естественно, самим режиссером, поражает цветовым хаосом и буйством красок, хотя каждая деталь здесь старательно продумана. Мир «Женитьбы», по мнению Дуды-Грач, — это мир поп-культуры и кича. Спектакль тяжело смотреть, еще сложнее понять, расшифровка его смыслов возможна лишь сквозь призму эстетики кампа и гротеска, к которым режиссер обращается довольно часто. В ее творчестве можно заметить частые отсылки к работам Юзефа Шайны и Тадеуша Кантора, у которых, судя по всему, она охотно учится. Что интересно, оба режиссера были одновременно художниками и сценографами, что, скорее всего тоже для нее важно.

В 2010 году Дуда-Грач поставила в Большом театре им. Станислава Монюшко в Познани... оперу. Несмотря на классическую форму оперы, «Богема» Джакомо Пуччини в ее инсценировке получила новую интерпретацию — режиссер перенесла действие в мир современных трущоб. В этом же году в Театре им. Юлиуша Словацкого в Кракове она поставила спектакль по мотивам рассказа малоизвестного австрийского писателя XX века Оскара Яна Таушинского «Кошунство». Созданный на основе этого рассказа спектакль «Отец» посвящен судьбе скульптора, специалиста по религиозным

темам, который должен изваять распятого Христа. Для него — это особая, исключительная работа, поэтому, когда очередные попытки не приносят ожидаемых результатов, художник приходит в бешенство и уничтожает плоды своего труда. Потом нанимает юношу для позирования, но созданные им скульптуры по-прежнему не отвечают его ожиданиям. Он решает распять Юра, в которого влюбилась его дочь, чтобы узнать, как выглядит настоящая смерть. Дуда-Грач ставит вопрос не только о границах свободы художника, но о границах человечности вообще. Спектакль также затрагивает тему фанатизма и веры. «Отец» дает нам возможность внимательнее присмотреться к эстетике этого авторского театра. В нем присутствуют смерть, любовь и метафизика; зловещая атмосфера; гротескные, карикатурные герои, совершающие постыдные поступки. Но есть и положительные персонажи — несовершенной человеческой природе сопутствует святость. Высокое перемешано с низким — так же как в творчестве Ежи Дуды-Грача (кстати, этот спектакль с красноречивым названием представляет отца-художника, переживающего творческий кризис в конце жизни ... Не отсылка ли это к знаменитому отцу?).

Театр суда

Очередным громким авторским спектаклем была постановка под названием «Я, Петр Ривье, раз уж зарубил топором свою мать, своего отца, сестер своих и брата своего и всех своих соседей...», осуществленная во вроцлавском музыкальном театре «Капитоль» в 2012 году. Режиссер написала сценарий на основе истории, которая произошла в 1835 году в одной нормандской деревне. Мужчина убил свою семью, а после того, как ему вынесли смертный приговор, рассказал, почему он так поступил. Дуда-Грач показывает зрителям события, произошедшие за день до преступления, и сам судебный процесс. Она устраивает на сцене настоящий театральный суд. У спектакля нет начала и конца, действие начинается уже в фойе. Зрительный зал разделен на секторы, каждый зритель получает определенную роль — гражданина, присяжного, врача... Публика оказывается втянутой в дело Петра Ривье и принимает на себя обязанности судей. А вынесение приговора — это понятно с самого начала — не будет легким, особенно после того, как в ходе представления будут открываться новые обстоятельства дела. Оказывается, мы легко осуждаем кого-то на основании первоначальной поверхностной информации, но мы не хотим брать на себя даже части ответственности за окончательное решение — виновен герой или нет. А он к тому же судорожно оправдывается, объясняет свои поступки, как будто, если ему удастся убедить публику в своей невинности,

это поможет ему избежать наказания. Однако, на самом деле, это не зрители судят и осуждают, а режиссер — всем своим спектаклем. Она обвиняет весь мир в несправедливости, а всех людей — в слабости, несовершенстве и жестокости, так же по отношению к животным (актом обвинения служат ужасные сцены убийства коня и свиньи).

Впрочем, словарь уголовного права и вопросы, связанные с преступлением, виной и наказанием, появляются в творчестве Агаты Дуды-Грач неоднократно (как хотя бы в уже упомянутом «Гальгенберге», где о преступлении узнают благодаря неожиданному возвращению сознания главного героя).

С 2013 года Агата Дуда-Грач практически перестает ставить тексты других авторов. Она переписала шекспировскую пьесу «Троил и Крессида» на свой лад и в собственной сценографии посвятила спектакль «Каждый когда-нибудь умрет, или Слово о Троянской войне». Спектакль в Театре им. Словацкого в Кракове отличался художественным размахом. Агата Дуда-Грач снимает греков и троян с пьедестала мифических героев, очищает от патины времени и представляет, как самых обычных людей со своими проблемами, недостатками, слабостями. Пользуясь случаем, художница вернулась к созданию «параллельных жизнеописаний» и задала ряд вопросов из цикла «что бы было, если». Как выглядела бы жизнь героев, если бы они не погибли на войне, если бы дожили до старости, если бы подверглись искушениям современного мира и были бы охвачены завистью, фанатизмом, жаждой славы...

Похожий прием Агата Дуда-Грач использовала в спектакле «Интересная пора года», созданном по заказу Музея Варшавского восстания в годовщину трагических событий 1944 года. В ее спектакле восстания не было, как не было и самой войны. Режиссер создает сцены из жизни пятерых детей, погибших в восстании, рассказывает историю их несостоявшейся судьбы: свадьбы, дети, старость... Однако она постоянно возвращается к проблеме памяти и исторической травмы. «Я строю свое режиссерское повествование на разных планах, разделяя героев на группы с разным онтологическим статусом. Первая группа — это дети, которые отсылают к образу маленьких участников восстания, это знаки действительной истории, о которой мы все знаем, что она произошла на самом деле. Дети сопутствуют своим взрослым двойникам, главным героям спектакля, которые представляются красноречивой фразой «нас нет»^[12].

«Кумернис, или О том, как у Святой Девы борода росла» — это мистериинно-апокрифический-ярмарочный спектакль, поставленный в 2015 году в Музыкальном театре им. Дануты

Бадушковой в Гдыне. Несмотря на народную стихию, в которую погружен спектакль, история смертельно влюбленной Святой Девы Кумернис, живущей в патриархальном мире, где не просто закрывают глаза на насилие по отношению к женщинам, но поощряют его и сакрализуют — это пронзительный портрет нашего времени. В анкете журнала «Театр», подводящей итоги театрального сезона, этот спектакль был упомянут 24 раза^[13]. Критики оценили сценарий, сценографию, режиссуру и актерские работы... В результате в 2016 году спектакль был номинирован на премию «Паспорт Политики». Обосновывая свой выбор, Яцек Серадский писал: «Недооцененная создательница одного из наиболее выразительных и легко узнаваемых сценических языков польского театра. Она сама пишет тексты, ставит их, но прежде всего вписывает свои истории в потрясающие картины, с одной стороны, оперирующие, как сказал бы Кантор, «реальностью самого низкого ранга», с другой, — насыщенные специфической нежностью. В этом она — истинная дочь Ежи Дуды-Грача, хотя иногда и полемизирует с отцом на художественном уровне»^[14]. Правда, премию режиссер тогда так и не получила, но наконец-то была замечена — после восемнадцати лет работы.

Метод — импровизация

В определенный момент Дуда-Грач на какое-то время оставила типичную театральную форму, чтобы в Музыкальном театре «Капитоль» во Вроцлаве создать годовой (с января 2015 до января 2016 г.) авторский цикл «Импровизации». Это было одиннадцать театральных встреч, во время которых приглашенные актеры разных польских театров импровизировали на тему, предложенную им режиссером в письме (исключением была девятая встреча, посвященная картинам Рембрандта). Письма исполнители получали за час до представления. На их основе актеры создавали героев и ситуации. Таким образом появлялись одноразовые неповторимые театральные сцены, показывающие работу режиссера с актером, больше напоминающие репетиции, чем спектакли. Они не имели ничего общего с популярными импровизированными комедиями. В интервью по случаю десятой «Импровизации» режиссер сказала: «То, что из этого получится, не должно быть ни увлекательно, ни смешно. Важен партнер — не нужно с ним соглашаться, если он предлагает конфликт — идем на конфликт. Бывает, что актеров что-то блокирует. Им приходится преодолевать это, чтобы не делать кабаре»^[15].

Письма персонажам Агата Дуда-Грач писала не только во время «Импровизаций». Они появляются в большинстве ее постановок и служат актерам подсказками, помогают перевоплотиться в героя, это запись того, что персонаж знает о себе в самом начале, еще до появления на сцене. Потом эти письма включаются в театральную программку. Стил ь работы режиссера с актерами весьма оригинален, но вполне эффективен. Агата Дуда-Грач умеет создать сыгранный актерский ансамбль, с которым потом почти всегда дружит, к которому возвращается, а каждый, с кем она работает, полностью ей доверяет и готов для нее на все. Впрочем, к ней доброжелательно относятся все работники театра. Кроме того, она умеет очень точно распределить роли, может быть, потому, что пишет их для конкретных актеров. На первой репетиции режиссер всегда подробно объясняет актерам, почему она занялась данной темой, модифицирует свои сценарии по ходу репетиций, а костюмы создает позже — после того, как присмотрится к герою, созданному вместе с актером. «На самом деле мы все идем одной дорогой, я только должна начать и определить направление. Когда я чувствую в актере сопротивление — это для меня сигнал, чтобы подумать, не «перегрузила» ли я героя. Я не представляю себе, что я актеру что-то приказываю. Если уж я кого-то из сотрудников ругаю, то только за то, что он ленится, но это очень редкое явление»^[16] — говорит она о своей работе с актерами.

Вы будете довольны

Благодаря одной из последних своих постановок «Вы будете довольны, или Слово о последней свадьбе в деревне Камык» в познанском театре «Новы» Агата Дуда-Грач получила наконец признание и премию за лучшую режиссерскую работу на XXII Конкурсе на постановку современной польской пьесы. Этот спектакль дает возможность рассказать о многих характерных чертах и приемах ее авторского театра. Во-первых, это театр тотальный, всеобъемлющий. Спектакль подминает под себя все пространство — свадебное застолье начинается уже в фойе театра, где расставлены накрытые столы, над ними развешаны шарики и другие типично свадебные украшения. Можно угоститься соленым огурчиком, хлебом со смальцем (растопленным и приправленным салом) и... выпить самогонки. Уже на входе зрителей встречают участники свадебного веселья с приглашением присоединиться к пиршеству, а чтобы воспользоваться гардеробом или туалетом, надо пробиться сквозь блокирующих лестницу подвыпивших гостей. У этой истории нет конкретного начала или конца, действие на сцене начинается еще до того, как все зрители займут свои места, и продолжается, пока последние из

них не покинут зрительный зал. Во время антрактов веселье продолжается в фойе, а вместо звонка, оповещающего о начале представления, один из актеров включает невыносимо громкую пожарную сирену. В спектакле принимает участие также весь обслуживающий персонал — от технических работников до гардеробщиков.

Во-вторых, многообразие мотивов и универсальность. С точки зрения сюжета, зрителям рассказывают историю о свадьбе, во время которой мать невесты пытается отомстить убийцам своего сына. Но в конце концов, в результате сплетения разных обстоятельств (все начинается с кражи колбасы), дело заканчивается кровавой резней. Но о чем на самом деле этот спектакль? На этот вопрос лучше всего ответила сама Дуда-Грач: «Это рассказ об относительности добра. Но и об общении с умершими. О последствиях, которые имеет незнание истории. О лжи. О потребности в чуде. И о любви, у которой есть одна гнусная особенность, — способность оправдать любое свинство»^[17].

В-третьих, на сцене в очередной раз разыгрывается театральный суд. В течение четырех часов мы смотрим на поведение героев, которое однозначно оценить довольно сложно. Повествователь Идзик, по прозвищу Сморчок, все это время служит нам кем-то вроде проводника по этому странному миру. Он обращается непосредственно к зрителям, то приглашая их присоединиться ко всеобщему веселью, то защищая систему ценностей жителей деревни Камык. В конце он объясняет, что тут на самом деле произошло, рассказывает о ряде обстоятельств, которые должны оправдать преступников. Его речь длится вечность, он не обращает внимания на шум, аплодисменты, овации — он продолжает убеждать зрителей в своей правоте до тех пор, пока они не поймут, что это никогда не кончится, и не покинут зрительный зал. А покидают они театр с невеселыми лицами, видимо, раздумывая — осудить ли героев этой истории, оправдать ли...

«В-четвертых» немного к этому списку характерных черт театра Агаты Дуды-Грач не подходит, поскольку публицистика к их числу не принадлежит, а в этом спектакле появляется, скорее, как исключение из правила. Хотя, может, это начало нового пути (премьера состоялась в 2017 году). В отличие от отца, который в своем творчестве открыто демонстрировал отношение к отчизне, проявляющееся как в национальных флагах и гусарских крыльях, появляющихся на его картинах, так и в серии работ, вдохновленных музыкой Шопена, Агата Дуда-Грач обычно сторонилась политики и избегала польских тем. Ее работы — это истории об обычных или необычных людях, которые лишь минимально соприкасались с большой

историей (не считая, конечно, «Интересной поры года», посвященной восстанию, тоже довольно сдержанной в этом плане). Многие ее инсценировки не привязаны к конкретному месту и времени — они как бы погружены в некую сказочную действительность. Однако недавно это изменилось. «Я в бешенстве от того, что меня заставили высказаться! Я не делаю политических спектаклей, потому что политика на сцене это то же самое, что политика с амвона, — низость»^[18] — сказала она. Обычно театральные режиссеры «высказываются» охотно, очень четко выражая свой протест и мировоззрение. Дуда-Грач делает это деликатно, ее мнение мы можем услышать, например, в диалоге сына с набожной матерью, которая уговаривает его стать ксёндзом. Теоретически мать — глубоко верующая, она носит табличку с надписью «Иисус любит тебя», но при этом ходит на сеансы к местной ясновидящей по кличке Черная Пизда. Таким образом обнажается ее лицемерие. Сын, в свою очередь, не хочет быть ксёндзом, потому что падок на женщин. Как говорит он сам: «А притворяться ксёндзом я не хочу! Мало таких вокруг что ли? Глупости с амвона гласят, людей друг на друга натравливают, а то еще такие есть, что и детей щупают, потому что такому кажется, что раз он пастырь, то с овечками ему можно». Это явная отсылка к проблеме педофилии в костеле, но все же идеологические взгляды режиссера не выражены напрямую, просто вплетены в ткань повествования.

Спектакль «Вы будете довольны, или Слово о последней свадьбе в деревне Камык» в некотором роде является итоговым для Агаты Дуды-Грач. Анна Вакулик, член художественной комиссии XXII конкурса на постановку современной польской пьесы в рецензии на этот спектакль написала: «Если меня что-то в творчестве этого человека особенно восхищает — это профессионализм. Конечно, с одной стороны, Дуда-Грач постоянно рассказывает одну и ту же, собственную, из самого нутра вытащенную историю, варьируя ее и укладывая по-разному, но одновременно — и в этом нет никаких сомнений — она всегда, если ее попросить, может создать спектакль. Это не одноразовое действие, не случайность, это не из серии «как-то написалось, само получилось», но это и не клише, когда используется один и тот же характерный прием, некая странность, замеченная критиками и им полюбившаяся. Это годы труда, несколько десятков постановок — и как результат — зрелость и уверенность в себе»^[19].

Театр — это необходимость

Спектакли Агаты Дуды-Грач гротескны, неудобны, вызывают болезненные чувства, а иногда отталкивают. Они обнажают

человеческие слабости и зло этого мира. Несмотря на художественное оформление (теоретически — весьма привлекательное) и часто использующуюся форму мюзикла, зритель на них не отдыхает и не развлекается, но и не скучает — это уж точно. Публика выходит со спектаклей шокированная, потрясенная. Скука на сцене — так же как спектакли развлекательные, коммерчески «выверенные», рассчитанные на самую нетребовательную публику — вызывает у режиссера отвращение и отторжение. «На сцене может произойти все, но если становится скучно, автора надо лишить права заниматься театром»^[20] — говорит Агата Дуда-Грач в одном из интервью. Может быть, поэтому каждый из ее авторских спектаклей — другой. Как режиссер она пользуется разными приемами — отсылает то к ярмарочным представлениям, то к фольклорным традициям, то к живописи или импровизации, но ее собственный стиль однороден и узнаваем, хотя представления отличаются с точки зрения эстетики. Кроме того, ее театральный язык разительно отличается от всего, что есть на сегодняшний день в польском театре. При всем при этом она кажется очень настоящей, и в этом, по-видимому, кроется как секрет ее хороших отношений с актерами, так и секрет популярности, которой ее спектакли пользуются у зрителей.

А что такое театр для самой Агаты Дуды-Грач? Профессия? Конечно, она подходит к своему делу очень добросовестно, с уважением относясь к театральному ремеслу. Увлечение, любовь? На это режиссер отвечает: «Не знаю, можно ли говорить о любви к театру... Эта работа — это такая сильная потребность, что у нее больше общего с физиологией, чем с любовью»^[21]. Напрашивается вывод, что театр для Дуды-Грач это... необходимость. Раз надо, то надо — и как режиссер она нас еще не раз удивит.

-
1. A. Duda-Gracz, *Mówię innym językiem niż ojciec, rozmowę przepr. J. Nowicka*, „Rzeczpospolita” 2007, nr 192.
  2. A. Duda-Gracz, *Jestem irytująca, rozmowę przepr. J. Kowalska*, „Teatr” 2016, nr 12.
  3. Там же.
  4. Награды краковской театральной общественности.
  5. A. Duda-Gracz, *Teatr na własną odpowiedzialność, rozmowę przepr. B. Tumiłowicz*, „Przegląd” 2008, nr 14.
  6. E. Błaszkievicz, *Demokratyczny burdel*, „Przegląd” 2008, nr 34.

7. A. Duda-Gracz, Jestem irytująca, op. cit.
8. J. Targoń, Od końca do początku, z powrotem i na boki, „Gazeta Wyborcza-Kraków” 2008, nr 241.
9. J. Wakar, Ślepe naboje, „Dziennik” 2008, nr 244.
10. T. Miłkowski, Zawieść — wariacje, „Przegląd” 209, nr 8.
11. A. Duda-Gracz, Plaga mistrzów świata, rozmowę przepr. M. Mizera, „Puls Biznesu” 2009, nr 80.
12. Sz. Kazimierczak, Wyłonić z niebytu, „Teatr” 2015, nr 10.
13. Najlepszy, najlepsza, najlepsi w sezonie 2015/2016, „Teatr” 2016, nr 9.
14. Teatr. Nominowana Agata Duda-Gracz? „Polityka” 6.12.2016.
15. A. Duda-Gracz, Duda-Gracz o "Improwizacjach" w Capitolu: Nie musi być śmiesznie, rozmowę przepr. R. Zieliński, „Gazeta Wyborcza. Wrocław” 27.12. 2015.
16. A. Duda-Gracz, Jestem irytująca, op. cit.
17. A. Duda-Gracz, Jestem wściekła, że ktoś mnie zmusił do opowiedzenia się!, „Gazeta Wyborcza” 24.03.2017.
18. A. Duda-Gracz, Jestem wściekła, że ktoś mnie zmusił do opowiedzenia się!, op. cit.
19. A. Wakulik, Ciepło, gorąco, parzy, [Электронный ресурс], — Режим доступа: <http://sztukawspolczesna.org/recenzja/2016-2017/297/cieplo-goraco-parzy>.
20. A. Duda-Gracz, Plaga mistrzów świata, op. cit.
21. Там же.

Культурная хроника

Долгожданная Галерея польского дизайна в варшавском Национальном музее наконец открыта! С 15 декабря можно увидеть самые интересные работы польских авторов разных эпох и направлений. Здесь собрано все самое важное, что происходило в польском дизайне за последние 10 десятилетий. Эта коллекция — с начала XX века по нынешний день — постоянно пополнялась и годами хранилась в запасниках в Отвоцке Вельком под Варшавой. Сейчас наконец для нее нашлось место в помещении музея. На площади 300 квадратных метров в решенной в современном стиле галерее собрано свыше 600 предметов: от мебели, стекла и керамики, тканей и одежды до бижутерии, оборудования для домашнего хозяйства и игрушек. Фарфор из Цмелёва, фаянс из Болеславца, радиоприемник «Шаротка», граммофон «Бамбино», треугольные столики «Меко», кресло «Тюльпан»... Выдающиеся имена: Станислав Виткевич, Зофья Стрыенская, Владислав Стшеминский, Барбара Хофф и десятки других. Экспозицию обогащают фотоматериалы и фрагменты архивных документальных кинолент.

Побит очередной рекорд на польском рынке искусства. 14 декабря в аукционном доме «DESA Unicum» в Варшаве картина «Материнство» Станислава Выспянского была продана за 4 млн 366 тыс. злотых. Предыдущий рекорд — это 3,7 млн злотых за картину Яна Матейко «Убийство Ваповского». «Материнство», написанное в 1904 году, изображает жену Выспянского, держащую на руках одного из трех их детей.

Центр «Пограничье» в городе Сейны 10 декабря отмечал 80-летие литовского поэта и эссеиста Томаса Венцловы, которому в 2001 году был присвоен титул «Человек Пограничья». Встреча с юбиляром прошла в Белой синагоге в Сейнах, совсем рядом с польско-литовской границей. Директор Центра Кшиштоф Чижевский сказал в ходе юбилейного торжества, что полякам повезло с таким соседом-литовцем: «Мы очень по-соседски обязаны Томасу. Это человек, который так много сделал, чтобы польско-литовское пограничье стало по-настоящему добрососедским». И добавил, что литовский поэт — это также

один из последних граждан Великого Княжества Литовского. Томас Венцлова, в свою очередь, напомнил, что Великое Княжество Литовское было многонациональным, открытым для иностранцев государством, славящимся своей религиозной терпимостью.

Как обычно, в конце года раскрылся рог премиального изобилия. В издательском конкурсе «Перо Фредро» главную премию получило «Выдавництво литерацке» за книгу Марцина Светлицкого «Автобиография. Неприседальность. Говорит Рафал Ксенжик». Торжественное вручение премии прошло 30 ноября, в первый день работы XXVI Вроцлавской ярмарки хороших книг. Премию принял представитель издательства, так как поэт Марцин Светлицкий избегает публичных выступлений.

Эва Липская, автор более тридцати поэтических сборников, стала в нынешнем году лауреатом литературной премии имени Юлиана Тувима, которую вручили 3 декабря в «Театре новом» им. Казимира Деймека в Лодзи. Премию в пятый раз присуждал Дом литературы. Ранее лауреатами были Магдалена Тулли, Ханна Краль, Ярослав Марек Рымкевич, Михал Гловинский. Лауреату вручили памятную статуэтку и денежную премию в размере 50 тыс. злотых.

Анджей Сулима Каминский и Леон Тарасевич стали в 2017 году лауреатами премии имени Ежи Гедройца, учрежденной газетой «Жечпосполита» в 2001 году, в первую годовщину смерти создателя парижской «Культуры». Премия — «за деятельность на благо Польши, которое состоит в укреплении взаимопонимания с народами Восточной и Центральной Европы», — присуждалась в семнадцатый раз.

Анджей Сулима Каминский, историк, профессор католического Университета Джорджтаун в Вашингтоне, получил премию «за размах и эффективность выполненного в духе Гедройца проекта «Recovering Forgotten History» («Открывая забытую историю»)). Леон Тарасевич, художник, профессор пластических искусств, в течение многих лет работающий над укреплением взаимопонимания между Польшей и Беларусью,

получил премию «за неустанный труд на пользу общего блага, культивирование памяти об истории Великого Княжества Литовского, большой вклад в укрепление в мире образа Польши как государства многих народов, культур и религий».

Леон Тарасевич, живущий в подляской деревне Валилы, отметил:

— Многие люди искусства, живущие в Польше, чувствуют общность с европейской культурой. Живя здесь, в Валилах — в одном из родовых гнезд Ходкевичей, где с ними связан каждый кусочек земли, — я, естественно, ощущаю белорусский дух, поскольку он, как и украинский или литовский дух, обращен именно к идее Великого Княжества Литовского. Идее, возникшей в средневековье и существующей в разных формах по день нынешний. И я, и Юрий Андрухович, и творческие люди в Литве, — все мы чувствуем фундамент Великого Княжества Литовского: связи с Новогрудком, со словом, написанным на старобелорусском языке, Заблудовским Евангелием, ролью рода Ходкевичей, Сократом Яновичем или сейчас с Игнацием Карповичем. Нельзя какую-то часть культуры вырезать из целого, как это происходит сейчас в Польше. Взаимные влияния естественны. Польша всегда многокультурна, и благодаря этому создаются ценности данной страны. Никакие армии, никакие границы не в состоянии сдерживать культуру, остановить культуру в Бобровниках» (Бобровники — населенный пункт на польско-белорусской границе неподалеку от Валил).

Национальная библиотека 5 декабря присудила свою премию «Крылья Дедала» за 2017 год профессору Анджею Новаку, историку и эссеисту, за совокупность эссеистики, с особым учетом трехтомной «Истории Польши». Жюри под председательством проф. Влодзимежа Болецкого отметило лауреата за «привлекательное повествование о деятельности первых поколений поляков, благодаря которым формировались основы польской культуры и государственности». Три тома «Истории Польши» вышли в издательстве «Бялы крук» в 2014, 2015 и 2017 годах.

5 декабря, во время VI Радомской ярмарки региональных издательств, была вручена литературная премия города Радома

2017 года.: В категории художественной литературы лауреатом стала Моника Шнайдерман за книгу «Фальсификаторы перца. Семейная история», в категории научной и научно-популярной литературы — Лукаш Кшижановский за книгу «Дом, которого не было. Возвращение выживших в послевоенный город». В категории «отдельная книга» — Мечислав Шевчук за «Жить искусством. Коллекция современного искусства Музея им. Яцека Мальчевского в Радоме. Живопись, рисунок, скульптура, графика, фотография, объекты».

8 декабря во Дворце Красинских в Варшаве прошло присуждение Исторической премии им. Казимежа Мочарского, учрежденной в память автора знаменитых «Разговоров с палачом». Отличия удостоена Агата Зысяк, социолог из Лодзи, за книгу «Баллы за происхождение. Послевоенная модернизация и университет в пролетарском городе». Как отметил проф. Анджей Фришке, это «панорама истории интеллигенции в послевоенной Польше, ее надежд, иллюзий, связанных с модернизацией, распространением образования, продвижением ранее ущемленных социальных слоев». Премию присуждает жюри, состоящее из выдающихся польских историков и публицистов, под председательством проф. Генрика Самсоновича. Лауреат получила 50 тыс. злотых и премиальную статуэтку, напоминающую карандашную точилку, располагавшуюся на письменном столе Казимежа Мочарского возле лампы, рядом с бумагами, газетами и пишущей машинкой. «Карандаш Мочарского» — премию молодежных исторических клубов имени Казимежа Мочарского — получил Цезарий Лазаревич за книгу «Чтобы не оставалось следов. Дело Гжегожа Пшемька».

Премия «Identitas» нынешнего года вручена 8 декабря в Катовице писателю Кшиштофу Кёлеру, с 2016 года вице-директору Института книги, за «сарматский гипертекст» «*Palus sarmatica*». Премия (50 тыс. злотых) присуждается за лучшую польскую книгу предыдущего года. Жюри возглавляет правый литератор и публицист Павел Лисицкий. Как сообщает Польское агентство печати ПАП, в книге «мы встречаемся со своего рода „сарматским гипертекстом“, где в форме, не вполне научной, говорится о шляхетской культуре как в ее политическом и религиозном измерении, так и в ее материальном и бытовом аспекте». Автор объясняет, что латинское «*palus*» — это болото или трясина, так что его цель

— «втянуть читателей в глубину этих сарматских топей, в нескончаемую глубину этой трясины».

Специальную премию «Identitas» для творца родом из Силезии получил Мацей Пепшица, создатель фильмов «Я убийца» и «Хочу жить». Режиссер, родившийся в городе Тыхы, получил чек на 15 тыс. злотых.

9 декабря на юбилейном X съезде Польского авторского общества ЗАИКС председателем был вновь избран Януш Фоглер.

Новым руководителем Польского института киноискусства стал Радослав Шмигульский, член правления лотереи «Спортивный тотализатор» и бывший директор фирмы «Сырена фильм». Шмигульский был продюсером пресловутого фильма «Варшавское похмелье», который критика сочла вульгарным и прививающим публике дурной вкус. У Шмигульского есть также и политическое прошлое: он создавал местные структуры объединения «Республиканцы». В среде кинематографистов распространено мнение, что новый директор Института киноискусства будет протектировать производство патриотических фильмов. Возрождение кинематографа на «патриотических началах» постулировал министр культуры Глинский.

Перемены на одной из главных столичных сцен — в театре «TR Варшава». По решению президента Варшавы Ханны Гронкевич-Вальц, обязанности директора перестал исполнять известный режиссер Гжегож Яжина, он будет заместителем генерального директора по художественной части. Генеральным директором назначена Наталья Дзедушицкая, которая была заместителем директора по организационно-финансовым вопросам. Таково содержание информации, переданной театром Польскому агентству печати ПАП. Сообщается также, что в театре происходит реорганизация. В будущем творческому коллективу предстоит работать в новом помещении на Площади парадов. Здание, общее для театра и Музея современного искусства, должно быть сдано в эксплуатацию в конце 2020 года.

В «Новом театре» в Лодзи 8 декабря прошла премьера «Сапожников» в постановке Ежи Штура. Драма Виткация представляет последствия трех общественных переворотов: сначала власть захватывают «бравые ребята», затем сапожники, а в конце — педантичные «товарищи».

— Есть такие пьесы, которым надо дождаться своего времени. Тогда и надо их ставить, — сказал Ежи Штур перед премьерой. — Сегодня пришло время для «Сапожников» Виткация. Очень многие темы, которые терзали автора, также беспокоят нас сегодня. Закон — он для людей или для власти? Кто мы? Европейцы или прежде всего поляки? Национальная или европейская культура должна лежать в основе нашей идентичности? Об этом говорят «Сапожники». Должна ли великая сила женственности и ее прав одержать верх над все более погрязающей в кризисе системой патриархата? Это тоже вопросы Виткация. Но прежде всего — самая большая проблема, состоящая в том, что любая революция оставляет после себя неудовлетворенность и не исполняет ожиданий.

А вот что сказал режиссер после премьеры:

— Поразительно, как повторяется история: то, о чем писал Виткаций в 30-е годы, становится актуальным сегодня. Год назад, когда возник замысел работы над этой пьесой, еще не было марширующих по Варшаве, не было дискуссии о нарождающемся фашизме, но художник должен это предчувствовать, совпасть со временем.

«„Сапожники“ в постановке Ежи Штура — это спектакль яркий, динамичный и веселый, — отмечает в рецензии Изабелла Адамчевская. — Многие фразы из драмы Виткация совершенно без поправок звучат со сцены так, словно являются аллюзиями на события не столь отдаленные. Бывает смешно, но бывает и страшно. „О, если бы можно было учредить открытую политическую чрезвычайку, и чтоб безо всяких судов“, — мечтает прокурор Скурвый. Саетан Темпе (сапожный мастер) удивляется после революции: „Я не мог и подумать, чтобы такие перемены — и так скоро...“»

Спектакль — это венец проекта «Лодзь — столица авангарда», подготовленного «Новым театром» им. Казимежа Деймека.

А в варшавском «Театре польском» 9 декабря давали премьеру «Дяди Вани» Антона Чехова в переводе Ярослава Ивашкевича и в постановке российского режиссера Ивана Вырыпаева.

Спектакль, сыгранный без антрактов, идет два часа. Быстро, учитывая, что режиссер не сделал в тексте никаких купюр. «Драма должна быть поставлена в точности так, как была написана, поскольку содержание и форма неразрывны, а приверженность традиции сегодня — это высшее выражение авангарда», — считает Вырыпаев.

Яцек Вакар на портале Onet пишет: «В „Театре польском” в Варшаве произошло нечто важное. Иван Вырыпаев высказался так, что этого нельзя недооценить ни в отношении Чехова, ни по отношению к классике. Актеры создают ансамбль, идеально исполняющий свои ноты. Как в джазе — кто-то задает тему, кто-то ее продолжает, кто-то задает следующую, и каждый друг к другу подстраивается».

Добавим, что труппа звездная, играют, в частности, Каролина Грушка, Анджей Северин, Мацей Штур, Тереса Будзиш-Кшижановская.

Яцек Цесляк в рецензии, озаглавленной «„Дядя Ваня” Вырыпаева. Замечательный спектакль со звездами» пишет: «Зрителям, которые чувствуют усталость от экспериментов, от вульгарности и голого тела, показывают спектакль „как в старые добрые времена”. Все должно быть красиво, как замечательная Каролина Грушка или Эвелина Панковская, которая о своем персонаже, Соне, говорит, что она хотя и хорошая, но ей не хватает красоты. А Катажина Левинская подготовила элегантные костюмы в соответствии с эпохой. Театральная красота действует словно морфий из аптечки доктора Астрова. Зрители могут расслабиться, потому что они ежедневно так же измучены трудами, как дядя Ваня в финальной сцене». В свою очередь, Витольд Мрозек пишет в «Газете wyborczej» (рецензия «Фрагменты печальных времен»): «Спектакль Вырыпаева на удивление реалистичен. Однако в этой форме кроется легкий оттенок гротеска, который не разрушает меланхолии, но задает дистанцию. Благодаря этому мы можем в финале „Дяди Вани” и сопереживать, и задумываться». Словом, спектакль понравился.

В Большом театре в Познани по случаю Года Феликса Нововейского (композитор родился 140 лет назад) была представлена его опера «Легенда Балтики», в первый раз показанная на познанской сцене в 1924 году. В межвоенный период опера пользовалась успехом, но во времена ПНР была забыта. «Это произведение вписывается в оперный мир рубежа XIX—XX веков, оно написано с размахом Вагнера и красотой

Пуччини, — пишет на страницах газеты «Жечпосполита» Яцек Марчинский. — Мы также видим здесь связь с польским фольклором, поскольку это праславянское предание о Домане, который отправляется на дно Балтики за короной Юраты, властительницы Винеты, затопленной Перуном».

«Легенда Балтики» — это еще одна польская опера, которую может сейчас увидеть в интернете весь мир — она доступна без оплаты на сайте operavision.eu

Три представительницы Польши стали лауреатами европейских «Оскаров». Премию за лучший европейский документальный фильм получила лента «Коммуния — Communion», режиссер Анна Замецкая. В категории анимационного кино за 2017 год отмечена польско-британская картина «Твой Винсент» Дороты Кобели и Хью Вельмана (первый в истории анимации полностью нарисованный на холсте фильм). Катажина Левинская получила премию за костюмы к фильму Агнешки Холланд «След зверя».

Прощания

7 декабря в Варшаве в возрасте 93 лет умер проф. Ежи Ключовский, один из крупнейших польских историков XX века, медиевист, автор и инициатор пионерских работ по истории польского и европейского христианства. Участник Варшавского восстания, воевавший под псевдонимом Пётрусь. В течение нескольких десятилетий профессор Католического Люблинского университета. В 1989—1990 годах председатель Гражданского комитета Люблинщины, затем сенатор Республики Польша (первого созыва Сената). Был основателем и многолетним председателем правления Объединения Института Центральной и Восточной Европы. Автор и редактор почти 100 публикаций, в том числе двухтомного труда «Церковь в Польше», «Истории польского христианства», а также работ «Христианство и история», «Христианские общины в становящейся Европе», «Европа. Христианские корни». Ежи Ключовский был почетным доктором Гродненского университета, Киево-Могилянской академии, Свободного университета в Берлине, а также парижской Сорбонны.

Стыдливый мифоман. Тони Халик в мундире вермахта

С Мирославом Влеклы, автором биографии «Здесь был я, Тони Халик», беседует Нина Харбуз

Архив Эльжбеты Дзиковской, Мирославы Халик, Дариуша Косинского и Януша Косинского. Музей путешественников им. Тони Халика в Торуне.

Если бы целиком и полностью поверить всем невероятным повествованиям Тони Халика, он оказался бы одним из самых выдающихся поляков в истории. Пилот Королевских ВВС Великобритании, лауреат Пулитцеровской премии, «белый» индеец, аргентинец и, естественно, поляк, родившийся в 1921 г. в Торуне. А в 1970-х годах он предпочел покинуть красивую солнечную Мексику, где у него имелся собственный дом, и поселиться в серой Варшаве. Если бы не любовь к Эльжбете Дзиковской, он, по-видимому, никогда не вернулся бы на родину.

— Скажи, все те приключения, о которых рассказывал Тони Халик, действительно случались в его жизни или же он немножко выдумывал?

— Поначалу мне казалось, что я имею дело с мифоманом и фантазером, поскольку Халик и впрямь довольно много сочинял насчет себя, порой было трудно отличить, что в его историях правда, а что нет. К примеру, он говорил, что во время войны стал пилотом британских ВВС, а истребитель «Спитфайр», на котором он летал, много раз сбивали. Один из его друзей рассказывал мне, что разных баек Халика о том, как его подбили, было столько, что если бы они были правдой, он оказался бы самым обстреливаемым летчиком времен Второй мировой войны. Халик хвастался также, что получил Пулитцеровскую премию за серию документальных фильмов о Кубе. Я искал хоть какую-нибудь подтверждающую эту информацию и ничего не нашел. В то же время он почти не рассказывал о своих подлинных больших успехах. Хотя бы о работе для журнала «Лайф» или для американской телевизионной сети NBC, с которой он был связан на протяжении тридцати лет. Мало кто в Польше знает об этих его достижениях.

— А тебе удалось установить, зачем он так приукрашивал реальность, коль скоро подлинные истории были ничуть не менее эффектные, чем вымышленные?

— Прежде всего, ему хотелось скрыть многие из тех событий собственной биографии, которых он стыдился. Начиная с самоубийства отца. В 1930-х годах в деревне Жабины, откуда он был родом, самоубийство считалось огромным позором. В гимназии у всех его одноклассников было оба родителя, а у него — только мать. К тому же обстоятельства, при которых его отец наложил на себя руки, только усиливали атмосферу растерянности и смущения. До конца жизни он, говоря об отце, на самом деле говорил про отчима. Такой была для него первая из стыдливых тем, а потом вылезали на свет божий очередные компрометирующие тайны, например, относящиеся к периоду Второй мировой войны.

— Чего может стыдиться пилот британских ВВС?

— В частности, того, что он вовсе им не был. Или же того, что в бытность молодым парнем, почти мальчишкой его, как и многих мужчин примерно такого же возраста, насильно загнали в ряды вермахта, откуда, впрочем, Тони спустя несколько месяцев дезертировал. Мало того, позднее он стал во Франции героем партизанского движения сопротивления. Любопытно, что командир дивизиона 303^[1] Ян Зумбах, когда был еще жив, многократно подтверждал — да, Тони Халик пилотировал «Спитфайр». Есть только один человек, Войцех

Змыслёны из Вроцлава, историк-любитель, страстно увлеченный польскими летчиками времен Второй мировой войны, а также поляками, которых принудительно призывали в состав вермахта, который взял на себя труд проверить «авиационные» рассказы Халика. Предполагаю, что это единственный человек в Польше, уже давно знавший, что Халик служил отнюдь не в Королевских ВВС Великобритании, а в люфтваффе. Причем он никогда не доводил своих знаний о Халике до сведения широкой публики, поскольку не видел такой необходимости. Но именно благодаря ему мне удалось подтвердить информацию по вопросу о службе Халика в вермахте. Даже Эльжбета Дзиковская ничего не знала про это.

— *Неужели никто не пробовал поставить эти сведения под сомнение?*

— Пробовали. В 1980-х годах, да и в начале 1990-х на центральное польское телевидение приходили письма от лиц, которые знали Халика. Кто-то писал напрямую, что видел его в мундире вермахта, кто-то другой утверждал, что практически в те же самые времена натолкнулся на Тони в одном из югославских партизанских отрядов, третий якобы встречал его в еще более отдаленных регионах мира, и все это вместе взятое звучало противоречиво и недостоверно. Эти письма показывали Тони, но он всякий раз называл их ошибкой — ведь он же служил в британских ВВС. А если принять во внимание, что тогда не было интернета и отсутствовали средства быстрой проверки информации, то все ему верили.

— *А как воспринимали Халика его сослуживцы с польского телевидения?*

— Для них он был богатым дядюшкой из Америки. Польские журналисты и путешественники не располагали такими возможностями, как Халик. Эльжбета Дзиковская рассказывала, что в самом начале их знакомства Тони пригласил ее в необычайно комфортабельный отель «Лас Бризас» в Акапулько. Халик хорошо знал это место, так как раньше прятался в нем, чтобы скрыто фотографировать послесвадебное путешествие ведущего американского дипломата 1970-х годов Генри Киссинджера. Дзиковская подсчитала, что одна ночь в этом отеле обошлась ее будущему партнеру во столько же, во сколько ей — вся командировка в Мексику.

— *Это могло вызывать зависть.*

— Зависть наверняка была. Журналист и путешественник Богдан Сенкевич, который вел на телевидении программу «Летучий голландец», рассказывал мне, что, когда организовывался кругосветный рейс парусного фрегата «Дар молодежи», в планах предусматривалось участие в этом плавании двух журналистов. Один из них должен был снять фильм, а второй — написать книгу. И вдруг Богдан узнает, что едет один только Тони Халик, поскольку он платит валютой. Сенкевич разозлился — впрочем, как и все журналистское сообщество. Однако в конечном итоге начальство решило, что в эту кругосветку отправятся три представителя от СМИ. В этой истории Халик не имел дурных намерений, не строил козней, не хотел никого обхитрить или кому-то досадить. Впрочем, Сенкевич подтверждал позднее, что Тони был очень дружелюбным человеком и никому не причинял вреда, хотя и мог порой вызывать у кого-то нехорошие чувства. Скажем, из-за того, что раздавал чаевые в долларах, или из-за бензина, который он в период военного положения без проблем покупал за американскую валюту, тогда как ни у кого другого не было ни малейших шансов раздобыть топливо. Но одновременно Тони делился тем, что у него было. Актер Казимеж Качёр рассказывал, что во времена военного положения он приезжал к Халику на бридж, и тот, провожая его до двери, неизменно чуть ли не силой всучивал ему в руку полную канистру. Помимо этого, Тони в тот же период принимал, к примеру, своих гостей в лучшей варшавской гостинице «Виктория». Просто телеканал NBC, корреспондентом которого он являлся, постоянно располагал несколькими номерами, которые снимал в «Виктории», и благодаря этому друзья Халика наслаждались жизнью в роскошных апартаментах, потягивая и в декабре 1981 г., когда в стране объявили военное положение, и в последующие месяцы самые лучшие марки спиртного со всего мира.

— Как получилось, что он стал репортером американского телевидения NBC?

— Прежде чем Халик попал в NBC, он работал для аргентинской кинохроники, которую все смотрели. Сотрудничество с этой структурой было для Тони большой честью, поскольку то, что кого-то приняли в этот коллектив, означало, что он хороший кинематографист. В этом деле ему немного помогла и польская фамилия, потому что руководил указанной кинохроникой Тадеуш Бортновский — выдающийся аргентинский кинодокументалист, осевший в этой стране после войны, на которого, по мнению Халика, наибольшее впечатление произвела его съемка встречающихся в предгорной пампе

кондоров. Халику пришло в голову, что самым простым будет такой прием — подсунуть им какую-либо пададь в качестве приманки. С этой целью он купил никудышную лошаденку, которую сразу прикончили и подбросили в расчете на кондоров. Птицы тут же слетелись на наживку и стали клевать мясо, а Халик благодаря этому снял необычный жутковатый фильм, а также сделал целую серию фотоснимков. Когда именно он реализовал свой первый материал для NBC, неизвестно. Не вызывает, однако, сомнений, что переломным моментом явилась его полугодовая экспедиция в бразильский штат Мату-Гросу, где Тони снимал на камеру и фотографировал индейцев. С того момента он начал печататься в журнале «Лайф» и делать разные материалы для NBC. Очередной переломный момент в его профессиональной карьере — это более чем четырехлетнее путешествие на джипе через обе Америки. Спустя год после возвращения с Аляски Тони вместе со своей женой-француженкой Пьереттой, которая все время сопровождала его в том путешествии, перебрался в Мексику, и с этого момента начал работать для NBC на полную катушку.

— *Как его оценивали в NBC?*

— Я разговаривал с его начальником в NBC и с сыном этого начальника. Они удивили и даже поразили меня, так как мне снова довелось услышать о Тони кое-что неожиданное. Скажем, я думал, что на канале NBC он был рядовым сотрудником, а тем временем в редакции Халик пользовался репутацией неустрашимого специалиста по особым заданиям. Разъезжал по всей Латинской Америке, снимая на камеру войны, конфликты или протесты. Мне рассказывали также, что своими посещениями нью-йоркской редакции он доставлял тем, кто там работал, большое удовольствие, так как всякий раз забрасывал коллег обоего пола леденящими кровь историями, а также привозил им множество подарков. Среди них могли быть индейские глиняные сосуды ручной работы, какие-то шляпы и сомбреро, а иной раз он шокировал коллег «продукцией» индейцев хиваро из Эквадора — препарированными головками врагов этого племени, высушенными и вследствие этого уменьшившимися где-то раза в четыре.

— *Во время этого длившегося больше четырех лет путешествия через обе Америки, которое в значительной степени как раз и открыло перед Халиком двери в NBC, у них с Пьереттой родился сын.*

— Пьеретта забеременела случайно, скорее всего, где-то в Колумбии, а в январе 1959 г. родился Осана. Он был их поздним

ребенком, Пьеретта считала себя бесплодной. Однако, невзирая на рождение сынишки, Тони и Пьеретта решили не прерывать путешествие, так что Осана впервые попал в родной дом, когда ему исполнилось два с половиной годика. До этого малыш рос и воспитывался в тропическом лесу, в палатке или джипе. Лазил по деревьям и объедался сырым мясом обезьян. Знакомые, которые впоследствии были свидетелями детских лет подрастающего Осаны, говорили мне, что мальчик запросто подходил к холодильнику с большим ножом, открывал себе изрядный кусок сырой говядины и сразу же съедал его.

— *Спрашивал ли ты у Осаны, каким отцом был Тони Халик?*

— Спрашивал. Тони был отцом, которого вечно не было дома, потому что он почти все время путешествовал. Приезжал редко и ненадолго, зато делал сыну подарки. Однажды полетел с ним, к примеру, в Соединенные Штаты — только ради того, чтобы купить подростку мотоцикл, приспособленный для езды по пересеченной местности, и затем вместе с сыном вернулся на нем в Мексику. А после таких эскапад Тони снова исчезал, поскольку выезжал готовить очередной материал.

— *Есть ли у Осаны обида на отца?*

— Он утверждает, что нет, но я ему не верю. С того момента, когда Осане исполнилось 22 года, Тони виделся с сыном четыре раза. Первый из них случился сразу же после женитьбы Осаны, который прилетел в Польшу проведать отца, последний — когда Халик умирал, и сын прибыл в Варшаву, чтобы попрощаться с ним, две остальные встречи состоялись «при случае», когда Халик по работе прилетал в Соединенные Штаты. Необходимо, однако, сказать, что в те моменты, когда Тони присутствовал в доме, он старался быть хорошим отцом. Забирал с собой Осану на совместные рыбалки, учил его фотографировать и снимать на камеру, а после того, как парню стукнуло шестнадцать, отец начал возить его с собой на реализацию материалов для NBC. Свои первые в жизни деньги Осана заработал на телевидении. В профессиональном отношении он обязан отцу довольно многим.

— *Была ли для Халика работа важнее, чем все остальное?*

— Это не так, своей репортерской карьере он не придавал особого значения. Просто Тони горел страстным желанием познавать окружающий мир и хотел увидеть как можно больше. Работа в NBC была для Халика всего лишь инструментом, позволяющим колесить по планете. Похоже, у него с самых юных лет сложился именно такой план. Его

товарищи по гимназии в Плоцке вспоминали, что на уроках вместо того, чтобы учиться, Тони мечтал о дальних странствиях и булавками обозначал на карте направления и маршруты будущих вояжей. А когда в руки ему попал карманный самоучитель португальского языка, мальчик начал его штудировать, так как уже тогда знал, что хочет сбежать на корабле в Бразилию и открывать там никому не известные индейские племена.

— Кем он был — гражданином мира или же в первую очередь поляком?

— Когда кто-то спрашивал его, кем он себя считает, Тони отвечал, что он — аргентинский гаучо, родившийся в Торуне, либо просто аргентинский поляк. Халик ощущал себя гражданином мира, но в то же время на каждом шагу подчеркивал свою польскость. В Мексике хлебал традиционный польский борщ, яростно спорил с окружающими, доказывая, что польская водка — самая лучшая, рассказывал людям о стране, откуда был родом, и, наконец, в 1970-х годах захотел вернуться в серую Варшаву. А ведь у него имелись на тот момент красивый дом в Мексике, работа для американского телевидения и аргентинское гражданство. Оно, впрочем, многое облегчало Халику в жизни, так как благодаря аргентинскому паспорту он, проживая в Польше, мог в то же время работать журналистом NBC и свободно путешествовать по миру. Вместе с тем такой паспорт обходился ему дорого, так как Тони Халик был вынужден отказаться от польского гражданства, — ведь если бы он возвратился в родную страну как поляк, то ему пришлось бы раз и навсегда забыть о работе для американцев.

— Халик вернулся в Польшу и сразу стал жить вместе с Эльжбетой Дзиковской.

— Они встретились благодаря Рышарду Бадовскому, создателю телевизионной передачи «Клуб шести континентов». Тот отправил Эльжбету Дзиковскую в Мексику, чтобы она провела интервью с Халиком. Последнему предстояло откликнуться на письма польских телезрителей и ответить на вопросы по поводу своей жены Пьеретты и сына Осаны. У Дзиковской не было особой заинтересованности в этой беседе. Когда-то она видела Халика по телевизору и слышала, как тот рассказывал о прыгунах из Акапулько, которые ныряли в море с высоких скал, и он произвел на нее не очень хорошее впечатление. Она даже выключила телевизор. Однако, невзирая на данный факт, Эльжбета все-таки встретила с ним в Мексике и записала интервью для телевидения, а магнитные ленты отослала

Бадовскому в Польшу. Когда тот включил звук, то его крайне удивило, что Халик, который всегда говорил о жене и семье, впервые в жизни не сказал о ней ни единого слова. А немного погодя Бадовский узнал, что Халик живет уже не в Мексике, а на Инфлянцкой улице в Варшаве — вместе с Дзиковской.

— Это была любовь с первого взгляда?

— Эльжбета Дзиковская утверждает, что да. И несмотря на то, что в свое время Тони с экрана черно-белого телевизора произвел на нее неприятное впечатление, когда в Мексике она увидела его вживую, этот мужчина сразу же покорила ее своим интеллектом и блестящим остроумием, хотя назвать его красавцем было сложно. Халику Эльжбета тоже наверняка очень понравилась. Когда она уезжала из Мексики, Тони провожал ее вплоть до самой Панамы с пересадкой в Гватемале. Там он помахал ей рукой и вроде бы окончательно попрощался, а Эльжбета поехала дальше, в Перу, где собиралась на неделю остановиться у своих знакомых. Но едва она добралась к ним, как в первую же ночь зазвонил телефон. Это был Халик, который объявил Эльжете, что летит к ней и появится уже завтра. По сей день она не знает, каким образом Тони раздобыл номер ее друзей и как он выяснил, что именно у них она планирует пожить. А вообще-то Эльжбета и Тони являли собой прекрасную пару, фантастически подходящую друг другу, и прежде всего их связывала большая любовь.

— А как Эльжбета Дзиковская переносила привычку Тони сильно приукрашивать свои истории?

— Думаю, каждый из них превосходно дополнял другого. Она всю жизнь твердо ступала по земле и придерживалась фактов, а в ходе телепрограмм тщательно следила за Тони Халиком и успевала поправлять его, когда тот излишне отдалялся от реальной действительности. Этим они как раз и славились. Полагаю, однако, что Дзиковской нравилось иметь рядом с собой человека со столь буйной фантазией. Благодаря этому ее жизнь становилась веселее, и бок о бок с Тони Халиком она никогда не скучала.

— Как вам кажется, Халик — это скорее тип шоумена или же он был отчасти склонен к нарциссизму?

— И то, и другое. Богдан Сенкевич рассказывал мне, что когда он плыл вместе с Халиком на борту «Дара молодежи», то воспринимал его как классного парня, с которым можно нормально поболтать. Но как только Тони видел нацеленный на себя фотоаппарат или кинокамеру, он сразу же начинал играть,

даже менял тон голоса. Попросту Халик был актером, воспитанным американским телевидением. Нарциссизм тоже был ему в какой-то степени присущ, поскольку все, включая Эльжбету Дзиковскую, повторяют, что он обожал позировать для фотографий и находиться в объективе камеры. Когда Тони заканчивал снимать какой-нибудь эпизод для своего фильма, он нередко передавал камеру чуть ли не первому попавшемуся и просил, чтобы теперь снимали его. Мне рассказывали, что у него имелось множество таких невероятных кадров, от которых буквально захватывало дух. Один из них был сделан на самом краю вулкана во время извержения. Лава текла, а Халик снимал. Он обожал, когда появлялась возможность щегольнуть чем-либо подобным. Люди рассказывали мне также, что на исходе жизни, когда Тони был уже очень болен, он всё равно, едва лишь на камере загоралась красная лампочка, сразу прибодрялся и потом уже ни на мгновение не терял ни живости, ни энергии. Но после того как освещение и телекамеры выключались, лицо Тони моментально серело, и силы покидали его. Настолько большим было для него такое усилие.

— *Как Тони Халик справлялся со старостью?*

— Со старостью он справился таким способом, что, пожалуй, ему удалось никогда не постареть. Дарек Косинский, племянник Халика, который младше него на сорок лет, рассказывал, что, когда начал путешествовать вместе с дядей, Тони было уже семьдесят, но он со всеми своими штативами и камерами взбегал по склону вулкана быстрее, нежели сам Дарек. Халик просто не желал состариться. Когда он был уже совсем больным, то вместе с Эльжбетой принял решение продать свою небольшую яхту «Халиковка». Однако он был не в состоянии вынести мысль, что уже никогда не выйдет в очередной рейс, и в результате, не говоря ни слова Дзиковской, арендовал лодку на Канарах. И таким вот образом в сопровождении врачей предпринял последнее в жизни плавание. За полгода до его кончины Эльжбета Дзиковская отправилась путешествовать по Перу. Халик чувствовал себя уже настолько плохо, что не мог ей сопутствовать. Проводил Эльжбету в аэропорт, пообещал, что будет послушно ждать ее дома, но не успел ее самолет взмыть в воздух, как он тут же стал хлопотать, быстро управился и... полетел с приятелем в Париж — съесть приготовленные по особому рецепту свиные ножки и сходить в «Мулен Руж». Не умел он усидеть на месте. Даже перед смертью хотел купить билеты в Индонезию, потому что мечтал умереть в пути. Эльжбете Дзиковской чудом удалось

отговорить его от этой идеи. В глубине души Тони Халик так и остался маленьким мальчиком, жаждущим приключений.

3 августа 2017 г.

-
1. Имеется в виду 303 Варшавский истребительный дивизион им. Тадеуша Костюшко — одно из 16 подразделений польских военно-воздушных сил в Великобритании. — Примеч. пер.

Сто лет, которые смутили мир

С Анной Гейфман и Шоном
МакМикиным беседовал Александр Гогун

Ч. 2

Профессор Анна Гейфман — поистине гражданка мира: родилась в Европе (в Ленинграде), образование и ученую степень получила в Америке, в Бостоне, живет и работает в Азии — в Бар-Иланском университете на Святой Земле. Свои изыскания она посвятила леворадикальному экстремизму. Ее монография «Революционный террор в России. 1894–1917» вышла как в США, так и в Москве, и за прошедшие два с лишним десятилетия успела стать классической. В своих книгах Анна Гейфман обращает внимание на психологию террористов, в том числе большевиков, и считает, что корни их одержимости следует искать в искажении и извращении традиционных религиозных идей и практик.

— Каково всемирно-историческое значение Великой октябрьской социалистической революции?

— Помимо страшных жертв, к которым привела революция в России, помимо общественно-экономического и политического слома, большевистский эксперимент ставил перед собой задачу перекроить сознание, создать новый человеческий тип. Впервые такая попытка была предпринята во время Французской революции, но она меркнет перед интенсивностью усилий коммунистов в этом направлении. До сих пор многие не поняли весь ужас того, что попытались сделать в России большевики: они хотели построить утопию, основанную на псевдорелигиозных стремлениях. Помимо политики и социально-экономических задач, была и более глубокая цель — переделать мир так, чтобы решить главную проблему человеческого существования — проблему его конечности, чтобы победить смерть. Конечно, об этом никто прямо не говорил, кроме может быть богостроителей,

Луначарского и ему подобных — но очень чувствуется, когда читаешь первоисточники, тексты большевиков, воспоминания о том, как люди воспринимали революцию — что для многих это была попытка переустройства мира на основании псевдодуховности. Логика была примерно такая: смерть существует до тех пор, пока существует человек, и до тех пор, пока он жив, он испытывает ужас перед неминуемым концом. Единственный способ убрать смерть — это уничтожить человека, ее носителя. Понятно, речь не шла о том, чтобы убить всех и каждого. Но задумано было переделать человека так, чтобы он стал частичкой коллектива, чтобы сам по себе, как личность, он ничего не значил, не являлся независимым, а был чем-то вроде клетки в организме. Ведь если клетка отмирает — ее заменяет новая, и организм продолжает жить.

В XX–XXI вв. было немало попыток уничтожить личность, но большевики были первыми.

— Иными словами, коммунисты хотели уничтожить человека как индивидуальность?

— Да. Если построить такое якобы идеальное общество, то человек будет функционировать лишь как часть коллектива. У него не будет своих целей, смыслов, задач, чувств — он станет неотъемлемой частью целого. Как «я» человек и при жизни ничего не значит, и смерть его не имеет большого смысла. Зато коллектив обретает бессмертие.

Влияние революции в России на Европу и другие страны — колоссальное. Помимо очевидного, есть еще косвенное влияние. Например, в 1932–1933 гг. на выборах в Рейхстаг нацисты не добились половины, а коммунисты были третьей по количеству голосов партией. История не знает сослагательного наклонения, но если бы немцы не знали, что такое большевизм с его ужасами, включая террор и искусственно созданный голод, возможно, что в Германии к власти пришли бы не нацисты, а ультралевые, и тогдашняя тяга немцев к экстремизму окрасилась бы в красный цвет.

— Если говорить о современных и ушедших угрозах — зелёной (исламскому фундаментализму) и коричневой (нацистской чуме) — к какой из них ближе советский опыт? В том числе по отношению к террору и терроризму?

— Думаю, что одинаково близок — всё это разные формы тоталитаризма. В одном случае, людей убивают из-за их этнического происхождения, в другом — из-за их вероисповедания, в третьем — из-за принадлежности к

«неправильной» социальной группе или классу. Если человек как личность нивелирован до нуля, и властям важно не то, что он думает и делает, не то, кем он является — а лишь принадлежит ли он к категории, определяемой как «враги» — где разница?

То, что делает сегодня ИГИЛ, очень похоже, на то, что устраивали большевики в 1918 г. и по сути, и даже по внешним проявлениям. И не только в отношении чинимых зверств — но и по тому, как они определяли свои задачи, по их отношению к человеку и человеческой жизни.

ИГИЛ — очередной тоталитарный культ. Везде, где тоталитаристы приходят к власти, они прилагают максимальные усилия, чтобы построить государство, похожее на большевистское или нацистское — как хорошо функционирующий организм. А если одна или несколько его клеток начинают вести себя неправильно, с точки зрения интересов коллектива, т.е. подрывают «здоровый организм» — они просто вырезаются.

Говорить: «Да, но зато как они преуспели: взяли отсталую страну и построили московское метро и Магнитогорск,» — значит подыгрывать культу смерти. Никакие достижения не оправдывают эксперименты над человеком, чья жизнь является непреложной ценностью и смыслом исторического процесса. Если это оставлять за скобками, то получается история не людей, а нелюдей.

— Какой период в истории коммунизма был наиболее опасен для человечества?

— Скорее всего, ранний большевизм, когда была еще эйфория, вера, что вот-вот наступит рай на земле. Очень показательное в этом смысле отношение интеллигенции, сочувствовавшей революции и коммунизму. В поэме Блока «12» матросы разгуливают по городу, убивают, запугивают, а в самом конце выясняется, что ведет их, оказывается, Иисус Христос. Для интеллигенции это был мессианский процесс, путь спасения человечества. Соблазн был силен не столько для уголовного сброда, сколько для многих людей, создающих культуру.

Поздний советский период — это застой и гниение, которые никого не впечатляли и не прельщали. При Сталине революция пожирала своих детей — к 1937 году в партии осталось незначительное меньшинство людей, которые вступили в ряды большевиков до 1917 г. Все остальные были в основном «примазавшиеся». Фактически, самоуничтожение «ленинской

гвардии» было predetermined. Когда говорят, что у нас незаменимых людей нет — то очень логично, что и те, кто так говорит, могут быть заменены.

Большевики не говорили, как нынешние исламисты — «мы любим смерть, больше, чем христиане и евреи любят жизнь», но и их политика разрушения и реальное саморазрушение — вариант политизированного язычества, выбор небытия, где божеству приносятся человеческие жертвы — сотнями тысяч, потом миллионами. Сначала на алтарь кладется буржуазия, аристократия, кулаки, крестьяне-украинцы, и потом вообще уже свои единомышленники.

К слову, и нацисты говорили о любви к смерти, а в СС наблюдался открытый ее культ — с очевидными элементами неоязычества. Нацисты тоже продолжали отправлять поезда с евреями на смерть — тогда, когда с точки зрения ведения войны это было просто нецелесообразно — но культ смерти требовал, т.е. обязывал приносить человеческие жертвы даже тогда, когда нацисты уже не имели простой возможности массово убивать. И тогда, в 1945 году, волна самоубийств захлестнула Германию. То, что Геббельс и его жена убили своих детей и покончили с собой, то, что Гитлер, перед тем, как покончить с собой, убил не только свою собаку, но и ее новорожденных щенков — это лишь самые известные примеры. А ведь масса нацистов более низкого уровня принесла себя в жертву тому же ненасытному идолу. Это было безумие, отчаянная и разнузданная самодеструкция.

— Когда на Западе наблюдался период наибольшей романтизации коммунизма интеллектуалами, восхищения этим явлением?

— С самого начала, с революции и до XX съезда. Но и потом не все перестали восхищаться, потому что для части западных интеллектуалов отказаться от этой мечты — построение секулярного рая — чрезвычайно трудно. Надо быть стойким и очень честным человеком, чтобы это сделать. Им не хватает веры, не хватает смыслов — и тут им подкинули движение, которое захватывает мир, это движение — новая религия. Сейчас некоторые поддерживают исламизм — ведь очень впечатляет, когда говорят, что есть все-таки смысл. На Западе эта идея годами разрушалась — еще до решительного удара постмодернизма: «Смысла нет, все ценности — это конструкции, созданные для того, чтобы правящие классы сохраняли власть». Десятилетиями разрушают саму идею смысла, и это страшно для самих разрушителей. Им очень несладко оттого, что они учинили. Когда Мишель Фуко совершает несколько попыток самоубийства, и в конце концов

умирает от СПИДа — это прямое указание на самодеструкцию. Когда Мишель Уэльбек в романах описывает ситуацию полной безнадежности — он переносит в книги свой внутренний мир.

Тоталитаристы же предлагают выход из этого тупика. Как их не поддержать? В 1960-х годах многие восхищались Мао; Сартр, например, был маоистом. Теперь СССР распался, китайский коммунизм обуржуазился, но зато появился исламизм. С другой стороны, марксистская идея о том, что бытие определяет сознание, въелась глубоко, и даже если ее адепты не провозглашают ее громогласно, действуют они исключительно в соответствии с этой незатейливой концепцией. Мысль о том, что нет ничего глубже того, что лежит на поверхности, что можно понюхать и потрогать, вполне жива. И идея о том, что «культурные конструкторы» созданы правящей элитой, чтобы удерживать власть — это тот же марксизм, только подретушированный.

— Насколько сейчас на Западе труды Маркса и Энгельса используются в качестве методологической базы для исследования и понимания истории и вообще человечества?

— Это сейчас не так, как тогда, когда я училась в университете, и нельзя было не знать Маркса, а студенты постоянно сталкивались с марксистскими профессорами, которые марксизм педалировали. Теперь неомарксисты говорят не «класс», а «социальная прослойка» или «социальная группа». Но до сих пор в гуманитарных науках как бы принято за данность, что люди действуют преимущественно в соответствии с материальными интересами.

— Есть ли разница в отношении интеллектуальных кругов к коммунизму на Западе и в Израиле?

— В Израиле трудно говорить об единой интеллектуальной прослойке — Израиль очень разнообразный. Если говорить о левой профессуре, журналистах, интеллектуалах — они такие же, как на Западе, но с той оговоркой, что здесь это еще более жалкое зрелище; будучи евреями, они всеми силами стремятся показать, что ничем от всех прочих не отличаются. Это духовный самоподрыв — человек отказывается от себя. Но есть люди и религиозные, традиционные, есть консервативные интеллектуалы. Им не просто, так как современная гуманитарная наука пришла из Европы, и приходится совмещать свое еврейство с тем, что на Западе принято и модно. Попробуй в социологии не играть по правилам Фуко! Не найдешь работу, не сможешь преподавать, печататься в котирующихся журналах. Но если человек решит, что эти

рамки не для него, безусловно, можно и не втискиваться в них как в прокрустово ложе.

— Из Израиля вернемся в Россию. Путина часто обвиняют в копировании практик имперской России. Но цари, насколько известно, не организовывали политических убийств за рубежом — в Западной Европе и США, да и в Азии этим не злоупотребляли. Можно ли сказать, что в отношении государственного терроризма нынешний хозяин Кремля взял пример с государственной практики большевиков, и это в какой-то степени чуждо русской истории?

— Я не уверена, что большевики «чужды» русской истории — они были очередным ее витком. И Путин не есть какая-то абберрация. Да, он из КГБ, использует чекистские методы, думает соответствующе... Но общая его политика и идея о том, что Россия великая — вполне вписывается в общеисторическую канву. Он нашел для русских идеологию, построенную просто на мысли о величии страны и на ее вселенской миссии. У самых уважаемых царей и российских правителей всегда была какая-то идеология. Русские очень падки на масштабные идеи. Вдруг налоги подняли — народ недоволен. А правительство отвечает: «Деньги нужны для того, чтобы воевать в Сирии — а это часть мессианского процесса». Можно еще намекнуть, что Сирия — это где-то недалеко от Иерусалима, и что Россия вообще «спасает мир». И народ примиряется с тем, что его грабят, если это, вроде бы, имеет смысл.

— Северную Корею США внесли в список стран, поддерживавших терроризм. Вместе с тем общеизвестен целый ряд политических покушений, организованных путинскими спецслужбами или приписываемых им. Дело Литвиненко, Яндарбиева, убийство ряда чеченцев в Турции — стране НАТО, смерть Березовского покрыта мраком, в Киеве зарезали свидетеля авиакатастрофы под Катынью — всё это произошло еще до 2014 года, до санкций. Почему Запад так по-разному относится к странам, которые поддерживают терроризм или ведут террористическую политику?

— Западные политики прекрасно понимают, с кем имеет дело. Они открыто не назовут Путина террористом, потому что он не ведет себя так нагло, как северокорейские лидеры, которые заявляют, что в случае чего сотрут всех и вся с лица земли. Путин вообще говорит: «Это не мы! Мы ничего не знаем, и никого не убивали!». Террористы ведь обычно берут на себя ответственность за свои подвиги. Да, свободный мир знает, что Путин — кагэбэшник, но Россия — ядерная держава. О том, что

в эпоху СССР КГБ и ГРУ поддерживали террористов повсеместно, на Западе прекрасно знали.

***

Профессор Бард-колледжа Шон МакМикин — один из ведущих американских экспертов по истории большевистского переворота. В 2017 году он опубликовал книгу «Русская революция. Новая история», в которой доказал, что Ленин и сотоварищи получали деньги на бунт не только от германского генерального штаба, но также из Швейцарии, Дании и Швеции через подставные фирмы и счета в российских банках. По его словам, без этих грантов на развитие экстремизма большевистская партия была бы пустышкой. Помимо этого, МакМикин удостоился четырех научных наград за монографии по истории международных отношений — «Русские корни Первой мировой войны», «Разграбление большевиками России», «Красный миллионер. Политическая биография Вилли Мюнценберга» и другие книги.

— *Каково всемирно-историческое значение Великой октябрьской социалистической революции?*

— Октябрьская революция оказала огромное влияние на весь мир, особенно на Россию. Нынешние российские власти двуличны в отношении этого события, значительных мероприятий в связи с юбилеем не проводилось. Одна часть прессы указывает на то, что революция стала шагом к насилию и войне, голоду и уничтожению частной сферы граждан. Другие видят в октябрьском перевороте своеобразное освобождение, позитивный порыв масс, направленный против империализма и капитализма, движение за общественное равноправие, пусть и не без пропаганды. Я полагаю, что главное ее значение в том, что многие в мире поверили в эту идею, в эту утопию — власть взял рабочий класс.

— *Каково наследие реального социализма?*

— В России была уничтожена частная собственность, создана плановая экономика, произошла массовая конфискация имущества и национализация. Это самое важное — уничтожение предпринимательства. С этим связан

экономический хаос и хозяйственный коллапс в России в годы военного коммунизма и сталинских «преобразований». ЦРУ в 1960–70-е годы также переоценивала экономическую продуктивность реального социализма, его рост. Сейчас, наверное, большинство людей согласится с тем, что коммунизм породил застойную, загнивающую экономику в каждой стране, где он господствовал, и если посмотреть сейчас на то, что социалисты делают в Венесуэле, то становится ясно, что он ведет к краху и гиперинфляции.

— Большевизм и нацизм — эти явления часто сравнивают. Приверженцы тоталитарной теории говорят, что различий вообще нет — это одно и то же явление. Другие подчеркивают близость коммунистов исламскому фундаментализму. К зеленой или коричневой чуме ближе советский опыт?

— Эти три явления различаются. Советский тоталитаризм — это своего рода ультимативная версия, и лидеры СССР пробовали, как минимум до смерти Сталина, действительно, продавить идеологическое приспособленчество всех думающих людей. Они по-настоящему жестоко душили каждое разногласие в системе. Так было (возможно, чуть иррационально) в годы Большого террора в 1930-е годы. Система пыталась контролировать не только то, что люди делали, но и в определенной степени их мысли и убеждения. В политике особое значение придавалось рассеиванию, атомизации общества. Элементы этого усиленного рассеивания наблюдались также у нацистов, вплоть до точки так называемой унификации, которую практиковали коричневые. Они хотели, чтобы люди присоединялись к организациям, но они также готовы были признать, что не все это сделают. Они допускали разногласия в определенной степени, настолько, насколько это касалось частной сферы, чтобы этот «плюрализм» не покидал кухонь и спален.

Нацисты обращали куда большее внимание на «расовый» элемент общества, евреев, славян на оккупированной территории, но не думаю, что они хотели менять универсальное мироустройство, стремились так глубоко контролировать сознание своего населения, как коммунисты. Исламизм — особенно его наиболее агрессивные проявления, вроде ваххабизма — ближе коммунизму. Советские власти хотели, чтобы советские люди думали одинаково, тотальная власть контролировала все стороны жизни, с указанием на то, что разрешено или запрещено. Исламское государство больше похоже на сборище большевиков, чем на скопище гитлеровцев.

— Не связано ли это с тем, что Советский Союз и исламский фундаментализм — более восточные явления, а нацизм — скорее западное?

— Пожалуй, в этом есть здоровое зерно. Немало нацистов верили в превосходство вообще западного мира, не только Германии, более широко трактовали высшую расу. Наверное, идея расы, расизм — это западное явление.

Но и коммунизм-то тоже зародился на Западе, сам Маркс — был немцем. Коммунизм в его ленинском варианте — марксизм-ленинизм — да, это что-то особенное, работа Ленина «Что делать?» содержит мысль не о массах, а о партии единомышленников, её исключительном значении для того, чтобы построить коммунизм даже в отсталой стране. Это была комбинация марксизма с русским популизмом — идеями народников, которые подчеркивали значение общины.

Исламизм — более восточный, и то, что его роднит с коммунизмом — уничтожение частной сферы личности и её растворение в коллективе, обществе. Но мы не должны забывать и точки соприкосновения нацизма и исламизма — в ходе Второй мировой войны гитлеровцы поддерживали фундаменталистский ислам, да и ярый антисемитизм их тоже объединяет. Но коммунизм, пожалуй, ближе все же исламизму, поскольку там и там присутствует идея «класса», который в исламизме подменяется исламским коллективом, группой истинно верующих, ведущих за собой другие слои общества.

— Какой период в истории коммунизма был наиболее опасен для человечества?

— Похоже, что период от последних лет жизни Сталина до Кубинского кризиса и начала 1960-х, когда «ядерное равновесие» было крайне шатким, и обмен атомными ударами являлся вполне реальной перспективой. Напряжённая ситуация наблюдалась в этом смысле в 1973 и в 1983 годах. Для жителей же Советского Союза наиболее жуткими были 1930-е годы: страшный голод в Украине, Казахстане, террор, эксплуатация, коллективизация, социальная инженерия, издевательство над обществом.

— Когда на Западе наблюдался период наибольшей романтизации коммунизма интеллектуалами, восхищения этим явлением?

— Парадоксально, но это не был ни период «раскручивания гаек» (НЭП, 1920-е годы), ни время «оттепели» после смерти Сталина, ни даже горбачёвская перестройка. Наоборот, это был

период «сталинской революции сверху», время индустриализации, которую многие на Западе восприняли как модернизацию страны, повышение грамотности, в том числе в Центральной Азии. Период массовых «попутчиков» на Западе — это все 1930-е годы, вплоть до Второй мировой войны. Многие известные журналисты, историки, публицисты посещали в этот период Советский Союз, ездили по «потёмкинским деревням» и писали восторженные книги и статьи о Сталине. Это были люди, вроде Сиднея или Беатрисы Вебб, ряд членов социалистического Фабианского общества в Англии. Еще один известный пример — писатель Бернард Шоу. Именно тогда Вальтер Дуранти писал для «Нью-Йорк Таймс» статьи в духе едва ли не культа Сталина. Джозеф Е. Дэвис — большой поклонник и апологет Джугашвили — был американским послом в России, личность деспота его просто очаровала.

Вторая волна этого явления наблюдалась в годы советско-германской войны. Даже шеф издательства «Саймон энд Шустер» написал Сталину с просьбой рассказать историю своей жизни — таким образом он собирался проверить удачный книжный гешефт, рассчитывая, что биография хорошо продается. Пожалуй, в первую очередь это происходило в США, но также в Британии и в других странах. Исключением было время, когда наступил шок от пакта Молотова-Риббентропа, но потом в ходе Второй мировой войны и сразу после нее многие воспринимали СССР как борца с нацизмом и его победителем.

— Что больше всего завораживало интеллектуалов в советской практике?

— Официальная политика равноправия, которая сопровождалась невиданным экспериментом — коллективная собственность, современность, модернизация, всеобщее образование, коллективный прогресс — так они видели СССР. Антиклерикалов и атеистов привлекала борьба с религией, секуляризация. Многие западные интеллектуалы были разочарованы Первой мировой войной, которая в их глазах дискредитировала западную цивилизацию с ее аристократией и христианством. Они видели в большевиках культуру коллективной современности, возможность модернизации общества, передовое движение вперед, пусть оно и осуществлялось с помощью насилия.

— Когда наступил период разочарования коммунизмом на Западе?

— В 1930-е годы не все «попутчики», вернувшиеся из путешествий по СССР, были в восторге от этой страны. Например, пропаганде не поддался Андре Жид. Однако на позицию большинства оказала влияние секретная речь Хрущёва на XX съезде в 1956 году. Но и до этого для многих американцев разочарованием стало агрессивное подчинение Сталиным Центральной и Восточной Европы в 1944–1953 гг.: Венгрии, Польши и так далее. Для европейских интеллектуалов, например, для Жан Поль Сартра и Симоны де Бовуар, решающим все же был XX съезд. Вместо низкопоклонства перед неудачной утопией, начал пробуждаться интерес к Третьему миру, который не должен пойти по пути капитализма.

— Насколько сейчас на Западе труды Маркса и Энгельса используются в качестве методологической базы для исследования и понимания истории и вообще человечества?

— Эти бородачи и их наследие не очень популярны в западных университетах, но их косвенное влияние весьма значительно. Есть то, что называется «культурный марксизм», немало людей обращается к философии Франкфуртской школы социологии и философии, включая Герберта Маркузе. Я не хотел бы постулировать прямую передачу эстафеты от Маркса к ряду нынешних мыслителей, но немало людей в нынешних университетах высказывают идеи, похожие на марксистскую уравниловку. Они больше не зацикливаются на теории классов, многие западные интеллектуалы переносят эти категории — «пролетарии», «владельцы капитала», «рабы капитала» — на такие группы как мужчины, женщины, расовые и сексуальные меньшинства. Теперь говорят, что господствующая группа — это здоровые белые мужчины гетеросексуалы, а группы-жертвы — это гомосексуалисты, женщины, трансгендеры, чернокожие, инвалиды и мигранты. Такой вот пролетариат современности.

Что касается левых социалистов и коммунистов, которые представлены в парламентах Европы, то мало кто из избирателей думает в марксистских категориях, когда голосует за них. Движущая энергия левых сейчас — это борьба за равноправие во всем его разнообразии.

— Ни одно государство, пережившее реальный социализм, за прошедшие почти три десятка лет после падения Берлинской стены не вошло в клуб богатых, индустриально развитых держав. Вместе с тем за этот же период по-настоящему высокоразвитыми стали такие страны, как Южная Корея и Тайвань. Есть ли исторические примеры, когда после такого же

или еще более разорительного режима правления страны по-настоящему возрождались и процветали?

— Это во-многом зависит от того, как долго та или иная страна жила без рыночной экономики и частной собственности. Россия и другие постсоветские страны, получившие большевистский режим в период с 1917 до 1920 года — рекордсмены, поэтому капитализм приживается там так долго. 74 года коммунизма — это целая человеческая жизнь без рынка, без предпринимательства! Пришлось учиться с нуля — ехать в западные университеты и переводить западные книги. В Польше, скажем, не был полностью, как в России, уничтожен рынок, он, например, сохранился в сельском хозяйстве, поэтому сейчас там все не так уж плохо. Если говорить об исключениях, то примером успешной постсоциалистической страны можно считать Эстонию.

В Китае или странах Центральной Европы капитализм был уничтожен на более короткий период, и мы видим, что они сразу начинают успешно развиваться, как только разрешается частное предпринимательство.

— Россия не полностью отреклась от коммунистической идеологии, и юридически является правопреемником не РСФСР, а СССР. В какой степени внешнюю и внутреннюю политику путинских властей можно сравнивать с советской практикой, а в какой — с имперской, со времен еще царской России?

— Сейчас идут большие споры, касающиеся того, кем Путин видит себя сам, как он смотрит на Россию и на коммунистическое наследие. Вряд ли он следует коммунистической идеологии — время от времени он высказывает ностальгию по советскому периоду, говорит, что развал СССР стал самой большой геополитической катастрофой XX века, вздыхает о международном престиже, но он довольно доброжелательно относится к свободному рынку с его благами. Наверное, он хочет, чтобы Украина или ее часть вернулись назад в СССР, но, с другой стороны, он видит границы возможностей России и не мечтает о мировой революции. Он — оппортунист.

К революции — как к любым изменениям — он относится сдержанно.

Выписки из культурной периодики

Политики и публицисты из круга правящей сейчас в Польше партии «Право и справедливость» повторяют как мантру, что беспомощная парламентская оппозиция не в состоянии противостоять господствующему большинству, поэтому прибегает к внепарламентским средствам, апеллируя в борьбе с властью к «улице и за границе». Этим же штампом воспользовался публицист еженедельника «В сети» (№ 50/2017) Станислав Янецкий в статье «Процесс против Польши»: «Если кто-то считал, что за граница (наряду с улицей) будет иметь все меньшее значение в войне с Польшей (предъявляемой как борьба с недемократическим правлением «Права и справедливости»), то ошибался. Именно за граница будет основным полем битвы, а ее инструменты явятся главным оружием. И все указывает, что эти инструменты будут применяться не точечно, как до сих пор, а как вид оружия массового поражения. Таков, как минимум, план, детально скоординированный оппозиций в Польше (главным образом, «Гражданской платформой»), Дональдом Туском как председателем Европейского совета, а также сторонниками преследования Польши в европейских институциях и в Суде Европейского союза в Люксембурге. Среди таких инструментов, прежде всего, — распоряжения, директивы, поручения и заключения Евросовета и Еврокомиссии (...). В ближайшие недели и месяцы главной ареной сражения должны стать вводимые ПИС изменения в избирательном законе. Именно потому, что вокруг «покушения» на столь фундаментальный институт демократии, как свободные выборы, легче всего организовать массированную травлю и поддерживать истерию, причем на международном уровне. И такой травли можно ожидать в ближайшие месяцы. В масштабах, которых до сих пор не видели». Далее в статье автор пробует начертать сценарий предстоящих событий, чтобы завершить ее апофеозом: «Обоснованием для таких действий будет демонстрация нашей страны как государства, где демократия и основные свободы «убиты». А для этого достаточно травли в масс-медиа, уличных демонстраций, очередных докладов Венецианской комиссии, отвечающей на призывы различных организаций, очередные предписания Еврокомиссии по вопросу законности и т.п. Все это следует рассматривать на фоне враждебных по отношению к польскому правительству

действий Дональда Туска и доносов оппозиции. Так что весной 2018 года мы можем стать свидетелями самой крупной из имевших уже место антипольской кампании, вдобавок оперирующей новыми инструментами „наказания и возмездия”».

Я должен признаться, что читаю подобные тексты с румянцем на щеках. Тем более что их авторы, обнаруживая угрозы для Польши со стороны Европейского союза (Польша как-никак в него входит), одновременно указывают на опасность, надвигающуюся с востока, из России. Им, как видно, очень трудно расстаться с исторически закрепившимся образом Польши, которой угрожают восток и запад, Польши — жертвы своего злополучного географического положения. В самом деле, в таких обстоятельствах трудно полагаться на себя, за что, кстати, ухватилась некая российская газета, где пропечатано, что Польша, по мере нарастания конфликта с Брюсселем, будет склонна повернуться в сторону Москвы. Я же, анализируя такого рода статьи, не могу не вынести впечатления, что их авторы по каким-то сложным для моего понимания причинам демонстрируют убежденность, что, по сути дела, мы ни с кем вступать в союзы и объединяться не должны и что мы сами — ну, может, под зонтом Соединенных Штатов — в состоянии обеспечить полный свой суверенитет.

Однако пока до осуществления этих мечтаний время не пришло, что склоняет власть искать каких-то в меру приемлемых отношений с Евросоюзом, чему должна помочь смена премьер-министра. Комментируя назначение Матеуша Моравецкого на должность премьера, Павел Лисицкий пишет на страницах «До жечи» (№ 5/2017) в статье с несколько двусмысленным заголовком «Случилось»: «Случилось. Матеуш Моравецкий сменил на посту премьера Беату Шидло. Одних это радует, других огорчает, но, пожалуй, больше всего тех, кто дезориентирован, кто задает вопрос о мотивах этого решения. (...) Из разных высказываний можно заключить, что главный мотив смены на посту премьера — это укрепление позиций Польши в отношениях с государствами Евросоюза. Матеуш Моравецкий должен более эффективно защищать «перемены к лучшему» [«перемены к лучшему» — это девиз, которым после победы на выборах пользуется нынешняя власть. — Л.Ш.], растолковать суть этих перемен и таким образом способствовать ослаблению все более мощного европейского давления на Польшу. Возможно, мотив именно такой, однако до сих пор никто в ПИС не позаботился объяснить избирателям смену премьера. (...) Не случайно, что сразу же после назначения в западных СМИ стали сравнивать Моравецкого с

президентом Франции Эммануэлем Макроном. Послание, связанное с его назначением, понятно: Польша развивается и богатеет, модернизируется и меняется, ставит на инновации и будущее. Управляют страной технократы и специалисты, финансисты и менеджеры, поэтому упреки западных политиков, которых натравливает на правительство часть польской оппозиции, в попрании законности, нарушениях демократии и повороте страны в прошлое не имеют оснований. Образ успешного финансиста и достижения на посту шефа одного из крупнейших частных банков — вот главный козырь нового премьера. (...) Достаточно ли будет смены главы кабинета, чтобы утихомирить западных критиков? Улучшат ли образ Польши технократический язык и стиль, соответствующий мировым стандартам? Наверное, Моравецкий переубедит тех, кто критикует Польшу от невежества; трудно, однако, поверить, что он справится с наиболее одержимыми, идеологическими врагами. Сколько там одних, сколько других — сразу станет ясно». И выводы: «Матеуш Моравецкий сначала сумел показать, что он хороший президент банка, потом оказался успешным вице-премьером, отвечающим за экономику. Теперь перед ним самое трудное испытание: он должен оказаться эффективным политиком».

В обеих цитируемых статьях — однако не только в них, но во многих других высказываниях политиков, называемых «правыми», — повторяется упрек в том, что политики нынешней оппозиции строчат на запад «доносы» на Польшу, а это по умолчанию предполагает, что без таких «доносов» нас бы оставили в покое и никто бы не сумел рассмотреть, какие изменения происходят в общественно-политической жизни. А если отнестись к этому серьезно, то тогда таким же «доносом» следовало бы считать не только выступления оппозиционных депутатов в Европарламенте (и кстати, также в польском, раз Польша — часть Евросоюза), но и любое высказывание, критикующее начинания польских властей в отечественной прессе или на телевидении: ведь это может прочесть какой-то недоброжелатель Польши. И наконец, независимо от того, что говорят представители польской оппозиции в Брюсселе, союзные государства имеют в Польше свои посольства и консульства, одна из главных задач которых — докладывать в свои столицы о том, что происходит в Польше. Лисицкий, который пишет о «европейском давлении на Польшу», осуществляет своего рода лингвистическое исключение Польши из Европы, — то, что сам он этого не осознает, сути дела не меняет.

А что тогда делать художнику, поэту с этими требующими неотложного решения вопросами? На это пробует ответить в обширном, многосюжетном интервью Адам Загаевский на страницах «Газеты выборчей» (№ 286/2017): «Поэт — возможно, не только поэт — имеет две взаимопротиворечащие обязанности. С одной стороны, он должен, по моему мнению, обозначить свою политическую позицию. Когда происходит что-то плохое, надо говорить. С другой стороны, он должен любой ценой защитить свой внутренний мир, дать понять людям: политика — это не всё, не сводите свою жизнь к ответам на то, что делает определенная несимпатичная политическая партия. Есть еще весь богатый мир искусства — унаследованного и создающегося сейчас. Мир искусства, литературы, мысли, для многих еще и религии. (...) Мне лично не хочется заниматься политической публицистикой, это не моя область, однако я решил, что должен выразительно показать мое неприятие того, что происходит. Сейчас вышел сборник моих очерков «Поэзия для начинающих», в котором только один текст касается политики, а остальные — совсем о другом. Я верю в спокойный разговор, мне близка традиция гуманизма. Верю в литературу. (...) Литература — это ведущийся много веков разговор между людьми. Следует поддержать эту беседу, которая идет в романах, стихах, эссе. Но у меня нет иллюзий — литература, конечно, не спасет демократию. (...) Меня огорчает уничтожение хороших обычаев, утрата уважения к правде, приличиям, основам настоящей общественной жизни, которой у нас не было в течение 120 лет разделов и затем в период оккупации, да и в межвоенные годы тоже не все было идеально. К этому добавляется чувство бессилия, потому что все же миллионы людей проголосовали так, а не иначе (...). Нет институтов, авторитетов, нет никого, кто мог бы это остановить. Нет уважения ни к кому во всем космосе. (...) Я не могу понять, как горстка людей заразила всю партию бешенством, почему все идет к гибели, а мы ничего не можем сделать. Есть люди, которые лгут. Говорят о правде — и лгут. Принадлежат к другой языковой общности. (...) Роберт Музиль написал когда-то, что человек — это «liquide Masse», или, в вольном переводе, желе. Я восставал против этого определения, но вижу, что был неправ. Желе хотело бы сохраниться, стабилизироваться. Желе любит вождя, обзор событий дня, ненавидит меньшинства, жаждет гибели декадентской Европы. Кстати, гибель декадентской Европы — это ожидание, свойственное также русским славянофилам (среди них Достоевский, Путин, и даже Александр Блок), и некоторыми фашиствующими движениями, — очень давняя идея. (...) Ницше называл это «вечным возвращением». Не будет конца света. Во всяком

случае, не здесь он начнется. Мы провинциальная страна. Это будет наш конец — не всего мира. Конец света может быть в Северной Корее, которая приобрела мировое значение благодаря атомному оружию».

Как видно, найти себя для поэта в сиюминутном шуме мимолетных событий — дело довольно важное. Ведь все же внешнее и политическое не должно доминировать над внутренним и от политики свободным. Впрочем, вопрос реакции — это также вопрос темперамента. Загаевский говорит: «Пока есть пространство, которое еще не замкнулось, надо выходить на улицу, протестовать. Хотя это и не моя стихия, я отчасти аутист. Предпочитаю сидеть дома». Но остаться дома — все же не значит отказаться от иного, чем уличные манифестации, способа участия: познания окружающей действительности и попыток дать свидетельство. Ведь человек искусства не обязательно должен отрывать от реалий жизни, подтверждением чему была линия поведения выдающегося театрального режиссера Ежи Гротовского, который вечером и ночью погружался в сочинения мистиков, а утром просматривал газеты.

Россия Болеслава Пруса

Я занимаюсь не политикой, а текущими вопросами общественной жизни.

Б. Прус «Недельная хроника» («Тыгодник иллюстрованы»
26.05.1906)

Среди «текущих вопросов общественной жизни» «русский вопрос» был одним из многих этнических вопросов, которыми в разной степени и с разной интенсивностью занимался Болеслав Прус. Каждый из них, в зависимости от многих факторов, привлекал его внимание и занимал определенное место в творчестве писателя. Наряду с еврейским^[1] и немецким^[2] вопросами были также русинский, литвинский, чешский^[3] и, наконец, русский вопрос — самый, наверное, сложный для анализа. Как и остальные, он был актуален, но, в отличие от них, сильно ограничен дискурсивно по причине сложностей синхронического и диахронического характера.

Болеслав Прус описывал самого себя в «Хрониках» как «беспристрастного историка современности»^[4]. Таким образом, он представлял себя сторонником реальной политики, согласия и толерантности. Но всегда ли ему удавалось оставаться беспристрастным? Всегда ли он умел сохранять объективность и ограничиваться фиксацией событий?

Объединяющим элементом подхода Пруса к национальным проблемам был отказ от политической интерпретации в пользу «гуманистской трактовки». Писатель многократно подчеркивал, что роль политики важна, но развитие и процветание народов не обусловлены ею, во всяком случае, не ею одной. Закону «борьбы за существование» он противопоставлял закон «взаимной поддержки и обмена услугами». Свою позицию он описал в «Наброске программы в условиях настоящего развития общества» («Новины», 1883): «Существует модная сегодня теория “борьбы за существование”, по которой все должны друг с другом драться. Тем временем, если в природе борьба за существование является фактом очень распространенным и необходимым, то возводить его в ранг единственного принципа попросту глупо.

Ибо правда, что насекомое вредит растению, дятел убивает насекомое, а дятла — ястреб, правда, что вол ест траву, а человек — вола. Но дерево, насекомое и дятел, трава и вол, прежде, чем быть съеденными, — жили и развивались. Закон борьбы за существование прервал их жизнь, но какой закон дал и поддерживал эту жизнь?... Закон «взаимной поддержки и обмена услугами»».

Этот закон он предлагал в качестве средства против «тяжелого нервного заболевания, которое затмевает наши мысли, отравляет чувство, сокрушает и ослабляет волю» («Самые общие жизненные идеалы»), то есть — против ненависти между народами. В отношении положения отечества он полагал, что войны, восстания, раздоры, основанные на ненависти, ведут к торможению закона развития, который был интеллектуальным фетишем людей того времени. Ценность людей и народов для Пруса всегда связана с их полезностью и совершенством, а не этнической или религиозной принадлежностью.

Отношение Пруса к России и русским можно описать как неоднозначное. Порой он бывал близок к радикальным суждениям, чаще же его взгляды оставались в широком поле между русофобией и русофилией. Даже в биографии писателя есть несколько моментов, которые можно счесть своего рода показательными в смысле наличия и, прежде всего, направления «русского фактора».

Например, так происходит в начале образования Александра Гловацкого, которое не предвещает будущих фобий по отношению к русскому языку. Похвальная грамота по окончании второго класса уездной школы в Люблине свидетельствует об успехах в его изучении. Уроки, которые вел поляк Томах Мендркевич, являют собой короткий этап, когда к языку Пушкина будущий писатель еще относился нейтрально. Аттестат зрелости демонстрирует уже гораздо меньшее прилежание — русский язык сдан на отметку «удовлетворительно». Практические соображения и жизненные реалии Царства Польского заставляют продолжать изучение языка, о чем свидетельствует тетрадь для заметок (с. 93), в которой, наряду с желанием совершенствоваться в немецком и французском, появляется также и русский.

Несмотря на стремление к самообразованию и желание, Гловацкий не смог добиться свободного владения русским, видимо, не только по причине врожденных лингвистических ограничений (немецкий он тоже не довел до совершенства), но также из-за сопротивления по отношению к самому языку и

его повсеместному присутствию. Это доказывает история 1870 года, когда Гловацкий, студент Лесного института в Пулавах, во время полемики с учителем русского, Павлом Омеляненько, оказывается не в состоянии вести разговор по-русски и обращается за помощью к однокурснику, литовцу Гейштору, в результате чего обоим приходится покинуть это учебное заведение. В эпоху доминирования русского языка в образовательных, административных и культурных учреждениях — довольно неожиданная ситуация. Иногда кажется, что будущий писатель симулирует лингвистическую беспомощность, потому что на чтение научных публикаций по-русски его способностей вполне хватает: в статье «Просвещение и этика» («Новины», 1882, № 315–317) он ссылается на статистические работы не известных широко исследователей Юханцова и Рыкова, а «Логику» Джона Стюарта Милля переводит на польский с русского перевода Ф. Резенера (Санкт-Петербург, 1865). Можно предположить, что к переводам-посредникам он обращается в ситуациях для себя неловких, некомфортных — как, например, в случае с сохранившимся в рукописи письмом к генералу Андрею Боголюбову от 1899 года по делу культурно-образовательной организации «Мачеж школьна». Упомянутая корреспонденция содержит довольно смелые тезисы, например: «Польский народ, лежащий на границе двух государств, с плотностью населения 78–88 человек на квадратный километр, словно предназначен для того, чтобы, пока Россия не будет должным образом населена, давать отпор направленному на восток германизму. К несчастью, никто нас не только не подготовит к этой роли, но еще и, я бы сказал, все делается для того, чтобы нашу национальность ослабить»^[5].

Интересно, что сам Прус задумывается над проблемой отторжения по отношению к русскому языку у соотечественников — в открытом письме к редактору «Варшавского дневника» («Голос», 24.06.1881, Санкт-Петербург). Причину он видит в оборонительной позиции поляков перед литературой и культурой захватчиков, наконец, перед их языком, который воспринимается как орудие подавления. Путь к польско-русскому согласию может пролегать через экономические связи, через совместное противодействие германизации.

Неприятие языка не выливается в неприятие самого государства. Об этом свидетельствуют планы учебы в Петербурге (1865, 1870 годы), работы в качестве петербургского корреспондента, получения места

рисовальщика в Киеве или какой-то не вполне определенной должности на российской железной дороге.

Оценку отношения Пруса к русским усложняет тот факт, что, несмотря на борьбу против них в январском восстании, раненого в битве под Бялкой (1 сентября 1863 г.) Пруса с поля боя вынесли именно враги, которым он, быть может, был обязан жизнью^[6]. Возможно, это событие повлияло на неоднозначность его мнения об этой нации и стало источником портрета «друга-русского» Сузина в «Кукле», а также подталкивало будущего писателя к неустанным призывам к толерантности и высказываниям против любой ненависти.

Эта амбивалентность характерна для взглядов Пруса на славянофильство. Впрочем, нужно заметить, что в текстах автора «Самых общих жизненных идеалов» есть несколько вариантов концепции славянства как общности, а именно: славянофильство (понимаемое как убежденность в особой миссии славян по отношению к другим европейским народам), панславизм (концепция о ведущей роли России в федерации всех славянских народов), неославизм (критически относящийся к панславизму, исходящий из принципа равноправия внутри славянского сообщества).

С одной стороны, у Пруса были конъюнктурные соображения, поскольку он стремился достичь союза с русскими во избежание угрозы немецкого «Drang nach Osten». В этом вопросе у него было несколько союзников, в том числе Эразм Пильц, редактор петербургского «Края», и Александр Свентоховский, редактор «Правды». Оба предоставляли ему возможность высказываться на эту тему на страницах своих изданий. В 80-х годах Прус был приверженцем этой идеи, по сути, она функционирует у него как славянофильско-панславистская модель. Так, в «Недельной хронике» от 1887 г. («Курьер цодзенны», № 300, 30.10.1887) читаем: «Симпатизировать можно немцам как личностям, их науке, искусству, их труду, их общественным и экономическим достоинствам. Но государству?... [...] Такое создание нельзя не только любить, нельзя даже поверить в его долговечность... [...] А вдруг [...] война создаст благоприятные условия для славянского вопроса, которого сегодня — всерьез — не существует. Вдруг дело повернется так, что все славяне предпочтут быть свободными, каждый на своем захудалом дворе, лишь бы по мере сил трудиться на благо какой-то новой цивилизации, а не все питаться ее романо-германскими объедками».

Отголоски подобных суждений можно найти в упомянутом письме генералу Боголюбову от 1899 года. В 1905 г. Прус по-прежнему верил, что Россия может стать «щитом» против Германии. К этому времени относится интервью, которое он дал Витольду-Константину Розенблюму (псевдоним — Льдов). Беседа была опубликована в петербургских «Биржевых ведомостях» 29 апреля и перепечатана в польском переводе в газете «Гонец вечорны» (№ 188, 29.04.1905). В нем писатель открыто объяснял, что сближение Польши и России обезопасит Царство Польское от поглощения Пруссией, на что поляки ответят русским благодарностью. Однако такое сближение потребует введения и соблюдения идентичных реформ как в Польше, так и в России^[7]. В «Кукле» он обозначил, что начало сближению положит торговое сотрудничество. Его пример — союз Сузина и Вокульского.

С другой стороны, Прус сомневался в славянофильской программе. Ее колониальный подтекст в ситуации разборов дисквалифицировал концепцию объединения всех славян, навлекая на славянофилов обвинение в национальном предательстве. Сомнения в идеологических принципах этой позиции писатель высказывал в дискуссиях в прессе, реже — в непосредственных заявлениях. Пример тому — фельетон, посвященный славянской бане, которую бойкотировали варшавяне («Курьер варшавский», № 25, 1 февраля 1879 г.): «В то время, когда из «космополитских ванн» гостей приходится чуть ли не за воротники вытаскивать, когда римская баня кишит клерикальными стихиями, наша славянская паровая баня — пустует! Факт сей и в любом другом случае достоин возмущения, а в эпоху пробуждения сознательного славянского духа и вовсе равен бегству с поля брани. Можно ли мечтать о том, чтобы обновить гнилой Запад, если мы добровольно отказываемся от собственных дражайших традиций?... [...] Где славяне?... Дайте нам славян!... [...] В такой бедственной ситуации ради всеобщего блага и поддержания направления рушащихся идей наших предлагаю объявить награду за предъявление каждого неповрежденного экземпляра славянина, а если и это не поможет — создать предприятие по оптовой и частичной проверке неподдельных славян».

Иногда рассуждения о роли славян в истории цивилизации приводили Пруса к утопическим выводам. Противореча дарвинизму, используя геополитический и историософский контекст, он предлагал концепцию сотрудничества и даже этнического смешения. Пример находим хотя бы в «Кукле», где поляк (Вокульский) благодаря дружбе с русским (Сузин) знакомится с немцем (Гейст), а происходит все это в Париже.

Панславизм Болеслава Пруса, как мы уже заметили, носил скорее конъюнктурный, нежели идеологический характер: нет достаточных предпосылок для того, чтобы без тени сомнения утверждать, что он был склонен признать первенство русских во всех сферах, а тем более, что он рассматривал возможность отказа от своей идентичности во имя присоединения к великой славянской общности. Есть высказывания, в которых он напрямую призывал вербализировать потребность в независимости, убеждать русских, что Царство Польское — «действительно — важнейший оборонительный вал российского государства» («Недельная хроника», «Курьер цодзенны», 21.03.1897).

Несмотря на симптомы необоснованной эйфории, которой он поддался в 1905–1906 годах, веря, что его современники — свидетели неизбежной революции, которая принесет только полезные плоды, Россию Прус готов был признать разве что государством-председателем союза, создаваемого по модели федерации, объединяющей разные народы и государства, функционирующие на правах солидарности, а не антагонизма. Так он писал об этом в 1905 г.:

«Цивилизованное человечество, насколько сегодня можно понять его развитие, вовсе не движется в направлении создания какой-то единой нации. Оно, скорее, стремится к созданию еще большего количества видов наций, а вместе с тем — к сильнейшей солидаризации их между собой. Потому и в российском государстве существующие народности не только не захотят пойти на самоубийство ради главенствующей, но, скорее, умножатся, а мудрость власти работать должна в том направлении, чтобы между различными элементами создать как можно более сильную, причем не механическую, а живую духовную солидарность

Строго говоря, Россия — это не государство, а скорее, сверхгосударство, царство царств, часть света. Потому ее предназначение — высшее, а тем временем некоторые сыны ее насильно хотят удержать ее на ступени низшей». («О России и о нас», «Тыгодник иллюстрированы», № 16, 22.04.1905).

В том же году он выступал за признание автономии Царства, отмечая, что польско-российские отношения носят характер обратной связи: «Автономия для Царства настолько же необходима, как и конституция для империи в целом, и она создаст те же преимущества: увеличит физическую и духовную производительность, позволит полякам в должной мере содействовать извлечению Государства Российского из пропасти, в которую увлекла ее бюрократическая экономика»

(«Мирные слухи и их возможные последствия», «Тыгодник иллюстрированы», № 24, 17.06.1905).

Публицистика Пруса периода 1904–1906 гг. отчетливо выражает его нерешительность. С одной стороны, писатель чувствует себя обязанным мобилизовать соотечественников против оккупанта, который для многих поляков из агрессора превратился со временем в приемлемого соседа и даже сожителя. С другой стороны, Прус знает, что обобщение несправедливо по отношению к русским, поэтому призывает к толерантности и гуманизму. Эту идеологическую шизофрению, характерную не только для Пруса, но и для публицистики того времени в целом, точно описал Эдвард Абрамовский: «Мы говорим о варварстве российского государства, о зле, которое причиняет людям неволя, а в то же время ведем себя так, словно эта неволя и российское государство нами уважаемы и нам необходимы. Мы не наносим ему никакого урона, учимся в его школах, ходим в его суды, помогаем его полиции, платим столько, сколько от нас требуют, идем в армию и проливаем за него кровь свою. Между нашими убеждениями и нашей жизнью нет согласия. Мы ненавидим московский гнет, но добровольно живем, как рабы»^[8].

Еще в 1906 году Прус верил в добрую волю русских, когда писал: «Сыны освобождающейся России поняли, что свободная Россия не может существовать рядом с несвободной Польшей, и постановили в собирающемся Сейме выделить для Царства Польского обширное национальное самоуправление в границах государственной целостности» («Открытое письмо к избирателям»).

Пребывая в непонятной наивности, несмотря на развитие событий, показывавших, что антипольские настроения в России усиливаются, а царизм рассматривает исключительно вариант безусловного поглощения польской стихии, Прус симпатизировал объединительным тенденциям, которые в начале XX века приняли форму неославизма. В его понимании «Это программа, по которой каждый славянский народ должен иметь право развиваться во всех отношениях [...]». Для этого необходимо было достичь взаимопонимания всех славян. Польским последователям неославизма он советовал: «даже если они полностью проиграют России, что более чем вероятно, останутся еще два огромных славянских дела: 1. Завязать с чехами более близкие и прочные культурные отношения, 2. Стремиться к «союзу» поляков с русинами в Галиции. Если эти два дела им удадутся, даже только одно — уже народу

нашему будут какие-то преимущества, а им, сегодняшним апостолам, в которых бросают камни — честь и хвала» (Неославизм, «Тыгодник иллюстрованы», № 10; 5.03.1910).

Наивность, легковёрность — вообще постоянные черты, характерные для отношения Пруса к «русской проблеме». Судьба наградила писателя неоднозначным даром воплощения пословицы «благими намерениями вымощена дорога в ад». Так произошло, когда он вошел в состав делегации к царю. Из благородной идеи «комитета по подписке на создание общественно полезной институции в честь визита Их Величества в Варшаве», которой покровительствовал маркграф Зигмунт Велопольский, естественным образом вытекали последующие события, а именно аудиенция у царя Николая II в Лазенках 1 сентября 1897 года, а затем присутствие на банкете для российских журналистов 3 сентября. Современники не простили этого Прусу. Польская пресса молчала из-за цензуры, но свои сожаления высказали галицийские журналисты, обвиняя его в политической наивности; Курьер Львовский писал даже о «болезненной ошибке»^[9]. Варшавская молодежь дала почувствовать свое неодобрение, отказавшись от участия в сборе средств в пользу юбилейного фонда его имени. Ярлык примиренца, без нужды вмешавшегося в политику, останется на нем на годы.

Осторожность, которой научило Пруса участие в торжественной встрече царя, и болезненная память о нелестных откликах заставили писателя с этого момента занять умеренную позицию в рассуждениях о «русском вопросе». Поэтому первоначальная идея почтить Пушкинские торжества в Петербурге письмом «о необходимости, важности, способах и т.д. польско-русского сближения под знаком «за наше и ваше процветание» вылилась в лаконичную телеграмму: «Вечная память Пушкину, который вдохновенными песнями послужил развитию и славе своего родного языка»^[10].

Но не каждый аспект «русского вопроса» выглядит амбивалентно в наследии Пруса. Его взгляды на некоторые темы оставались последовательными. Например, замечания о русском искусстве, которые он формулировал по случаю посещения выставок в качестве хроникера.

В 1884 Прус написал рецензию на открывшуюся в Варшаве выставку передвижников. В этой статье он мимоходом признается в том, что ему хорошо знакомы русская литература и пресса. Но, прежде всего, он полагал, что искусство дает

«возможность хотя бы сквозь замочную скважину посмотреть на общество, которое ее [польскую публику, — С.К.-С.] очень интересует» («Корреспонденция из Варшавы», «Край», №5, 10.02.1884). Говоря о типично русских чертах Верещагина, он подчеркивает его «жесткий русский реализм... и недовольство землей и условиями ее существования», а значит, пользуясь эзоповым языком — ценности, близкие самому Прусу. О других художниках — Мясоедове, Шишкине, Крамском, Маковском, Невреве, Репине, Ярошенко, Савицком, Сурикове он пишет, что это законченные художники, глубоко чувствующие то, что их окружает, а их картины — «произведения душ самостоятельных, которые не только замечают факты, но и проливают на них свет какой-то оригинальной философии». Таким образом, выставка становится поводом для размышлений над социальными проблемами, например, на тему крестьянского сословия. Русские мужики, по мнению Пруса, демонстрируют такие черты, как сила, смекалка и хитрость, а иногда — добродушие. Польского же крестьянина характеризуют рассудок, мягкость, иногда — меланхолия. Улавливая сходство между искусством и жизнью, писатель проводит далеко идущие параллели и даже составляет мнение о природе русского народа: «Русские представляют те самые средние ценности течения жизни, прекрасно определяют жизнь и воздействуют на органы восприятия зрителя, а поляки ищут «максимумов», показывают предельно усложненное и воздействуют на чувства. Повседневность и исключительность, рассудок и чувства, определенность и трогательность — таковы противоположные полюса, на которых сосредоточены творчество российское и польское». Несмотря на симпатию к русской культуре, о которой свидетельствуют эти строки, в последующие годы Прус не возвращался к этой теме.

Несколько коротких замечаний писатель посвятил творчеству Льва Толстого, стараясь рассматривать его исключительно в эстетическом, а не этическом контексте. Он писал даже («Недельная хроника», «Курьер цодзенны», № 79, 20.03.1901): «Я не знаю, каковы «доктрины» Толстого, в чем состоят его «фанатизм» и «мистицизм»; касаться этих сторон его деятельности я не имею ни права, ни желания. Но кое-что знаю: какой Толстой романист и как он смотрит на эту свою специальность».

С этой позиции он вступил в полемику о «Воскресении» Толстого. Новый роман был заявлен задолго до публикации. Его ждали с большим интересом после многолетнего молчания писателя, который в этот период посвятил себя

распространению этических идей. Всемирная слава, совокупность заслуг — все это возбуждало аппетит читателей и критиков. Они делились на противоборствующие лагеря противников и сторонников творчества писателя, и, прежде всего, его моральных доктрин. С момента публикации романа русская пресса сменила тон. «Воскресение» оказалось лучшим произведением автора. Рецензенты, в основном, коснулись этических вопросов. Прус же своей статьей решил бороться за эстетический аспект романа. Он писал: «Порой мне кажется, что этот роман принадлежит к самым возвышенным произведениям человеческого духа, несмотря на то, что он словно написан наперекор излюбленным эстетическим теориям» («Недельная хроника», «Курьер цодзенны», № 158, 10.06.1900). Роман стоит «на границе, за которой заканчивается литература и начинаются поступки огромного значения». Язык романа ясен, точен, меток, образность несравненна, герои обрисованы верно и психологически мотивированны. Для Пруса «Воскресение» — это книга о русском народе, который отличают склонность к раскаянию, жалость, непротивление злу. Роман, который призван вызвать бурю в российском обществе, «возвысить души и смягчить нравы». Потому что Прус верит, что русский народ чувствителен к искусству, а особенно к его воздействию на разум, а не на чувства (в чем, в свою очередь, сильны поляки).

Гораздо менее сердечен бывает Прус, когда комментирует антипольские нападки российской прессы. Например, в полемике с выводами автора исторической статьи, опубликованной в «Вестнике Европы», который приписывает полякам следующие, как он выражается, «шляхетские добродетели»: невежество, обскурантизм, физическую и моральную лень, духовную ничтожность, неспособность трезво мыслить и самые низменные инстинкты. Прус оценивает эти взгляды как незрелые, ложные, чему приводит множество аргументов («Текущие дела», «Нива», т. VI, № 5, 1.09.1874).

С петербургским ежедневником «Новое время» он также спорил, особенно, когда тот распространял «мечту» о русских колонистах в Царстве. Он противопоставлял им силу колонистов немецких («Недельная хроника», «Курьер цодзенны», № 294, 24.10.1887). В другом случае смеялся над чрезмерной чувствительностью этого журнала, увидевшего в «Географическом словаре Царства Польского» фанатичный патриотизм и осуждающего издателей за «заключение тройного союза против целостности царско-немецких территорий» («Недельная хроника», «Курьер варшавский», № 41, 21.02.1880).

Хроникер особенно чуток к попыткам приписать полякам нелояльные политические стремления. Например, когда «Голос» упрекает их за радость по поводу поражений сербской армии, сражающейся на Балканах, в которой воюют и российские добровольцы, а также приписывает умысел создания обществ, манипуляцию общественным мнением или действия экономического характера, якобы являющиеся своего рода антирусским саботажем. Все это Прус назовет клеветой и развертыванием тезиса о конспираторской природе поляков («Месячная хроника» театра «Атенеум», т. IV, № 11 — ноябрь).

Воплощением поляконенавистничества в «Хрониках» Пруса становится редактор «Московских ведомостей» Михаил Катков, которого публицист называет «термометром ненависти», замечая попутно, что в своих чувствах он одинок среди других представителей российской прессы («Недельная хроника», «Курьер варшавский», № 25, 1.02.1879): «Больше десяти лет назад проклетия г. Каткова, низвергаемые на нас, звучали трубой с горы Синай, которой отвечало тысячное эхо. Затем бас г. Каткова превратился в баритон, потом — в тенор, а сегодня г. Катков поет свою любимую арию тоненьким сопрано».

Иногда Прус позволял себе более отважные выпады, особенно когда балансировал на грани шутки и насмешки. В случае с такой опасной темой следовало соблюсти немалый такт, но видно, что публицист нередко шутил почти бравурно. В «Хрониках» предметом иронии становятся различные реформы, предлагаемые российской прессой. «Русский филологический вестник» решает исключить из кириллицы твердый знак — Прус комментирует это в духе «много шума из ничего» («Недельная хроника», «Курьер варшавский», № 40, 19.02.1879). «Современную медицину» он упрекает в отсталости, когда та высказывает мнение, что дома для подкидышей в России не нужны, поскольку мораль в ней не пала еще так низко («Недельная хроника», «Курьер варшавский», № 106, 15.05.1880). Идею о том, чтобы фонды благотворительных учреждений передать в государственную казну, Прус называет «чудовищем «экономистов» на Неве» и даже покушением на всякий вид собственности («Недельная хроника», «Курьер варшавский», № 272, 3.12.1881). А «Варшавскому дневнику» (печатному органу варшавского губернатора) дает ироничный отпор на тему русского либерализма («Недельная хроника», «Курьер варшавский», № 140, 26.06.1880): «Слыша подобное, я поверил, что и вправду либерализм «Голоса», «Новостей» и т.д. — лучший на свете деликатес. Я заучивал его наизусть, правда, безуспешно. И в тот

момент, когда я сокрушался, что мой контрабандный либерализм никогда не сравнится с первоисточниками, в тот момент... [...] «Варшавский дневник» выдумал, что в вопросе классической филологии я «либерал à la «Голос», «Новости»» и т.д.»

Прус вылавливает и иронически комментирует различные алогизмы и языковые ляпы русских газет. С ребяческой радостью он находит в «Западной почте», что та «умирает из-за недостатка подписчиков» («Недельная хроника», «Курьер варшавский», № 42 и 43, 20 и 21.02.1878), а о «Полицейской газете» пишет следующим образом: «будучи передовой газетой, она так далеко ускasila вперед в своем дарвинизме, что в рубрике «Перемещение населения» с одинаковым запалом отмечает как число новорожденных детей, так и количество волов, свиней и других рогатых существ, прибывших в Варшаву».

Писатель не всегда сдерживался. 16 сентября 1905 года в хронике о школьных забастовках он решился осудить педагогическую систему российских школ («Об общественной болезни, называемой «школьной безработицей», «Тыгодник иллюстрированы», № 37, 16.09.1905). 9 декабря того же года в т.н. «Открытом письме графу Сергею Витте, председателю Совета Министров» он представлял себя в числе «очень маленькой горстки тех, кто и несколько, и более десяти лет назад имели смелость [...] громко заявлять о необходимости согласия поляков с Россией, то есть: с ее правительством, народом и династией», а сейчас говорит об административной и законодательной автономии в рамках российского государства, порицает ошибочную политику правительства по отношению к полякам (дорогостоящий административный аппарат, бюрократическую экономику, отсутствие заботы о материальном и моральном развитии польского населения, нахальную русификацию в области образования и религиозной политики). Именно политику Прус винит в нарушении нормальных отношений между поляками и русскими, в ней видит причину взаимного недоверия и вражды. Свои оценки он повторит в «Открытом письме» 22 апреля 1906 года, опубликованном в 112 номере «Курьера польского» в форме четырехгрошовой листовки по случаю выборов в I Государственную Думу.

Этот документ важен для понимания отношения Пруса к русскому вопросу. Дело в том, что напечатанная в «Курьере польском» версия прокламации неполна. В Архиве старых изданий Публичной библиотеки Варшавы нашлись

неизвестные до сих пор гранки «Письма», в которые писатель вручную внес правку^[11]. Сравнение подготовленной к печати и опубликованной версий приносит неожиданное открытие. Первоначальный вариант содержит три очень важных и сильных абзаца. В них можно увидеть своего рода список обвинений, выдвигаемых автором российскому агрессору. Особенно выразителен первый из них, начинающийся словами: «Уже 40 лет мы живем как узники, как преступники, которых лишили не только гражданских, но даже человеческих прав»^[12]. Столь же непосредственно, сколь и образно предложение, замыкающее фрагмент: «Страна была словно [раз]ворошенный муравейник, который нельзя отстроить, а народ — как Лазарь, который не имел права даже перевязать раны свои».

В остальных обнаруженных абзацах появляются следующие обвинения: ограничение права на католическое вероисповедание, запрет на образование на польском языке, безосновательные ревизии и аресты и необъяснимые судебные приговоры, препятствование влиянию на вопросы экономики, запрет на создание обществ, затрудненный доступ к образованию и здравоохранению.

Голос Пруса становится голосом народа. Начиная с третьего неопубликованного абзаца, писатель использует множественное число (хотя в первом абзаце начинал от своего имени). Он становится защитником угнетенных, но и обвиняет без колебаний. Он не хочет свести счеты или найти виновных. Он жаждет справедливости, которой могут добиться сами поляки. Он призывает их взять дело в свои руки, используя, как он считает, благоприятную политическую ситуацию.

После событий 1905 и 1906 годов Прус постепенно приглушал в своих фельетонах русский вопрос, завершал начатые ранее темы, суммировал прежние выводы. Такой характер носит хроника 1 сентября 1906 года. Здесь появляются общие суждения, а «русский вопрос» становится одним из многих. Писатель снова пытается высказываться о природе жизни обществ, народов и цивилизаций, о тайнах революции, о способах ведения политики. Безопасного укрытия от разочарований сегодняшнего дня он ищет в хорошо известном и вневременном мире идеалов счастья, совершенства и пользы. Верность принципам, последовательное напоминание о них — таков прусовский способ понять и примириться с поражением революционных стремлений, попытка сохранить позитивистские ценности.

Писатель еще раз поиграет в прорицателя, когда 13 октября 1906 года предскажет российскому государству ближайшее будущее: «в России уже через пять лет конституционная жизнь пустит более глубокие корни. Угнетение, бесправие, произвол, особенно в отношении бедных, слабых и непросвещенных пока еще не исчезнут, но новое состояние по сравнению с сегодняшним может показаться райским!...» («Недельная хроника», «Тыгодник иллюстрированы», № 41, 13.10.1906).

Последним сильным аккордом в анализе проблематики польско-русских отношений станет — не считая романа «Дети», который начнет выходить в 1907 году — еще одно «Открытое письмо», опубликованное 5 февраля 1907 года в «Слове» (№ 35) в связи с приближающимися выборами во II Думу. В этом тексте Прус взял на себя роль пророка, «подсовывающего» народу проект «странный», «эксцентричный», но в недалекой перспективе «практичный и даже необходимый», проект-лекарство от польской болезни, называемой «задним умом». Он предлагал, в виду существующей и крайне вредной для польского общества напряженности между политическими сторонами, чтобы Варшаву представляли два депутата: Роман Дмовский от национал-демократов и Александр Свентоховский, «духовный отец и создатель нашего прогресса», член Прогрессивно-демократической партии, созданной в 1905 году. Эта концепция не нашла поддержки даже и в самой редакции «Слова», а писатель еще раз обнаружил свою наивную веру в превосходство национальных интересов над партийными.

В такой атмосфере были написаны «Дети» — произведение-предостережение, в котором тезис о зря потраченных на революцию творческих силах, воплощаемых молодежью, представлен все-таки иначе, чем в тенденциозной прозе. Ведь Прус известен тем, что однозначные диагнозы ставил только в публицистике, а романы строил по принципу «великих вопросов эпохи», берясь за горячие общественные темы и придавая им открытую форму, форму вопросов о перспективах развития народа и страны. Тезис «Детей» таков: «революция не смогла воспользоваться большими силами, она распалась на мелкое, а потратила большое» (он звучит в речи доктора Дембовского, в рассуждениях Казимежа Свирского). Замечательно, что первоначальное название, «Рассвет», как эмоционально-оценочный прием придавало другой, более оптимистический оттенок интерпретации, а замена его на «Детей» корректирует восприятие, делая роман высказыванием учителя-моралиста в адрес народа.

Беллетристический контекст «русского вопроса» дополняет незаконченный роман «Перемены». От «Детей» его отделяют три года (начало написания — 1911 год). Такой короткий промежуток между идейно похожими произведениями определяет видение действительности, подчеркивает сиюминутность этих текстов, их социальный характер. «Перемены» — это также попытка ответить на вопрос, поставленный в «Детях», а именно: каков генезис революции и как восстановить общество, подавленное ее поражением. Неслучайно один из фельетонов Пруса, опубликованных незадолго до того, назывался «Вчера — сегодня — завтра» («Тыгодник иллюстрированы», № 1, 1 января 1910 г.), а второй — «От краха к возрождению» («Тыгодник иллюстрированы», № 3, 20 января 1912 г.). «Перемены», как и «Детей», отличает похожая конструктивно-стилистическая черта: в них доминирует публицистическая, философская стихия, а художественность отступает на второй план.

Есть очень четкие предпосылки, подтвержденные записями к «Переменам», указывающие на то, что замысел целого романа и его идейный посыл, кроме желания показать современную картину общества, должны были привести к созданию очередного произведения серии «великих вопросов». Что касается интересующей нас «русской темы», роман «Перемены» должен был, вероятнее всего, свести счеты народа и самого автора с собственными напрасными надеждами.

Прус считал, что неволя поляков — явление не уникальное в истории человечества. Он отмечал, что разделы мы вызвали собственной слабостью. Он не хотел пускаться в жалобы, писать о мученичестве, стремился найти подлинные причины напряженности, не поддавался обобщающим стереотипам врага. Оценивал поступки конкретных людей или группы, и только в последнюю очередь — весь народ. Освоение чужого и вера в ассимиляцию были постоянными чертами его публицистики.

В случае с Болеславом Прусом необходимо обратить внимание на еще один аспект русского вопроса: всегда, как и в случае с другими этическими проблемами, которых касался писатель, он пускает корни, вплетается в еще один, не сходящий со страниц его произведений и чуть ли не фанатично преследуемый в публицистике и сознании вопрос — польский. Поэтому «русский фактор» Пруса — это, по сути, польский фактор. То, что «русский вопрос» присутствует в его текстах так редко или отсутствует вообще, было следствием не только

очевидных цензурных соображений, но и того, что основная часть русского дискурса у Пруса посвящена Польше и полякам.

---

1. См. A. Friedrich, *Bolesław Prus wobec kwestii żydowskiej*, Gdańsk 2008.
2. См. S. Karpowicz-Słowikowska, „Kwestia niemiecka” w publicystyce Bolesława Prusa, Gdańsk 2011.
3. См. S. Karpowicz-Słowikowska, O mniejszościach etnicznych w publicystyce Bolesława Prusa, „Pamiętnik Literacki” 2009, t. 4, s. 173–185.
4. Все цитаты их «Хроник» Болеслава Пруса основаны на одном источнике – 20-томнике, подготовленном З. Швейковским (Варшава 1956–1970).
5. Do Andrieja Andriejewicza Bogolubowa ([prawdop. 1899]), [w:] Nieznana korespondencja Bolesława Prusa, „Pamiętnik Literacki” 1963 t. 1, s. 149 (автограф письма — черновик для перевода на русский язык).
6. *Bolesław Prus 1847–1912. Kalendarz życia i twórczości*, przyg. K. Tokarzówna, S. Fita, red. Z. Szwejkowski, Warszawa 1969, s. 45–46.
7. Там же, с. 616.
8. E. Abramowski, *Zmowa powszechna przeciw rządowi*, [w:] E. Abramowski, *Pisma*, т. 1, Warszawa 1924, s. 330.
9. *Bolesław Prus 1847–1912. Kalendarz życia i twórczości*, s. 509.
10. Там же, с. 541–542.
11. Публичная библиотека Варшавы, Отдел старых изданий, сигн. 188 IV, карт. 5, печатный документ [гранка]. Недавно в собрании Мазовецкой цифровой библиотеки появились неразборчивые сканы этого документа (oai:mnc.cyfrowemazowsze.pl:7908).
12. Все цитаты приводятся на основе упомянутой гранки.

Ежи Гедройц — читатель и издатель русской литературы (ч. 1)

Перевод Ирины Адельгейм

Можно с уверенностью утверждать — и множество слов и действий Ежи Гедройца послужат тому доказательством — что для создателя Литературного института и редактора парижской «Культуры» Россия, не только как политическое образование, но также как с трудом поддающийся интерпретации цивилизационно — культурный континуум, представляла собой проблему фундаментальную. Каждый, кому доводилось — хотя бы мельком — заглядывать в архивы Литературного института, осознает, что тема, избранная автором данной статьи, необозрима. Ибо необозримыми представляются источники, которые следует в этой связи исследовать — прежде всего, переписка Редактора. Да, масштабы этой переписки приблизительно оценить можно: речь идет о сотнях тысяч писем. В этом смысле она обозрима, однако мы никогда не сможем говорить о полноте данного корпуса, частично рассеянного по миру, частично уже не существующего.

«Русская литература» — тема, включающая не только писателей, фигурировавших в редакторской вселенной Гедройца, воззрения на их позицию и творчество, но также ряд организаций, издательств, сотрудников «Культуры», издательскую политику Литературного института, его публикации и тексты, планировавшиеся к изданию, библиотеку Института и пути ее расширения, наконец, личные читательские предпочтения Ежи Гедройца — и это, безусловно, далеко не все. В силу масштабности действий Редактора, направленных на улучшение отношений Польши с Россией и поляков с русскими, каждая из перечисленных тем, вне всяких сомнений, заслуживает отдельного исследования.

Скромный характер моей статьи вызван, прежде всего, уважением к материалу, грандиозность которого не только вдохновляет, но и ошеломляет, отсекая возможность панорамного взгляда, синтеза — это потребовало бы, в частности, изучения всей корреспонденции Ежи Гедройца.

Поэтому следует особо подчеркнуть, что мои наблюдения основаны на относительно небольшой части сохранившихся источников, я опираюсь на неизбежную, интуитивно представляющуюся очевидной, их селекцию.

Литературные вкусы Ежи Гедройца

Сегодня достоверно известно, что литературное чутье Ежи Гедройца было сформировано не только польской литературой и публицистикой рубежа XIX — XX вв., но также — кто знает, не в большей ли степени — произведениями русской словесности. Анализ отношения к ней Редактора, которое выражено в его высказываниях, и попытка выделить более или менее непосредственно артикулированные мнения о прочитанном стали бы серьезным вкладом в процесс реконструкции основных критериев, которыми пользовался при оценке литературы Гедройц. Приведем фрагмент его воспоминаний: «Меня всегда увлекала русская литература. Я много читал по-русски, почти столько же, сколько по-польски, то есть очень много. В круг моего чтения входили Достоевский, Леонид Андреев, Розанов. Важнейшим для меня романом Достоевского стали „Братья Карамазовы“. К „Бесам“ я относился отрицательно, возможно, потому что это была единственная книга Достоевского, которую я прочитал в польском переводе. Он был так ужасен, что это отвратило меня от самой книги. Я читал советских авторов, в частности Бабея, и все произведения Пильняка; по причинам, может, не столь литературным, сколько политическим, у меня в памяти осталась его книга о Фрунзе, из-за которой автор впал в немилость. Я также читал Эренбурга, хоть и не слишком его любил. Я вообще старался следить за советской литературой, раздобыть которую мне не составляло особого труда. В среде русской эмиграции я лично общался, главным образом, с Философовым, издававшим журнал „За Свободу!“ Он был человеком очень многосторонним, обладавшим широкими литературными и культурными интересами^[1]. [...] Мое отношение к русскому языку, к русской литературе и поэзии было связано с защитным механизмом. Я предпочитаю русскую поэзию польской. Но при этом я очень боялся, что русская стихия поглотит Польшу»^[2].

Обрисованные в «Автобиографии» литературные предпочтения Редактора находят частичное подтверждение в его переписке, при этом следует подчеркнуть, что при разговоре о прочитанных «тогда» книгах Ежи Гедройц возвращался памятью лишь к юношеским годам, пришедшимся на межвоенный период, когда он, по его собственным словам, поддерживал дружеские отношения с

русской эмиграцией в Варшаве. Не все вышеупомянутые имена, разумеется, впоследствии встречаются и в письмах, которые в большинстве своем содержат комментарии и оценки по горячим следам, то есть касаются текущего литературного процесса. Это, однако, не отменяет того факта, что частично они оставались неизменными — определяя литературные эталоны Гедройца или используя при сопоставлении тех или иных текстов.

Наиболее ярким примером может служить творчество Федора Достоевского. На протяжении многих лет неизменным оставалось восхищение Редактора «Братьями Карамазовыми». В 1958 году прозаик и драматург Анджей Бобковский с отвращением писал Гедройцу: «Прикованный к постели и креслу, читаю „Братьев Карамазовых“ — я совсем плох. За исключением „Великого Инквизитора“ это полная безвкусица, театральная, многословная, вялая, воняющая дегтем и христианизированной спермой»^[3].

Последовал решительный ответ:

«„Братьев Карамазовых“ я в обиду не дам. Я, разумеется, являюсь отчасти интеллигентской гнилушкой, но это большой и по-прежнему актуальный писатель. Опасаюсь только, что вы, кажется, не владеете русским, отсюда аберрация образа писателя — я не знаю ни одного хорошего перевода. Это язык странно непереводимый»^[4].

Через десять с лишним лет, в 1971 году, в письме к Войцеху Скальмовскому^[5] Гедройц напишет: «[...] я подумал — не издать ли „Легенду о Великом Инквизиторе“ Достоевского. Я должен освежить ее в памяти, поскольку давно не держал в руках „Братьев Карамазовых“, и хотя это моя самая любимая книга [подчеркнуто мною — П.Б.], на память не всегда стоит полагаться» (15 октября 1971 года).

«Братья Карамазовы» — любимая книга Ежи Гедройца. Это отдельная тема, которая заставляет строить догадки. Мы не знаем критериев, по которым Редактор оценивал русскую литературу. Мы реконструируем их на основе опосредованных следов, строим гипотезы. Гедройц оставил несколько непосредственных высказываний, но нам не известно — быть может, соответствующие свидетельства будут найдены в будущем — на чем они основывались, чем определялась оценка. На страницах «Культуры» о романе Достоевского с уважением писал Чеслав Милош, наверняка выражая также мнение Редактора:

«[...] нигде вы не найдете такого описания фундаментальных напряжений и конфликтов XX века, как в „Легенде о Великом Инквизиторе“ Достоевского. Русские поклонники писателя

сравнивали мощь этого текста с Евангелием и Откровением Иоанна Богослова, то есть считали, что он столь глубоко проникает в суть человеческого бытия, что никогда не утратит актуальности»^[6].

Достоевский в «Культуре» напечатан не был, но само намерение и высказанная — в том числе в письмах — оценка «Братьев Карамазовых» подтверждают факт, что книга эта продолжала занимать в сознании Гедройца исключительное место. Интерес к литературе такого рода — поднимающей проблему непредсказуемости человеческой природы, невозможности разобраться в ее сути, проблему отсутствия опоры на универсальные ценности — может удивлять, если мы вспомним любимых польских писателей Ежи Гедройца, в числе которых следует назвать, прежде всего, Стефана Жеромского и Станислава Бжозовского — рациональных идеалистов, писателей общественного долга, которые четко и решительно определяют моральные критерии и в этом смысле являются творцами мира, прямо противоположного тому, в котором обитают отцеубийцы Достоевского. Таким образом, литературные вкусы Редактора нелегко определить, его предпочтения разнообразны, и ошибется тот, кто станет утверждать, будто в литературе Ежи Гедройца интересовал исключительно патриотизм.

Более сложным, поскольку переписка не проливает достаточно света на этот вопрос — представляется отношение Гедройца к «Бесам», также упомянутым в воспоминаниях Редактора. Войцех Скальмовский подозревал, что его неприязнь к этой книге объяснялась не только плохим переводом, но и самим выведенным в романе погруженным в хаос миром^[7].

Объяснение можно найти в цитировавшемся выше письме к Анджею Бобковскому: «В далекой юности, — пишет Гедройц, — я впервые прочитал „Бесов“ Достоевского по-польски, и это настолько отвратило меня от романа, что лишь спустя пятнадцать лет, и то с трудом, я заставил себя прочитать его по-русски, и только тогда понял, насколько это великая книга»^[8]. Если считать это мнение искренним, то есть не порожденным желанием любой ценой убедить адресата в величии Достоевского, слова Гедройца исключают домыслы Скальмовского, хотя негативное мнение о «Бесах», выраженное в воспоминаниях, хронологически более поздних, чем письмо, заставляет говорить о переменчивости суждений Редактора или просто об избирательности памяти, сохранившей лишь неприятный осадок от польского перевода. Тем не менее, Достоевский оставался любимым писателем Гедройца.

Леонид Андреев, предтеча русского экспрессионизма, чье имя Редактор в своих воспоминаниях называет рядом с Достоевским, видимо, не играл в жизни Гедройца подобной роли — его произведения в переписке ближайшими сотрудниками не упоминаются. Однако если говорить о письмах Редактора, заставляет задуматься присутствие в них имени Василия Розанова. На этот раз догадки Войцеха Скальмовского представляются верными: он предполагает, что «Розанов» — оговорка Гедройца (такое случилось в более поздние годы) и что он имел в виду Алексея Ремизова, о котором в одном из писем к Мельхиору Ваньковичу (28 ноября 1951 года) писал: «Я в него, в его книги, влюблен»^[9].

Однако, с другой стороны, не следует исключать, что Гедройц читал Розанова еще до войны, поскольку Юзеф Чапский в письме к Редактору в 1950 году использует определение «розановские» так, словно это термин вполне понятный для них обоих.

Конечно, для Гедройца большее значение имел Ремизов. В начальный период восхищения его творчеством и личностью Редактор писал Константы Еленьскому:

«Посылаю вам в отдельном конверте рукопись Ремизова на французском языке. Мы в него — вместе с Юзеком — буквально влюблены. Это безусловно самый выдающийся и интересный русский писатель»^[10].

В процитированном Скальмовским письме Редактор признается также: «Я льщу себе мыслью, что читал почти все плюс некоторые рукописи»^[11]. С Ремизовым Ежи Гедройц общался лично, поскольку писатель жил в Париже. Восхищение его творчеством он разделял с Чапским, который считал Ремизова одним из самых выдающихся современных писателей: «Я прочитал сейчас несколько вещей Чорана. [...] Экзотизм! — писал он Гедройцу. — Не ради экзотизма мы читаем Ремизова, а по той причине, что это большой писатель и он сохранил себя в пустыне более русским, чем другие, менее адаптируемым, чем другие, потому что у него хватило сил быть верным и ОДНОВРЕМЕННО любить немецких романтиков или французских сюрреалистов и хватило сил писать, на протяжении восемнадцати лет будучи никем не издаваемым» (без даты).

К «величайшим» писателям, наравне с Прустом и Гомбровичем, относил его также Константы Еленьский. Среди книг, которые во второй половине XX века произвели на Ежи Гедройца наибольшее впечатление, следует упомянуть, прежде всего, воспоминания Надежды Мандельштам. Редактор, должно быть, знал текст по машинописи, ходившей в

самиздате, потому что издание книги он планировал еще с конца шестидесятых годов, то есть до публикации ее на Западе — в июле 1968 года Гедройц обращался с просьбой к Чапскому: «Что касается русских: будь так добр, в свободное время напиши несколько слов Резниковой^[12], напости ей о том, что нужно раздобыть „Воспоминания“ Мандельштам. Если это для нее сложно, пускай даст адрес своей, кажется, двоюродной сестры, у которой есть книга, и если та согласна, я попрошу кого-нибудь из американских знакомых, Тирманда или Иваньскую, чтобы они на месте сделали для меня фотокопию. Еще раз говорю, что не стал бы использовать этот текст, не получив решительное согласие» (24 июля 1968 года).

Первый том воспоминаний Мандельштам вышел в 1970 году в Нью-Йорке в издательстве «Chekhov Publishing House», которое могло быть для Литературного института стратегическим партнером. В ноябре 1952 года Гедройц писал Ваньковичу: «Мне совершенно необходимо короткое эссе, в котором рассказывалось бы о деятельности издательства „Chekhov Publishing House“ [...], выпустившего массу русских книг. [...] Мне очень важны как объективный обзор всей их издательской деятельности, так и собственно литературная оценка. [...] Дело весьма срочное, поскольку речь идет не только о моих планах завоевания Форда (это он финансирует), но и о том, чтобы расплатиться за присланные мне рецензионные экземпляры»^[13].

В пятидесятые годы в «Культуре» вышли четыре текста, в которых говорилось о деятельности нью-йоркского издательства^[14]. Среди его публикаций книга Мандельштам, должно быть, вызвала у Гедройца наибольшую зависть — в марте 1971 года Редактор писал Скальмовскому: «Я в последнее время под впечатлением двух выдающихся книг: „Воспоминаний“ Надежды Мандельштам и „Les chênes qu'on abat“ Мальро...» (26 марта 1971 года).

Через два месяца он писал Чеславу Милошу: «Уже во второй раз читаю воспоминания Надежды Мандельштам. Что за великолепная книга. Скоро должен выйти второй том»^[15]. О своем восхищении Редактор почти год спустя говорит также в письме к Милошу: «[...] книга [...] которая произвела на меня огромное впечатление, это Надежда Мандельштам. Я с нетерпением жду второго тома „Воспоминаний“ [...] Будь у меня немного денег, я бы охотно издал польский перевод»^[16].

Второй том воспоминаний Мандельштам, озаглавленный «Вторая книга», действительно вышел в начале 1972 года в Париже (издательство «YMCA — Press»). Уже в июне Гедройц

планировал издание обоих томов на польском языке: «Только что закончил читать гранки II тома Мандельштам, — сообщал он Милошу. — Оба тома настолько потрясают, что я все больше задумываюсь о польском издании»^[17].

К сожалению, на этот раз Гедройца опередил Лондон — вскоре Редактор с сожалением сообщал своим корреспондентам о предпринятых в Великобритании шагах.

«Очень обидно. Я так радовался изданию Надежды Мандельштам, но, оказывается, в Лондоне этим уже занимается младший Стыпулковский (связанный с Лабендзем)»^[18] — читаем мы в письме к Милошу. Через два месяца информация доходит также до Скальмовского: «[...] издание ее „Воспоминаний“ у меня увели из-под носа: Мандельштам издает в Лондоне А.Стыпулковский» (11 августа 1972 года).

В конце концов первый том издательство «Polonia Book Foundation» выпустило лишь в 1976 году под названием «Надежда в безнадежности». Еще до публикации, в 1974 году, Гедройц говорил об издании второго тома: «Между тем, — писал он тогда Милошу, — я убит наповал „Архипелагом ГУЛАГ“, тем более что вскоре появится II том, так что я не могу брать на себя какие — либо новые обязательства. Но появившись такая возможность, я бы в первую очередь думал о II томе Надежды Мандельштам»^[19].

Отдельной книгой мемуары Мандельштам в Литературном институте так и не были изданы. В 1972 году «Культура» (№7-8) напечатала (в анонимном переводе) лишь небольшой фрагмент «Воспоминаний», озаглавленный «Страх». В списке планировавшихся, но по разным причинам не состоявшихся публикаций книга Мандельштам, имевшая для Редактора огромное значение как документ, занимает едва ли не важнейшее место.

По причине отсутствия опытных переводчиков, утверждает Ежи Гедройц, не появились в Библиотеке «Культуры» запланированные и также высоко им оцененные «Колымские рассказы» Варлама Шаламова. В интервью Барбаре Торуньчик Редактор признавался: «Это одна из наиболее потрясающих книг. В определенном смысле я ставлю ее выше, чем „Архипелаг ГУЛАГ“. Разумеется, она не имеет такого резонанса, прежде всего, политического, она гораздо уже. Но с точки зрения литературной — вне всяких сомнений стоит выше. Однако, помимо расходов, как я уже говорил, проблема в переводчике»^[20].

Издать книгу Шаламова по-польски предложил Гедройцу Роман Гуль, печатавший ее в своем «Новом журнале». Однако после письма из редакции «Культуры» в этой связи Гуль медлил с ответом — и тогда Редактор попытался раздобыть русский оригинал самостоятельно. В начале 1969 года он писал Михаилу Геллеру:

«У меня до сих пор нет известий от Романа Гуля по поводу „Колымских воспоминаний” Шаламова. Вы не знаете, у кого есть полный текст этих записок? Я мечтаю издать их по-польски» (29 января 1969 года).

Высокую оценку книги, данную спустя годы в процитированном выше интервью, подтверждает письмо Редактора Чеславу Милошу в июне 1969 года: «Что касается русских вещей, обрати внимание на „Колымские рассказы” Шаламова. [...] Это очень талантливо и важнейший документ»^[21].

Здесь стоит добавить, что Роман Гуль, который с 1966 года был главным редактором вышеупомянутого эмигрантского русского журнала, издавшегося в Нью-Йорке, являлся также автором книг, которые ценил Редактор. В «Автобиографии в четыре руки», в главе, посвященной контактам «Культуры» «вне польского круга» мы читаем: «В среду местной русской эмиграции меня ввел также Юзек. Это привело к знакомству с Романом Гулем, который позже уехал в Нью-Йорк»^[22].

С 1918 года Гуль находился в эмиграции, сначала в Берлине, затем в Париже, наконец, с 1950 года и до смерти в 1986 — в США. Чапский, который работал в Париже еще до того, как Гедройц перенес Литературный институт во Францию, знал Гуля лично и представил его редакции «Культуры». Однако именно Редактор первым понял, кто такой Гуль и какова ценность его книг, печатавшихся в тридцатые годы в Польше в издательстве «Руй». Еще из Рима, в начале 1947 года, он возмущенно писал Чапскому: «Это просто возмутительно, что ты не знаешь, кто такой Гуль. Очень талантливый человек. В Польше вышли две его книги. О Красных маршалах — очень хорошая. Что касается политического аспекта — ничего не могу сказать»^[23].

Среди русских книг, которые удалось издать Ежи Гедройцу, и которые произвели на него большое впечатление с художественной точки зрения, следует упомянуть «Доктора Живаго» Бориса Пастернака. Первые шаги в этом направлении Редактор предпринял уже в начале 1958 года. В январе он делился планами с Анджеем Бобковским: «Я хочу издать по-польски „Доктора Живаго” Бориса Пастернака, который сейчас

вышел в Италии и будет мировым бестселлером. Это просто бомба. Хотел бы я, чтобы в Польше был такой писатель — большой и одновременно смелый»^[24].

Об издательских делах, связанных с этой книгой, Гедройц информировал своего корреспондента по горячим следам — через месяц он писал: «Пастернака я пока не издаю, во-первых, у меня нет денег, зато есть жуткие долги. Но самое главное, я жду окончательного решения, выйдет ли книга в стране. Там есть несколько благородных идиотов, которым кажется, что это им удастся. Я должен дождаться официального запрета, который не заставит себя ждать. Впрочем, я рассчитываю на inedita Пастернака, с которым устанавливаю контакт, правда, очень опосредованный, но реальный. Вероятно, для русского номера я раздобуду множество его стихов — не печатавшихся и никому не известных»^[25].

Во второй половине года публикация казалась все более реальной. В октябре Редактор размышлял о переводе — он с надеждой писал Милошу: «Не напишете ли Вы заметку о Пастернаке в связи с Нобелевской премией и этой кампанией против него? Будь у меня деньги, я бы мечтал, чтобы Вы перевели „Доктора Живаго“ вместе с поэтической частью. Но на это нужны огромные средства»^[26].

Последовал ответ, который Гедройца удовлетворить не мог: «Зоя [Херц] спрашивала меня, не переведу ли я стихи Пастернака из „Доктора Живаго“. Я ответил ей честно: до сих пор я никогда не пытался переводить Пастернака, который кажется мне непереводаемым. [...] Поскольку вы носитесь с идеей издания „Живаго“ по-польски, вынужден высказать еще несколько замечаний. Не думаю, что сейчас это удачная идея — она была бы уместна несколько месяцев назад. Мне кажется, стратегически сейчас „Культуре“ имеет смысл «отстраниться» — говорю это, хотя знаю, что Вы мои советы не цените. То есть, в контексте холодной войны, вы должны всеми силами избегать ампулы антикоммунистического издательства, поскольку это ослабит ваше долгосрочное влияние и затруднит деятельность. [...] На „Живаго“ вследствие Нобелевской премии и шума, поднятого антикоммунистическими издательствами, в данный момент следует поставить крест. [...] Я лично считаю любую диверсию, во-первых, недостойным шагом, во-вторых, инфантилизмом агентов-идиотов, и меня удивляют смутные поползновения в этом направлении у Вас, редактора журнала, который имеет слишком серьезную репутацию, чтобы пасть так низко. Учтите, это вопрос во многом интуиции, в данный момент издание „Живаго“ по-польски будет воспринято [...]

как акт против Бориса Пастернака. Гораздо лучше быть на его стороне. [Приписка от руки:] Однако самое главное, что „Доктор Живаго” не кажется мне интересным для польского читателя. Пастернак находится на другом этапе сознания, который у польского читателя уже позади»^[27].

После отказа Милоша Редактор обращался с этим вопросом к Збигневу Херберту, но тот также отказался. Однако издательский механизм был уже запущен. В ноябре Гедройц сообщил Ежи Стемповскому одновременно с гордостью и беспокойством: «У меня есть авторские права на „Доктора Живаго”, что я считаю большим успехом [...] Однако не знаю, удастся ли мне его издать. Это требует больших денег, и я не очень себе представляю, кто бы мог его перевести, а вопрос срочный. Вероятно, останется только облизнуться»^[28].

Милош оставался критичным и непреклонным: «Я прочитал стихи Пастернака. Художественно они, с моей точки зрения, неровные, и замысел мне не слишком понятен [...] Даже захотел я, не сумел бы их перевести. [...] Мне очень жаль, но эта поэзия мне чужда, и я не смог бы ее перевести — не за что „зацепиться”. Мне жаль, потому что я не знаю, что Вы предпримете, а хотел бы, как Вы знаете, быть Вам полезным. Но я подумал: зачем вам тратить деньги на этот перевод, если он все равно — при величайших моих усилиях и стараниях — не будет хорош, ибо стихи эти непереводимы»^[29].

Роман был издан в середине 1959 года. В роли переводчика — спринтера выступил сам Стемповский (под псевдонимом Павел Гостовец), стихи перевел Юзеф Лободовский. Уже перед самым выходом книги Гедройц удовлетворенно писал Богдану Осадчуку: «На днях наконец выходит „Д[октор] Живаго”. [...] Я все более убеждаюсь, что это великая и выдающаяся книга, несмотря на все недостатки — прежде всего композиционные»^[30].

Сразу после издания, в августе, подобным образом оценил роман в письме Гедройцу Херлинг-Грудиньский: «Я внимательно прочитал всего „Доктора Живаго” [...] Еще раз убедился, что роман Пастернака прекрасен, несмотря на все его изъяны» (22 августа 1959 года).

Вскоре после издания книги Стемповский сообщал Редактору из Берна о восприятии книги в Швейцарии: «Что касается „Доктора Живаго”, Вы были правы, ограничившись одним изданием. Слава этой книги на Западе оказалась недолговечной. Недавно я встретил букиниста из Висбадена,

который сказал мне, что за праздники продал всего один экземпляр романа»^[31].

Несмотря на первую реакцию, роман Пастернака стал наиболее популярной из всех изданных Литературным институтом русских книг. Переиздать «Доктора Живаго» Гедройц решился во второй половине шестидесятых годов — он размышлял об этом в конце 1966 года^[32] и в 1967 году напечатал роман. Успех был огромным.

«Книга имеет поразительный успех. Я напечатал 2000 экземпляров и думал, что это запас на долгие годы, а у меня уже осталось всего несколько штук. В эмиграции она, возможно, сыграла свою роль, но чем объяснить внезапный интерес к этой книге в Польше? Ее буквально рвут друг у друга из рук», — писал он Стемповскому^[33]. Когда много лет спустя, в 1980 году, Константы Еленьский готовил статью о «Культуре» для парижского журнала «Ле Деба», Редактор снабжал его необходимой информацией. Перечисляя переводы русских книг, он сообщил, что «Доктор Живаго» выдержал в Институте пять изданий (видимо, Гедройц учитывал также допечатки). Так или иначе, роман стал лучше всего продаваемой книгой русского автора из всех, которые когда-либо напечатала «Культура».

Может удивлять в переписке Редактора отсутствие имен писателей и поэтов, которые, как мы знаем, были ему близки и которых он высоко ценил. В разговоре с Барбарой Торуньчик, Гедройц, когда его спросили о любимых русских писателях, поставил рядом с Достоевским Блока и Мандельштама (очень редко упоминавшихся в его письмах), а также Алексея Толстого — но лишь как автора «Петра Первого».

-
1. Документы, связанные с Философовым, имели для Гедройца огромное значение. В 1968 году по его просьбе исследованием русских газет, издававшихся Философовым, занимался в США Влодзимеж Бончковский. В письме к Войцеху Скальмовскому от 6 октября 1971 года Редактор писал: «Я узнал в Амстердаме, что существует архив Бориса Савинкова, в котором сохранились письма Пилсудского [...] Если даже нет писем Пилсудского, то есть письма Савинкова к Пилсудскому. Наверняка должна быть также переписка Савинкова с Дмитрием Философовым. Эти вопросы меня интересуют, главным образом, потому, что Философов (который с 1919 года до 1939 выпускал в Варшаве журнал на рус[ком] языке „За Свободу!“ и являлся одним из

интереснейших людей, каких я знал в жизни) и Савинков были, кажется, единственными русскими, которые честно шли на сотрудничество с Польшей и к которым (главным образом, к Философову) Марш[ал] Пилсудский испытывал доверие. Мало того, они, кажется, единственные — правда, скрепя сердце, но все же — принимали концепцию независимой Украины». В очередном письме он добавлял: «Поэтому стоило бы просмотреть не только переписку Савинкова — Пилсудского, но и Савинкова — Философова или Савинкова — Деникина, чтобы найти все, что касается польских и украинских проблем» (15 октября 1971 года; все письма, если нет особых пометок, цитируются по оригиналам, хранящимся в Архиве Литературного института). Гедройц был убежден, что подшивки «За Свободу!» не сохранились или что они неполные. Он рассчитывал, что исследования, проведенные в Амстердаме, помогут их дополнить — считал, что польские библиотеки должны заказать микрофильмы этих материалов. Философов был также важен для Редактора по причине фигуры Бориса Савинкова («личный культ» которого он, по его собственным словам, исповедовал; ср. письмо к Юзефу Чапскому от 16 июня 1955). В письме к Скальмовскому он утверждал: «Трудно писать о Савинкове без Философова» (8 ноября 1971 года).

2. J. Giedroyc, *Autobiografia na cztery ręce, opracował i posłowiem opatrzył K. Pomian*, Warszawa 1994, s. 15–16.
3. J. Giedroyc, A. Bobkowski, *Listy 1946–1961, opracował J. Zieliński*, Warszawa 1997, s. 543; письмо от 25 сентября 1958 года.
4. *Ibidem*, s. 549–550; письмо от 30 сентября 1958 года.
5. Войцех Скальмовский (1933–2008), псевдоним: Мацей Броньский, иранист, литературовед, в эмиграции с 1968 года, близкий сотрудник «Культуры».
6. C. Miłosz, *Dostojewski i Sartre*, „Kultura” 1983, nr 1–2. Милош пишет о «Братьях Карамазовых» также в опубликованном спустя несколько лет на страницах «Культуры» эссе «Достоевский теперь» (1992, № 5) и раньше, в своей книге «Земля Ульро», изданной Литературным институтом в 1977 году (главным образом, в части «Достоевский и западное религиозное воображение»). На тему романа ср. также: *idem*, *Dostojewski i Swedenborg*, tłum. M. Heydel, „Zeszyty Literackie” 2007, nr 5 (специальный номер, вне серии: *idem*, *Historie ludzkie*).
7. W. Skalmowski, *Prywatne lektury Jerzego Giedroycia*, [w:] Jerzy Giedroyc. *Redaktor — Polityk — Człowiek*, zebrał, do druku

przygotował i wstępem poprzedził K. Pomian, Lublin 2001, s. 214–215.

8. J. Giedroyc, A. Bobkowski, op. cit., s. 550.
9. W. Skalmowski, Prywatne lektury Jerzego Giedroycia..., s. 216.
10. J. Giedroyc, K. A. Jeleński, Listy 1950–1987, wybrał, opracował i wstępem opatrzył W. Karpiński, Warszawa 1995, s. 79; письмо от 24 сентября 1951 года.
11. J. Giedroyc, M. Wańkowicz, Listy 1945–1963, wyboru dokonała i wstępem opatrzyła A. Ziółkowska-Boehm, Warszawa 2000, s. 240; письмо от 20 декабря 1951 года.
12. Наталия Резникова (1902–1992) — переводчица, друг и секретарь Алексея Ремизова.
13. J. Giedroyc, M. Wańkowicz, op. cit., s. 350; письмо от 23 ноября 1952 года.
14. См.: J. Wittlin, Tragiczny Gogol, „Kultura” 1952, nr 7–8; J. Olechowski, Wydawnictwo im. Czechowa, „Kultura” 1953, nr 4; idem, Sto książek i jedna wielka powieść, „Kultura” 1954, nr 11; B. Heydenkorn, Dom wydawniczy im. Czechowa, „Kultura” 1956, nr 7–8.
15. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1964–1972, opracował M. Kornat, Warszawa 2011, s. 453; письмо от 31 мая 1971 года.
16. Ibidem, s. 504; письмо от 5 марта 1972 года.
17. Ibidem, s. 522; письмо от 8 июня 1972 года.
18. Леопольд Лабендзь (1920–1993) — политолог, журналист и издатель.
19. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1964–1972..., s. 523; письмо от 12 июня 1972 года.
20. B. Toruńczyk, Rozmowy w Maisons-Laffitte, 1981, Warszawa 2006, s. 96.
21. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1964–1972..., s. 218; письмо от 2 апреля 1969 года.
22. J. Giedroyc, Autobiografia na cztery ręce..., s. 181.
23. Письмо от 4 января 1947 года. Гедройц имеет в виду исторический роман о террористической деятельности Бориса Савинкова «Генерал БО» (1933) и книгу «Красные командиры. Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский» (1934).
24. J. Giedroyc, A. Bobkowski, op. cit., s. 499; письмо от 5 января 1958 года. В одном из писем к Августу Замойскому, говоря о Марии Домбровской, Ежи Гедройц замечает: «Каждый имеет таких Пастернаков, каких заслуживает».

25. Ibidem, s. 513; письмо от 26 февраля 1958 года.
26. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1952–1963, opracował M. Kornat, Warszawa 2008, s. 311; письмо от 28 октября 1958 года.
27. Ibidem, s. 314; письмо ноября 1958 года.
28. J. Giedroyc, J. Stempowski, Listy 1946–1969, cz. 2, opracował A. S. Kowalczyk, Warszawa 1998, s. 62; письмо от 26 ноября 1958 года.
29. J. Giedroyc, C. Miłosz, Listy 1952–1963..., s. 328–330; письмо января 1959 года.
30. J. Giedroyc, Emigracja ukraińska, Listy 1950–1982, opracowała B. Berdychowska, tłumaczenie O. Hnatiuk, Warszawa 2004, s. 197–198; письмо от 29 июня 1959 года.
31. J. Giedroyc, J. Stempowski, Listy 1946–1969..., cz. 2, s. 109; письмо от 17 марта 1960 года.
32. Ср. письмо Гедройца к Стемповскому от 12 декабря 1966 года: «К сожалению, в связи с разными проблемами я должен — во всяком случае, на время — отказаться от переиздания „Доктора Живаго”. Оказалось, что это предприятие выходит за рамки моих возможностей», [w:] J. Giedroyc, J. Stempowski, Listy 1946–1969..., cz. 2, s. 385.
33. Ibidem, s. 412; письмо от 24 сентября 1967 года.

Войцех Карпиньский

Разбойничьи книги и города

Из архива Второй программы Польского радио

Фото: Богдан Пачовский

Попробую рассказать, как выглядит жизнь человека, пишущего по-польски, посвятившего жизнь польской литературе и живущего в Париже. У меня выработался специфический ритм жизни — я работаю по ночам. Поэтому утром сплю, причем, строго говоря, сплю довольно долго, и случается, что когда, проснувшись, я отправляюсь в магазин — купить что-нибудь поесть, продавцы встречают меня словами: «Добрый вечер». Это немного странно, но я уже привык.

Я живу далеко от центра Парижа, в шестнадцатом округе. Звучит неплохо, но место, где я обитаю — уже не тот «престижный» шестнадцатый округ, хоть оно и достаточно любопытно. Любопытно тем, что здесь была сосредоточена жизнь среднеобеспеченной русской эмиграции. Те, что побогаче, обитали близ Триумфальной арки. В шестидесяти метрах от моего дома, на улице Буало, пересекающей мою улицу Клод Лорен, в доме номер 59 жил до отъезда в

Соединенные Штаты Владимир Набоков. Оттуда в мае 1940 года, когда уже шла война, ему вместе с семьей удалось бежать от немцев. Чуть дальше, на той же улице Буало, есть большой дом, в котором проживало сразу несколько русских писателей, в том числе Алексей Ремизов; во французском славистическом журнале я как-то читал письма Ремизова, так вот, это была, в сущности, переписка между жильцами этого дома — разумеется, объяснялись они между собой по-русски. Когда я только поселился в этом районе, возле Порт-де-Сен-Клу, то еще порой встречал пожилые пары, говорившие по-русски, а к продавцам обращавшиеся на таком дивно певучем французском, что не понять, откуда они родом, было невозможно.

С некоторых пор польский Париж очень изменился. Раньше его жизнь крутилась вокруг нескольких эмигрантских организаций или нескольких мест, которые в силу обстоятельств приобрели статус организаций. Тот, кто приезжал в Париж, рано или поздно попадал в орбиту польского книжного магазина «Либелла» на острове Сен-Луи близ Отеля Ламбер; хозяевами его были Казимеж Романович с женой, прекрасной писательницей, Зофьей Романович. Этот магазин существовал с 1946 года и перестал функционировать 31 декабря 1993 года. На вечере у монахов-паллотинов в Центре диалога Анджей Ват в разговоре с Казимежем Романовичем сказал, что в Париже было три или четыре таких польских островка: во-первых, книжный магазин «Либелла» и Польская библиотека на острове Сен-Луи; во-вторых, таким польским островком были, конечно, Мезон-Лаффит и «Культура»; наконец таким островком, для более узкого круга, но очень значимым, был человек-организация — Константы Еленьский, человек огромной доброты, сердечности, самоотверженности, для нескольких поколений польских писателей, художников, друзей воплощавший парижскую Польшу или польский Париж.

Позже, начиная с середины семидесятых годов, таким польским островком, также удивительным, стал центр монахов-паллотинов. Это плод трудов одного необыкновенного человека, но при поддержке начальства — лично кардинала Стефана Вышиньского, имевшего необычайно широкие представления об обязанностях, задачах и открытости Католической церкви; итак, это плод трудов одного человека, ксендза Юзефа Садзика. Он собрал вокруг себя нескольких выдающихся людей, в том числе далеких от ортодоксальной Церкви, но интересующихся духовными проблемами, проблемами смысла жизни, искусства. Ксендз Садзик создал этот Дискуссионный центр — Centre du Dialogue.

Там принимали всех, кто мыслил открыто и стремился к поиску истины. Это место также находится в центре Парижа, на шумной улице Сюркуф, на первом этаже. Окна просторного зала выходят на улицу и представляют собой витражи, спроектированные Яном Лебенштейном и изображающие Апокалипсис. В зале, над столом, за которым сидят выступающие, висит скульптурное изображение головы Христа работы Алины Шапошников, так что Центр диалога стал также центром польского метафизического искусства. Здесь бывали очень разные люди — кажется, открыл его своей лекцией и потом много раз выступал в нем Стефан Киселевский. Здесь бывали и те, кто приезжал из ПНР, и эмигранты. В то время, когда разграничение на мир социалистической Польши и мир эмиграции было очень отчетливым, в Центре диалога не цеплялись за эти водоразделы. Лишь бы человек вызывал доверие и интерес, а политическая принадлежность не имеет значения — любой мог прийти и с ним можно было встретиться. Сплав интеллектуальной содержательности и открытости делал это место очень значимым.

Со временем некоторые важные элементы польского Парижа исчезали — незаменимые элементы, чудесные люди, которых, увы, уже нет на свете. Я имею в виду прежде всего две фигуры — яркие и притягательные личности. Это, во-первых, уже упоминавшийся Константы Еленьский, который умер в 1987 году. После его ухода образовалась пустота, поскольку он объединял французскую и польскую среду, и заменить его некому.

Второй человек, чье отсутствие сегодня ощущается так болезненно — Юзеф Чапский. Вплоть до конца восьмидесятых годов обладавший даром вечной юности. В восемьдесят с лишним лет он, ко всеобщему ужасу, ездил на мопеде — полувелосипеде-полумотоцикле — от дома «Культуры» до вокзала в Мезон-Лаффите. Позже ходил с палкой, до глубокой старости страстно дискутировал на волнующие его темы, посещал выставки, все польские мероприятия. Потом уже приходилось навещать его дома, но до самого конца он оставался личностью удивительно притягательной. Нам всем его очень не хватает. Каждый оказывавшийся в круге воздействия Юзефа Чапского знал, видел, чувствовал: перед ним человек исключительный. А еще — что это связь не просто двух-трех людей, но многих, очень многих, связь в пространстве и времени — поверх поколенческих разграничений, национальных водоразделов. Свет его личности остается внутри нас, и тот, кто хранит в памяти образ этого человека, на некоторые вещи реагирует иначе или,

во всяком случае, знает, что на них можно реагировать иначе, и знает, что существуют другие люди из круга Чапского, на которых также лежит печать его личности.

То, о чем я говорил — тот польский Париж — отчасти уже уходит в прошлое, но частично еще сохраняется в Центре диалога монахов-паллотинов. Наибольшее значение, абсолютно фундаментальное для всех, всегда имела парижская «Культура». Парижская «Культура» — это и журнал, и дом в Мезон-Лаффите, который словно бы делился на две части, два мира, две стороны. В Мезон-Лаффите всегда существовала сторона Гедройца — идеолога, человека, разговаривавшего исключительно на важные темы и исключительно о том, о чем он сам желал говорить, и существовала сторона, которую друзья этого дома называли стороной Зигмунта — Зигмунта Херца, бывшего своего рода министром иностранных дел «Культуры». Он в самом деле умел найти подход к людям, интересовался ими. Говоря о нескольких польских организациях и о «Культуре», я имел в виду, прежде всего, как раз Зигмунта Херца: он напоминал верблюда, навьюченного пачками книг, которые раздавал разным людям из ПНР, завозил в гостиницы, вручал при встрече. Делал всякие покупки, порой странные, для тех, кто жил в социалистической Польше. В «Библиотеке Культуры» вышла переписка Зигмунта Херца и Чеслава Милоша. Точнее, это письма Зигмунта Херца к Чеславу Милошу. Это очень интересная корреспонденция, но я бы сказал, что в определенном смысле Зигмунт Херц — как мне кажется — был добрее и умнее, чем из нее следует. Он запечатлевал в этих письмах всевозможные сплетни, забавные истории, взирал на мир и его обитателей пристрастно и ехидно, однако был человеком невероятно, до мозга костей, добрым, и эту свою доброту прятал под маской цинизма или такой шутливой иронии. Я боюсь, что не все читатели этой увлекательной переписки разглядят его доброту. Это был в самом деле необыкновенный человек, который для меня лично, для Милоша, для Яна Лебенштейна и массы других людей сделал колоссально много, и ему доставляло удовольствие, что он может кому-то облегчить жизнь.

Мой переезд в Париж связан с участием в создании и выпуске журнала «Зешиты литерацке» и заботами о том, чтобы он держался наплаву. «Зешиты» — детище Барбары Торуньчик, упорству и труду которой журнал обязан своим рождением и существованием. «Зешиты литерацке» — своего рода мостик, соединяющий разбросанных по свету пишущих и читающих.

Бася Торунчик сейчас живет между Миланом и Варшавой; я живу в Париже, но порой путешествую; Адам Загаевский зарабатывает на хлеб, читая лекции американским студентам о том, как надо писать по-английски; Станислав Бараньчак — профессор Гарварда; Эва Курылюк также много ездит, но живет в Нью-Йорке и там рисует, пишет, а порой и преподает в американских университетах; Эва Беньковская живет под Парижем и сотрудничает с представительство Польской академии наук в Париже; литовец, наш друг и член редакции Томас Венцлова преподает в Йельском университете; Иосиф Бродский — прекрасный поэт и близкий друг — преподает в Колумбийском и других американских университетах... Но место наших встреч, созданное Басей Торунчик — это «Зешиты литерацке». Мне кажется, что все мы стремимся напечатать здесь то из собственного творчества — а может, в еще большей степени из чужого, но близкого нам — что для нас важно и чего нам не хватает в польскоязычной культуре. Неважно, участвует ли человек в этой польскоязычной культуре так непосредственно и интимно, как мы, или чуть со стороны, как Томас Венцлова или Иосиф Бродский.

«Зешиты литерацке» родились, как я уже говорил, в Париже, это плод трудов Барбары Торунчик, но помогали ей в этом предприятии многие. В этой связи я бы хотел упомянуть человека, который очень поддержал нас своим спокойствием, методичностью, человека, не являющегося литератором, человека не пишущего — я имею в виду программиста Кшиштофа Апта. Он родом из Катовице, закончил Вроцлавский университет, выдающийся математик; преподает в американских университетах и в Амстердаме. В то время он работал в Париже, в Государственном центре научных исследований. У него была маленькая квартирка и в этой квартирке — стол, часть которого занимал журнал, то есть там Апт держал документы, вел переписку с книжными магазинами, с типографией, оттуда организовал рассылку «Зешитов» — и с этого началось, закрутилось то, что стало важной и значимой частью моего Парижа.

Позже, в восьмидесятые годы, к большой нашей радости аж два подпольных издательства начали печатать польскую версию журнала — в Кракове и в Варшаве. Когда появилась возможность, «Зешиты литерацке» стали выходить одновременно в Париже и в Варшаве. Позже журнал переехал, теперь редакция и администрация находятся уже только в Польше. Но остались узы дружбы и узы сотрудничества — в высшем, самом личном и сердечном смысле этого слова.

Теперь мы получаем письма из провинциальных городов и городков Польши, от учителей и от учащихся лицеев — читателей журнала. Их привлекает то, что там печатаются тексты со всего мира. Нам очень приятно, и мы этому рады, поскольку именно такова была наша задача. Я знаю, что читателям также необходима подобная широта охвата. Порой нас упрекают в элитарности, в том, что мы замыкаемся в круге высокой культуры, однако эти упреки, как мне кажется, порождены своего рода пренебрежением к читателю — он якобы может не понять или не захотеть читать подобные тексты. Чаще всего он хочет и может, возможно, ему даже не хватает такой проработанной и усвоенной, близкой нам мировой литературы и достижений европейских писателей.

Когда-то люди, связанные с журналом «Зешиты литерацке», встречались в парижской комнатке Баси Торуньчик, но большие встречи происходили, собственно, только в Варшаве, по особым случаям, например, когда приезжали Милош, Венцлова, Бараньчак... выступали вместе. Но, прежде всего, это встречи с Барбарой Торуньчик, встречи отдельных членов редакции, встречи личные и встречи в письмах.

Мы с самого начала помещали в конце номера справки об авторах, ведь журнал был эмигрантский, и мы очень мало знали друг о друге. Это была своего рода редакционная почта, банк информации — где человек преподает, что в последнее время издал, над чем работает... чтобы и читатели, и сотрудники имели представление, что происходит в нашей среде.

Обстоятельство, объединившее нас, стоявшее у истоков создания журнала — тот факт, что 13 декабря 1981 года группа людей оказалась за границей, а конкретно — в Соединенных Штатах, а еще конкретнее — мы с Басей Торуньчик оказались в Нью-Хейвене, в Йельском университете. Я гостил у друзей, Бася получила стипендию. Уезжая в Штаты, я не планировал оставаться на Западе, но после 13 декабря нам стало ясно, что возвращаться нельзя. Мы решили, что нужно сделать что-нибудь, что позволит продолжать публиковать независимые польские тексты, независимую польскую литературу. Прежде всего так считала Барбара Торуньчик, уже являвшаяся членом редакций неофициальных изданий — журналов «Запис» и «Рес Публика» (в редакцию второго издания я тоже входил). Ситуация была драматической. Многие наши друзья оказались арестованы, в первые дни и недели мы ничего не знали об их судьбе. Это легко забывается, но дела обстояли именно так.

Потом, когда ситуация в Польше прояснилась, стало очевидно, что в ближайшее время мы не вернемся, и Бася все более активно думала о создании журнала. Впрочем, Чеслав Милош и Константы Еленьский также стояли у колыбели этого издания. Чеслав Милош, которого я встретил 16 или 17 декабря в Нью-Йорке, сказал две вещи: во-первых, что приветствует меня в роли писателя-эмигранта, во-вторых, что нужно издавать журнал, что это форма выживания в момент опасности. Он сказал это жестко и определенно. У него ведь был большой опыт — как происходят такие процессы. Константы Еленьский жил в Париже и дарил нам тепло своего сердца.

Как я уже говорил, Бася Торуньчик, человек очень энергичный, стремилась к этому всей душой. Моя роль заключалась в том, что я твердил, как хлопотно издавать журнал: нужно найти деньги, найти людей, которые будут заниматься этим журналом, помогать его редактировать и издавать. Одному человеку это не под силу, он не справится с таким объемом работ. Нужно найти людей, которые будут публиковаться в таком журнале. И нужно найти людей, которые будут такой журнал читать. Оказалось, что проблем еще больше, так что на разных этапах я «подсовывал» их Басе, а она искала обходные пути, старалась преодолеть сложности и доказать, что это все же реально. И доказала. Но не без помощи целого ряда друзей. Станислав Бараньчак моментально загорелся и помогал своими многочисленными талантами, своей работоспособностью и скрупулезностью в оценке поэтических текстов, переводами с английского, с русского. На этапе второго номера к нам присоединился Адам Загаевский, которого военное положение застало в Польше, но едва уехав, он сразу начал писать для журнала. Юзеф Чапский, у которого я попросил фрагменты его «Дневников», отреагировал на нашу просьбу с энтузиазмом и тут же прислал их; было видно, какое удовольствие и удовлетворение ему доставляет то, что тексты, которые писались интимно, лично, для себя, вызывают интерес. Эти фрагменты были опубликованы в первых трех номерах журнала. Я считаю «Дневники» все еще недостаточно оцененным памятником польского языка.

Таких друзей было много, и мы очень ценили то, что «Зешиты литерацке» являются еще и своеобразной объединяющей нас паутиной или, вернее, шелковой тканью дружбы.

Молодые люди, начинающие сегодня интенсивно читать — читать польскую и иностранную литературу — уже не знают, а те, кто знал (как я заметил), как-то быстро позабыли следующее: до 1989 года некоторые книги были читателю

совершенно недоступны. Как и некоторые имена, такие, как Херлинг-Грудзиньский, Милош, Чапский — которые не могли звучать на страницах периодики. Когда я сотрудничал с журналом «Творчество» — а следует помнить, что это был журнал, к которому цензура относилась весьма терпимо — там можно было опубликовать (как и в еженедельнике «Тыжденьик повсехны», но в еще большей степени) вещи, которые в других местах не печатали. Но и здесь цензор прочитывал каждый текст, и существовали целые списки имен: те, о которых нельзя писать позитивно; те, которые вообще не разрешается упоминать; те, о которых писать можно, но не слишком часто. На протяжении многих лет книги, значимые для польской литературы, значимые для польской рефлексии о мире XX века, были совершенно недоступны, очень часто об их существовании вообще не знали. Это стало очевидно, когда Милош получил Нобелевскую премию, когда начали выходить в официальной печати произведения Густава Херлинга-Грудзиньского. Порой школьные учителя не представляли, что отвечать ученикам, которые интересовались — кто такой этот Милош? И, в свою очередь, беспомощно расспрашивали друзей: «Скажи, что он такого написал?»

Пожалуй, здесь стоит рассказать мою личную историю встреч с эмигрантскими писателями, встреч в двух значениях этого слова. С теми писателями, которых я ценю больше всего, мне довелось встретиться лично. Некоторые из этих встреч были тайными, на закате их жизни. Они были важны для меня как эмоциональное переживание, но не они меня сформировали. Подлинные встречи — это встречи над листком бумаги, страницами книг, посредством статей, эссе, стихов, публиковавшихся в «Культуре». Некоторые из таких встреч навсегда запечатлелись в моей памяти.

Об эмигрантских писателях я написал книгу эссе, которую озаглавил «Безбожные книги». Это цитата из «Дзядов» Мицкевича. Густав говорит: «Ах, эти книжки! Сколько зла, безбожья! О, юности моей и небо и мученье! В тех муках исковерканы жестоко Вот этих крыльев основанья. Годятся крылья лишь парить высоко, И нет в них силы долу устремиться»^[1].... Очень красивый, возвышенный образ определенного явления, по интонациям и манере близкий романтическому мироощущению. Сегодня мы смотрим на это более отстраненно, с иронией, но я знаю по себе и по другим, что для моего поколения, а также для более молодых людей такие «безбожные» книги существовали. Возможно, они есть у каждого поколения. И «безбожные» встречи были также — и

именно они имеют для памяти, для воображения фундаментальное значение.

Первую встречу я до сих пор помню, как будто это было вчера — помню шрифт, помню, где все происходило. Это случилось весной 1956 года. Мой старший брат — Якуб Карпиньский — учился в лицее Рейтана, а я заканчивал среднюю школу, мне еще не исполнилось тринадцати. Однажды случилось так, что мы оказались без ключа — может, забыли дома — и не смогли после уроков войти в квартиру, и как раз в тот день мой старший брат принес из школы, от одноклассника, эту таинственную книгу. Отец того мальчика, известный деятель организации «ПАКС», одним из первых во время оттепели выехал за границу и привез три книги, изданные в «Библиотеке „Культуры”». Это были: «Транс-Атлантик» и «Венчание» Гомбровича, «1984» Оруэлла и «Порабощенный разум» Милоша. Книги одноклассник одолжил моему брату в обмен на чертеж, который тот пообещал за него сделать. Первой книгой, которую он дал Якубу — всего на один день — оказался «Порабощенный разум». Мы сидели на лестнице, я заглядывал брату через плечо. Якуб читал быстрее, так что я, чтобы не отставать, пропускал верхние и нижние строки. Так я впервые прочитал книгу писателя-эмигранта. До сих пор отчетливо и ясно помню пережитое мною тогда чувство восторга. Что́ я из того чтения на лестничной клетке понял, теперь уже точно не определишь, но в определенном смысле — очень многое, в определенном смысле я реагировал острее, чем потом, слова Милоша подействовали на меня с магической силой. Прежде всего, я понял, что для меня это писатель потрясающий и постарался разыскать другие его тексты. У родителей сохранилось несколько не сгоревших во время Варшавского восстания номеров «Скамандра» из библиотеки моего дяди, и там я нашел довоенные стихи Милоша. Я читал их с волнением.

Следующий «безбожный» текст я уже сам принес из школы. Я учился в лицее Рейтана и сидел за одной партой со Стасем Малковским — потом он стал ксендзом, известным, выдающимся священником, человеком очень убежденным, а в те годы был хулиганистым юношей, демонстрировавшим большие способности к математике и физике. Мы дружили, и его родители относились ко мне с симпатией. Они, в свою очередь, дружили с Юлиушем Понятовским, довоенным министром сельского хозяйства, который как раз в это время вернулся из эмиграции. И привез оттуда свою библиотеку. Я узнал от Стася Малковского, что в ней есть книги писателей-эмигрантов, в частности, «Иной мир» Густава Херлинга-

Грудзиньского. Я одолжил книгу и помню, что проглотил ее за один вечер и часть ночи, а потом до утра не спал. Вышел на балкон, смотрел на рассвет над Варшавой, знакомые дома и улица предстали передо мной словно бы в другом свете, и это осталось в памяти навсегда.

Хотелось бы еще вспомнить о третьей встрече с «безбожными книгами». Когда я учился в лицее Рейтана, в рамках каких-то педагогических экспериментов для выпускного класса были организованы экскурсии (вероятно, призванные подготовить нас к выбору будущей профессии — в моем случае можно сказать, что это причудливым образом сработало). Мы побывали на хлебозаводе, потом на лесопилке и, наконец, отправились в Национальную библиотеку. Нам показали, как пользоваться каталогом и предложили попробовать самим. Я сразу заглянул в ящичек с буквами «Ми». На карточках с книгами Чеслава Милоша увидел какие-то странные значки и цифры. Я не признался в том, что ищу, просто спросил, все ли книги можно брать — меня заверили, что все; еще я спросил, каждый ли человек может пользоваться библиотекой — мне ответили, что да. На следующий день после уроков я вернулся в библиотеку, протянул школьное удостоверение и дрожащей рукой заполнил требование. Начал я с «невинных» книг, которые, однако, меня интересовали — во-первых, поэтического сборника Милоша, изданного еще до того, как он остался на Западе — «Спасение». Книгу мне дали. В тот день я заказал еще «Долину Иссы». Ее мне тоже дали. Две недели я каждый день ходил после уроков в Национальную библиотеку. Брал книги все менее «благонадежные» с политической точки зрения. Дошел до «Захвата власти» Милоша, его «Поэтического трактата», вернулся к «Порабощенному разуму». Помню, что получил французский вариант открытого письма Юзефа Чапского к Маритену и Мориаку о Варшавском восстании, но когда захотел почитать «Старобельские воспоминания» и «На бесчеловечной земле», ко мне подошла встревоженная библиотекаря и спросила, зачем мне эти издания. Я ответил, что готовлю для урока доклад о поэзии Милоша (чистой воды выдумка). И услышал, что эти книги не выдаются. Я еще несколько дней читал поэзию Милоша, а потом перестал ходить в Национальную библиотеку, но то, что я тогда прочитал, осталось со мной навсегда. Сохранилась — на память об этом библиотечном «говенье» — тетрадка, куда я выписывал цитаты из «Поэтического трактата» и «Порабощенного разума».

В 1963 году, студентом второго курса университета, я впервые оказался в Париже и впервые получил возможность читать

свежие номера «Культуры» и книги из «Библиотеки „Культуры“», а также другие эмигрантские издания. Я покупал их в «Либелле» у Романовичей, иногда в польском книжном магазине на бульваре Сен-Жермен. Читал с волнением. Тоже незабываемое переживание, ведь это были не простые номера «Культуры». До сих пор помню, какие там печатались тексты, и считаю эти годы временем зрелости или расцвета польской эмигрантской литературы: вы только представьте себе, в двух летних номерах — начало «Трансатлантического дневника» Гомбровича, там, где «Пишу эти слова в Берлине...». Мне эти страницы представляются самыми прекрасными, самыми мощными во всей польской прозе. Конечно, у кого-то может быть иное мнение, но с литературной и духовной точки зрения, это текст безусловно необыкновенный. В том же номере стихи Александра Вата — они меня всегда потрясают — и его эссе «Ключ и крюк»; я их тоже запомнил, переписал и потом старался при первой возможности к ним вернуться. Еще незабываемое эссе «О нескольких противоречиях современного искусства» Константы Еленьского. Один из прекраснейших польских текстов об искусстве. И поэма Чеслава Милоша «Заколдованный Гучо», которая, как мне кажется, знаменует начало нового периода в его творчестве. Трудно сказать определенно, какие стихи Милоша самые лучшие. Таких у него как минимум более десятка, и они разбросаны по разным периодам, но это текст удивительный, особенно его начало, эти рванные фразы, и они также представляются мне прекраснейшими, какие существуют в польской литературе, и на юношеское воображение, на юношескую впечатлительность такие вещи, такие страницы воздействуют с магической силой.

Мне тогда довелось познакомиться с людьми, связанными с «Культурой», сыграло свою роль то обстоятельство, что Зигмунт Херц учился в той же лодзинской гимназии, что и мой отец с дядей, так что, узнав, что приехал некий страстный читатель «Культуры», он заинтересовался. Мы встретились в кафе. Я выплеснул на него свой восторг по поводу двух летних номеров «Культуры». Зигмунт Херц ответил чуть ироничной улыбкой. Позже я понял, что к Гомбровичу он относился иначе, чем я, и к Александру Вату как писателю — также, но ему было приятно, что журнал, в котором он работает, производит такое впечатление. От кафе — на углу бульвара Сен-Жермен и рю дю Бак, его уже нет — мы прошли несколько десятков метров: в доме, где расположено кафе «Де Маго», напротив церкви Сен-Жермен-де-Пре, жил в снятой для него квартире Александр Ват. Он лежал в кровати, рядом сидела его красавица жена, Оля Ват — и начался потрясающий разговор.

В буквальном смысле этого слова писателем-эмигрантом Александр Ват стал несколько недель назад, попросив политического убежища, однако публиковаться под псевдонимом начал уже раньше. Я читал его стихи, выходявшие в ПНР в издательстве «Выдавництво литерацке», и они меня восхитили. Я уже тогда, в конце пятидесятих годов, считал его принадлежащим к духовной семье «Культуры». Мы вошли, я сел у его постели... Я не знал, что он страдает от различных психофизических болей. Он смотрел добрыми, горячими, пронзительными глазами, в которых читались одновременно страдание и сердечность. Ват смотрел на меня и говорил. Он говорил, не переставая — и говорил потрясающе. Беседы с Чеславом Милошем, которые я прочитал позже, отчасти передают эту необыкновенную атмосферу. А также — немного — его эссеистика: неупорядоченный синтаксис, странно полонизированные иностранные слова дают некоторое представление о его поразительно живой речи.

Это была первая моя встреча с Александром Ватом. В 1965 году, во второй свой приезд в Париж, я, разумеется, снова пришел к нему; тогда он показал мне несколько потрясших меня стихотворений, это было переживание огромной силы. Когда я приехал в третий раз, летом 1967 года, Александра Вата уже не было в живых.

В тот день, в сентябре 1963, когда я впервые встретился с Зигмунтом Херцем, он дал мне телефон Константы Еленьского. Назавтра я позвонил, и Еленьский сразу согласился встретиться, хотя, разумеется, моя фамилия ничего ему не говорила. Он знал только, что я студент и звоню по рекомендации Зигмунта Херца. Мы договорились встретиться в Конгрессе свободы культуры, на бульваре Осман, 104 — позже я прочитал, что в соседнем доме долго жил Пруст, для меня это было важно. Мы с Константи Еленьским пошли в кафе, где он говорил мне о вещах, которые, как он полагал, могут иметь значение для студента-филолога, о польских писателях, которые, он считал, могут меня заинтересовать. Я видел, что нас обоих эти писатели не слишком занимают, но сразу разглядел человека, исполненного света, и это впечатление сохранялось на протяжении всего нашего знакомства, а позже дружбы.

Александр Ват называл Константы Еленьского «электронным мозгом». Да, так оно и есть. Он был человеком, который молниеносно мыслил и выстраивал связи, но в нем было нечто большее, какая-то аура поэтического напряжения. Он бывал полон иронической дистанции к себе и к миру, но видел все в

нескольких измерениях. Мне довелось узнать нескольких исключительных личностей, но человека столь тонкого — никогда, поэтому уход Константы Еленьского стал для всех его друзей невосполнимой утратой. Я храню в памяти все то, что он дарил людям, которые с ним соприкоснулись... что он дарил своей личностью — и своим творчеством. Потому что я уже тогда, сразу, понял, что это еще и необыкновенный писатель, не только человек. Вначале я пытался как-то это выразить, но почувствовал, что ему это неприятно, словно обременяет его дополнительными обязательствами, так что решил не приставать к нему с этим, но своего мнения не изменил. Его стиль, его восприятие духовного мира, его социологическое мышление были поразительны и ни с чем не сравнимы. Это был человек, воспитанный в нескольких культурах, вращавшийся во многих мирах, говоривший на многих языках, но — о чудо — традиции польской интеллигенции, прежде всего интеллигенции дворянского происхождения имели для него какое-то особое, личное значение. Приезжая в Париж, я всегда старался встретиться с Еленьским, а он всегда находил время для людей, которые искали встречи с ним, хотя таких людей было много, и был терпелив со всеми, и я старался максимально использовать эти короткие — для меня всегда слишком короткие — мгновения общения. Сначала я спрашивал о новостях в мире французской, английской, итальянской литературы, о новых интересных книгах, новых выставках (он прекрасно разбирался в живописи). Потом мы немного беседовали на политические темы, которые его интересовали — чрезвычайно, но, я бы сказал, до определенной границы. Проблемами на самом деле для него важными были проблемы человеческие, то, что происходило не только на уровне политики. Потом мы говорили о Гомбровиче и о Милоше, то есть о тех польских писателях, которыми он тоже интересовался и которым дал так много, ничего не взяв взамен. Его бы возмутила подобная формулировка, потому что, разумеется, он взял от них очень много — их произведения, их личность, этого достаточно. Потом наступал своего рода четвертый такт, триумфальный: Еленьский начинал рассказывать о семье, о среде друзей своей матери, о каких-то людях, которые, вроде, были от него так далеки, о тетках и дядях из литовских поместий и усадеб, о польской довоенной интеллигенции, о Кароле Шимановском, об Антонии Слонимском. Он рассказывал необыкновенно остроумно. Умел великолепно имитировать голос, акцент. Разыгрывал целые сцены, одновременно иронически и добродушно. Что-то фантастическое, тогда это была редкость. Следует помнить о том, о чем я уже немного говорил, о раздробленности мира в те годы. В Варшаве читали одни книги, в Париже — другие.

Общались с разными людьми. И даже когда появился доступ к запретным книгам, те воспринимались иначе, укладывались в другие «ящички». У Еленьского политическое, личное, художественное измерения сосуществовали в рамках одной личности — и это было прекрасно.

Мне довелось также встретить Витольда Гомбровича и Ежи Стемповского, уже в конце их жизни. Сперва о Ежи Стемповском, с которым я познакомился в 1969 году... — это был черный год для польской литературы. Умер Казимеж Вежиньский, покончил с собой Марек Хласко, скончался Витольд Гомбрович, осенью ушел также Ежи Стемповский. В очень интересных письмах Ежи Гедройца к Юзефу Витлину — написанных в стиле Редактора, блестящими, короткими, ироническими, неожиданными фразами — я обнаружил такую реплику, относящуюся к тем мрачным дням после очередной смерти: «Надеюсь, костлявая, наконец, поломала свою косу». Но это было еще до смерти Ежи Стемповского, которая произошла ранней осенью 1969 года. Летом 1969 года я оказался в Париже. До сих пор не понимаю, каким образом мне дали паспорт. Фантастика, ведь дело было после 1968 года, когда меня допрашивали, а брат сидел в тюрьме. Сначала сидел за события, связанные с мартом 1968 года, потом это переросло в дело так называемых «татерников», то есть людей, связанных с парижской «Культурой», которых обвиняли в контрабанде запрещенных книг через Татры. Так что, оказавшись в 1969 году в Париже, я сразу укрылся в пещере льва, то есть был приглашен жить в Мезон-Лаффит, чтобы не ездить туда-сюда и не попасться кому-нибудь на глаза. В «Культуре» тогда жил Ежи Стемповский, который бывал там почти каждый год. Он перенес тяжелую болезнь, плохо говорил. Обаятельный собеседник, он говорил всегда очень тихо, словно бы не навязывая свои слова, но обычно именно он определял ход беседы, и на протяжении десятилетий получалось так, что пан Ежи рассказывает — этим своим тихим голосом, а все вокруг прислушиваются. Тогда в Мезон-Лаффите Стемповский тоже пытался рассказывать. Он знал, что приехал молодой человек из Польши. Для него было важно передать этому юноше какую-то информацию о себе, о вещах, для него значимых. Пан Ежи узнал, что я читал дневники его отца, читал его собственные книги, это имело для него большое значение, и он старался что-то мне сказать. Он, так заботившийся о логике фразы, о точности высказывания, он, так чудесно владевший языком — не мог говорить свободно. Он заикался. То, что он говорил, было очень интересно, но на некоторых словах он спотыкался или переиначивал их. Ничего ужасного, но для него это было невыносимо и выводило его из себя. Унижало. Поразительно,

что нельзя было помочь ему иначе, кроме как терпеливо его слушая. Так выглядела моя встреча с Ежи Стемповским. Ежи Гедройц, когда Ежи Стемповский решил возвращаться в Берн, попросил меня отвезти его на вокзал, так что я был последним человеком из Мезон-Лаффит и Парижа, который его видел. Я внес чемодан в вагон. Пан Ежи всегда брал с собой минимум вещей. На вокзале он еще купил мне Поля Морана, книгу из его эпохи, которую хотел мне подарить, чтобы у меня осталось что-то на память, так мы и попрощались, но, конечно — подчеркиваю — подлинными встречами было чтение его текстов.

С Гомбровичем лично я встретился однажды или, можно сказать, дважды за один день, летом 1967 года. Я был тогда в Париже, и мы с товарищем отправились автостопом на юг Франции. На Ривьере я любовался прекрасными видами и красивыми людьми. Жизнь казалась мне переливающейся всеми цветами радуги. Я упоминал в «Культуре», что собираюсь на Лазурный берег, так что на всякий случай Зигмунт Херц выслал мне до востребования рекомендательное письмо к Гомбровичу и дал его адрес. Я не думал, что воспользуюсь им, но случилось так, что я случайно оставил куртку в молодежном хостеле в Ницце и пришлось вернуться. Мы с товарищем договорились встретиться в Ментоне, и я поехал в горы, вглубь Ривьеры, в Ванс. Долго искал дом номер 36 на Плас-дю-Гран-Жарден. Вход был сбоку, и найти его было нелегко. Поднимаюсь по лестнице, и тут появляется человек, показавшийся мне очень старым, потом выбегает дворняжка, и он кричит по-польски: «Псинка, псинка!». Я догадался, кто он такой, представился, вручил письмо. Он очень сердечно пригласил меня войти. Я уже не первый год был поклонником Гомбровича и как раз тогда что-то о нем писал для себя — позже, спустя много лет, этот текст вошел в «Безбожные книги», так что у меня имелось сложившееся мнение о его творчестве, весьма восторженное. Я был убежден, что это человек, пишущий по-польски удивительно, с поразительной точностью и силой слова, о вещах фундаментальных... Он пригласил меня в комнату, меня поразили висевшие там картины, поскольку я знал, что Гомбрович к живописи относится отрицательно. К тому же это оказались картины абстракционистов, их было совсем немного. Спартанская обстановка. Там мы начали разговаривать. Потом продолжили разговор в кафе. Гомбрович сразу принялся экзаменовать меня по «Бытию и ничто» Сартра, велел пересказать какую-то главу, я был не готов и, кажется, справился не лучшим образом, но меня поразило, что Гомбрович пытается взять верх надо мной — студентом, на которого, вроде, вообще не должен обращать особого

внимания, что он распускает передо мной хвост и что перья этого хвоста такие серые... У него был какой-то ускользающий взгляд. Позже я прочитал у Риты Гомбрович, что он говорил: «Я никогда не смотрю людям в глаза, потому что слишком много вижу». Может быть... и позже я узнал, что Гомбрович тогда принимал кортизон и был смертельно болен, но мне он тогда показался человеком за стеклом, чей голос не достигает моих ушей — этот великолепный голос, великолепная польская речь. Когда я думаю о встречах с Гомбровичем, то обращаюсь мыслями не к этой встрече. С какой-то навязчивой силой я вспоминаю его описание Берлина и фрагмент «Трансатлантического дневника», начинающийся со слов: «Пишу эти слова в Берлине». Эти слова кажутся мне поразительными. Слова, написанные в Берлине — это прощание с Аргентиной. Слова о Берлине — Гомбрович писал всегда с дистанцией — написаны в Руамоне, но описание Берлина и описание Гомбровича в Берлине — самое прекрасное описание этого города из всех, какие я знаю, описание местами необычайно чувственное, напряженное, красочное, местами — глубоко трагическое. Там есть слова, уже ставшие классикой польской литературы, о том, как он ходил по Тиргартену, неподалеку от дома, где тогда жил, и вдруг до него донесся знакомый запах, аромат трав, который он помнил по детству в Малошицах, и он понял, что это смерть. Круг замкнулся. В определенном возрасте не стоит слишком путешествовать во времени, за это приходится расплачиваться. Да, Гомбрович увидел свою смерть, он пишет, что в тот приезд в Берлин смерть несколько раз заглядывала ему через плечо. Позже от людей, которые знали его раньше — в Аргентине и в Париже — я узнал, что после возвращения из Берлина они увидели другого человека, что физически он там умер. Он пережил депрессию, а также тяжелый физический кризис; два месяца провел в больнице. В Берлине он действительно столкнулся с собственной смертью. Дело не только в политике — в то время была развернута позорная травля, Гомбровича пытались подавить, заставить молчать... нет, дело не только в этом — он увидел собственную старость, собственное умирание, но о его триумфе свидетельствует то, что он сумел этот жестокий, трагический и очень конкретный опыт накрыть словом — живым, волнующим. Он сумел описать собственное умирание и собственное возрождение, он, который бежал от каких бы то ни было исторических аллюзий, который говорил, что никогда не осматривает никакие достопримечательности — сумел показать Берлин в этих нескольких исторических слоях города. Я не знаю другого столь убедительного описания этого города, который одновременно предстает неким парком, садом — и наслоением событий, катастрофических для мира, для Европы,

для Польши. Для Гомбровича Берлин был городом, который — говоря метафорически — извлек его из аргентинского забвения, городом, в котором его творчество обрело мощь уже мирового масштаба — он это осознавал — и одновременно городом, где его физические силы, его возможность соприкосновения с миром оказались трагически ограничены. И сумел это описать. Сумел описать немцев, не углубляясь в исторический анализ, только рассказав о нескольких встречах.

Я считаю, что встреча Гомбровича с Берлином — нечто уникальное, и когда я хожу по Берлину, она сопровождает меня, словно тень. Гуляя по Тиргартену, я вижу те деревья, которые сейчас там растут, этот залитый солнцем парк, и одновременно вижу фотографию Тиргартена, скажем, 1946 года, когда там не осталось ни одного дерева, поскольку все их сразу после войны пустили на дрова — там были сплошные картофельные поля. Вижу правительственный район по соседству, полностью разрушенный, место, где некогда принимались решения, раздиравшие Европу на части, заставившие ее умыться кровью. И вижу Гомбровича, который ходит по этому Тиргартену. У Гомбровича есть такое описание, описание тех дней, описание лекции в Берлине, описание сюрреалистическое и одновременно реалистическое, описание, которое мы знаем в нескольких версиях. Это текст в своем роде уникальный. Об этом стоит сказать. Дело в том, что Гомбрович, за редкими исключениями, уничтожал свои рукописи, но когда он приехал в Руамон под Парижем и познакомился с молодой канадкой Ритой Ляброс, позже ставшей его женой, и когда они поселились вместе, Рита порой извлекала из мусорной корзинки выброшенные странички. Витольд иронически улыбался, но не протестовал. Рита складывала листочки на шкаф. Благодаря этому сохранились версии этой «*Lesung*», лекции в Берлине. То, что я так долго говорю о Гомбровиче и мысленно вижу его в современном Берлине — конечно, связано с убедительностью его текстов, но также и с тем, что я в последнее время работаю над книгой о Берлине и стараюсь подсмотреть за Гомбровичем, увидеть его в том Берлине, в очень ограниченном пространстве — Тиргартен и несколько улиц, некогда самых оживленных в Европе. Теперь это зеленые площади или стройплощадки. Я стараюсь увидеть разных людей, значимых для европейской культуры, немецкой и польской. Образ Берлина в глазах Гомбровича — образ особенно мне близкий, но в этой книге появляются также другие фигуры: великий физик Гейзенберг, описывающий прогулку по пылающей Потсдамерштрассе после первой сильной бомбардировки Берлина. Выдающийся меценат граф Гарри Гесслер, друг многих писателей, музыкантов, художников,

владелец прекрасной коллекции живописи: Ван Гого, Сёра, а еще человек, который в начале ноября 1918 года привез Пилсудского из Магдебурга в Берлин, а затем из Берлина в Варшаву. У него была квартира как раз в том районе, который меня интересует, и там он держал свою коллекцию, славившуюся на всю Европу. Клаус Манн, сын Томаса Манна, приезжая в Берлин, также останавливался неподалеку, и посещал врача, специалиста по кожным и венерическим болезням, но не по этой причине, а потому что этот дерматолог — Готфрид Бенн — был одновременно, пожалуй, величайшим немецким поэтом своего времени и его образ Берлина и то, как в Берлине отражается его поэзия — для меня тоже важно и значимо. Еще неподалеку есть галерея, в которую я часто захожу, там я впервые увидел картины художника, сегодня наиболее мне близкого, не только в немецком искусстве, но вообще в этом поколении — Райнера Феттинга. В его произведениях с маниакальным упорством возникает берлинская стена и Берлин. То, как он видит Берлин, как он видит будущее города, также очень меня интересует, и я бы хотел это описать — описать город сквозь призму этих людей и этих людей сквозь призму этого города, а сквозь призму всего этого — и себя самого.

*Записала в 1994 году Анна Свидерская, расшифровка Богумилы
Пшондки*

Перевод Ирины Адельгейм

Войцех Карпиньский (р. 1943) — эссеист, редактор, автор трудов по истории XIX в., эмигрантской литературе и искусству.

Арсений Рогинский (1946 – 2017)

Арсений Рогинский. Фото: Т. Kizny

Выпускник историко-филологического факультета Тартуского университета. Редактор самиздатовского исторического альманаха «Память». Четыре года провел в лагере. Был одним из важнейших членов общества «Мемориал». Стремился осуществить поставленные перед обществом цели (открыть максимум правды о репрессиях) и разрабатывал стратегию действий (как выжить в трудные времена). Иронией и самоиронией он защищал жизнь и свободу мысли от пафоса. Поэтому так тяжело говорить о нем как об ушедшем.